

Π. Σ. Δ Ε Λ Τ Α
Τ Ρ Ε Λ Α Ν Τ Ω Ν Η Σ

перевод с греческого: Александр Муцко

«Моим внукам, Лене и Аргини Занна»

1. Шарик

Каким же вздорным и непослушным мальчиком был Антонис! Он постоянно попадал в неприятности. Не проходило и дня, чтобы ему не прилетало по два-три нагоняя, когда от тети, когда от кухарки, когда от учительницы английского, а иногда и от горничной. Дяде то и дело приходилось вмешиваться.

Как только дядя приходил с улицы и слышал о новой проделке Антониса, он, обычно добрый, делал нарочно специальное суровое лицо, хмурил белые брови и, качая седой головой, строго говорил: «Антонис, я снова слышу, что ты шалишь! Боюсь, добром это не кончится!»

Это были минуты серьезности. Александра — старшая сестра — слушала дядю и краснела за брата. Слушала и Пулудья, младшая сестра, и ее сердце от волнения колотилось как барабанчик. Самый младший их брат, Александр, тоже слушал, сидя на полу с пальцем в рту, и решал про себя, что не хотел бы быть таким плохим мальчиком, как Антонис.

Но отставать от старшего брата он тоже не хотел. Ведь Антонис умел делать множество таких сложных трюков! Он мог крутить сальто три раза подряд и говорил, что смог бы и четыре, если комната была бы пошире, а то ноги об стену бьют. Он залезал на акацию во дворе, садился верхом на перила лестницы и съезжал вниз; как-то раз он пропрыгал на одной ноге три раза вокруг двора, не касаясь стен. Каждое утро он шел на море, окунал голову в воду и долго так держался с закрытым ртом и открытыми глазами, и ни разу не захлебнулся. И много чего еще умел делать Антонис.

Карманы его всегда были полны сокровищ. Чего там только не найти! Гвозди, шарики, камешки, веревочки, один раз попался кусок жеванной мастики, но ценнее всего было треугольное стеклышко, что выпало из церковного паникадила — какими красивыми цветами оно переливалось на солнце! Карманы Антониса просто ломились от богатств.

Родители Антониса жили в Египте. Они не смогли поехать с детьми в Грецию в то лето, и он, его брат и сестры приехали в Пирей с дядей Жоржисом и тетей

Марьётой, у которых у самих не было детей. Они поселились в одном из циллеровских домов.

Домов Циллера было всего семь, они стояли друг за другом: первый, крайний, большой — с тремя фасадами, остальные поменьше и попроще. У всех домов была веранда с видом на море и внутренний задний двор с видом на холм Кастела.

В первом большом доме проживал сам король с семьей, во втором — одна русская дама, придворная фрейлина королевы, в третьем — Антонис с братом, сестрами, дядей и тетей, а в остальных жили разные другие люди. Все они, как и король, переехали сюда из Афин, чтобы провести жаркие летние месяцы у моря.

Каждый день, когда Антонис с братом и сестрами шли на прогулку вместе с их учительницей английского, они проходили мимо большого дома, где жил король. Король держал больших охотничьих собак. Антонис слышал, как они лают и гремят цепями, запертые в обнесенном стеной дворе, и всякий раз этот грохот и лай действовали на него как великое искушение.

Вся четверка хорошо знала этих собак и особенно одного пса по кличке Дон. Собак часто видели с королем, он водил их с собой на прогулку свободно, без поводка.

Как магнит притягивали Антониса эти собаки. Каждый раз, проходя мимо с учительницей английского, он задерживался, совершал маневры, находил различные предлоги, чтобы приблизиться к двери во двор, на всякий случай — вдруг она полуоткрыта или вдруг найдется какая-нибудь щелка, через которую он мог бы увидеть Дона — большущего темно-рыжего пса, с чудными глазами: один глаз у него был голубой, а другой зеленый.

Но куда ему было скрыться от надзора англичанки! Вот она резко обернулась, в тот самый миг, когда он было подумал, что сбежал, метнула в него грозный взгляд и забрала его, угрюмого, но покоренного, назад, в группку из трех самых послушных.

— Злая, противная... — бормотал Антонис, хлеща веткой с оборванными листьями по камням мостовой (такая ветка всегда оказывалась у него под рукой, как часть его сокровищ, к великому восхищению Александра), — ворчливая курица...

— Кто? — спросил Александр, отворачиваясь от учительницы — та крепко держала его за руку — чтобы получше расслышать слова, которые вырвались у Антониса.

Англичанка не понимала по-гречески. Она тут же одернула малыша и вернула его в строй.

— Спик инглиш! — скомандовала она ему своим самым строгим тоном.

С гордой осанкой, поджав губы, все четверо, снова в сборе, шли за учительницей. Они больше не заводили разговоров, тем самым показывая ей свое неодобрение. И вот так, молча, они обошли скалу и поднялись на холм, подальше от проезжей дороги.

Там, вдали от всех, среди булыжников и сухого кустарника, дети сели рядком; они сдвинули ноги, прилежно скрестили перед собой руки и принялись всматриваться с высоты — вдали в открытом море сновали лодочки под парусами;

поближе, в глубине, внизу — скалы и камни выступали из прозрачных голубых вод у подножья Кастелы.

Вскоре учительница поднялась, сделала вид, что поправляет платье, а сама незаметно вынула что-то из кармана. Затем она раскрыла книгу и села к детям спиной.

Она делала вид, что читает. Но они-то знали, что она вовсе не читает! Потому что Антонис видел пару раз, как она тайком вытаскивает бутылочку с чем-то по цвету похожим на чай, отпивает из нее и снова поспешно прячет ее под полами юбки.

Тут и настало прекрасное время для Антониса, его брата и сестер. Они могли делать, что захочется. Учительница больше не смотрела на них. Антонис подал сигнал, и они один за другим молча встали и пошли прочь.

Началось всеобщее ликование. Они бегали, прыгали, спускались на дорогу, взбирались на камни, падали, вновь вставали, кричали, дрались, ссорились и вместе смеялись, ныряли в пыль, ловили кузнечиков, собирали гальку, бросались камнями — учительница уже ничего не видела и не слышала. Погрузившись в свою книгу, незаметно потягивая из бутылки, она предоставила детям свободу.

Какой же чудесной была та свобода на скалах Кастелы! Нигде пыль не была такой мелкой, кустарник — сухим, ветки — ломкими, нигде не было камней в таком количестве и не было земли столь богатой сокровищами.

Чего там только не найдешь! Зеленые и голубые стеклышки, иногда еще белые; ржавые жестяные банки, крышки от коробок — круглые, как колеса без осей: Антонис говорил, что им легко приделать ось из гвоздя, если продырявить посередине. Иногда какие-то железные колокольчики без язычка, что тоже исправлялось, уверял Антонис, большой бусиной Александры, если подвесить бусину на нитку — только Александра, у которой было пять таких бусин, не давала ни одной. Иногда попадались какие-то веревки, обрывки каната, проволока, но чаще всего камешки: любых форм и размеров, с дымчатыми, порфириными, розовыми или черными прожилками.

Однажды Пулудья нашла настоящее сокровище: шарики, множество шариков — черных, разбросанных по земле, маленьких и совершенно круглых. Она смотрела на них в изумлении, потеряв дар речи от радости. Первой ее мыслью было не звать ребят — шарики мог забрать себе Антонис; он как-то заявлял, что нечего девочкам играть в шарики, у них, мол, есть куклы и им этого достаточно. Но разбросанных шариков было так много, хватило бы всем, даже Александру, который так жаждал их, а Антонис никогда не давал ему свои.

Так что все-таки она позвала остальных.

— Шарики! Шарики! Смотрите, сколько! — крикнула она, собирая их в горстку.

Александр сел на корточки рядом с ней и, вне себя от радости, стал собирать их один за другим и перекачивать в ладонях. Но Антонис, с руками в карманах брюк, считал недостойным для мальчика восхищаться девчоночьими находками. И высказал свысока:

— А мои больше!

Александра — она всегда повторяла за Антонисом, — прибавила:

— И раз их выбросили тут, значит, они негодные!

Разочарованный, Александр раскрыл ладони, и его шарики рассыпались по земле. Но Пулудья не сдавалась.

— Откуда ты знаешь, что их выбросили? — спросила она. — Может, они были в кармане у какого-то мальчика, а карман порвался, и они попадали, пока он шел. Смотри, они везде, и здесь, и там, и вон там, внизу! Мальчик бежал, а шарики сыпались...

— Пффф... — перебил ее Антонис. Ему сильно хотелось заграбастать часть сокровищ сестры, но раз он не снизошел до них, то оставалось только обсмеять. — Много ты знаешь про мальчиков!

Уязвленная в своей доброте презрительным безразличием братьев и сестры Пулудья наполнила шариками карман и сказала:

— Ну и ладно. Вот попросите завтра мои шарики, а я вам их не дам!

Она обиделась и не захотела кидать камни вниз на берег с остальными.

Это была их любимая игра. Грустно стоя в стороне, Пулудья смотрела, как братья и сестра бросают камни, как камни прыгают по скалам, подпрыгивают снова и снова и плюхаются в воду.

Сам «плюх» не был слышен — они стояли слишком высоко, а вода была далеко внизу. Но Антонис говорил им, что всегда докидывает камень до воды, а если Антонис так говорил, значит, это правда. Потому что Антонис никогда не врал.

И дядя всегда это говорил: «Антонис — озорник, но никогда не врет». И тётушка так говорила, хотя и часто лупила его. И кухарка кера Рина — когда у нее болела голова, она повязывала лоб платком с ломтиками картофеля или лимона на висках, — ругала его сквозь зубы и говорила: «Ох уж этот баловник Антонис, Антонис-чертенис... Сохрани его от зла, ибо лгать он не умеет!»

Им вторила горничная Афродита — она была настолько же доброй, насколько и страшной на лицо. Она пыталась скрыть его проделки от тети, но он потом сам же в них и признавался.

Он признавался во всем, что ни спросят. И порой трясли его девочки: не рассказывай хотя бы о наших шалостях, не выдавай наши девичьи секреты.

И в тот же день, когда Пулудья нашла сокровища, ее постигло великое разочарование.

2. Козы

Дети вернулись домой с учительницей английского. Она сказала им, что нехорошо себя чувствует и поднялась в свою комнату.

Братья и сестры остались поиграть во дворе. Был еще день, но ни у кого не было настроения для игр, потому что Александр, на обратном пути поставил всех в неловкое положение.

— Как он мог! — воскликнула Александра, сцепив обе руки под подбородком.

Виновник сидел на крыльце задней двери дома, опираясь руками на камни, растянув свою белую вышитую юбку-фустанеллу, глаза его опухли от слез, нос

покраснел, губы были плотно сжаты, чтобы сдержать подкатывающие рыдания. Он смотрел то на старшую сестру — она, казалось, была оглушена тем горем, что свалилось ей на голову, то на Антониса — тот свешивался с натянутой бельевой веревки и от негодования даже забыл по привычке повернуться волчком на каблуке, то на Пулудью, на свою неразлучную спутницу — но и она склонила голову от позора, постигшего их семью.

— Представляешь, если бы мама узнала, что он сказал «эй ты» военному офицеру! — сказал Антонис, медленно цедя слова.

— И замахнулся кулаком! — прибавила Александра.

— И выставил ногу вперед, как будто выхватывает саблю! — добавил Антонис.

— И на кого? На офицера! — сказала Александра. На этом ужасном воспоминании Александр вновь разрыдался.

— Но я не знал, что это офицер! — проговорил он, всхлипывая.

— Как это ты не знал? Не видел, что он в белой форме с золотыми галунами на шляпе? — строго спросил Антонис.

— Видел... но уже после того, как сказал!

— А разве ты не слышал, что за нами идет его лошадь?

— Слышал. Но я думал, это Барбайннис Канатас!

Антонис на мгновение остановился, чтобы обдумать и взвесить эту возможность. Но нашел ее необоснованной.

— Так мог подумать только такой малыш, как ты! — строгим тоном ответил Антонис. — Может быть, ты слышал стук кувшинов Барбайнниса Канатаса (цики-цаки!), когда бежит его ослик?

— Нееет... — тихо признался Александр.

— И разве ты не слышал, что «цок-цок, цок-цок, цок-цок» лошади совсем не похоже на «так-так-так», когда бежит осел?

— Да... слышал... — еще тише ответил Александр.

— А как насчет «звяк-звяк» сабли об седло? — поднажала Александра, не отставая в наблюдениях и деталях.

С напоминанием об офицерской сабле у Александра снова потекли слёзы.

И старшая сестра принялась заново вспоминать эту драму:

— Ехал себе офицер с Кастелы... Спешил домой... Думал, что повстречал благовоспитанных детей. И вдруг, самый младший поворачивается, делает резкий шаг вперед...

— Как будто решил напасть! — возмущенно перебил ее Антонис.

— Да, как будто он решил напасть! — повторила Александра. — И с поднятым кулаком кричит: «Эй ты!» И кому? Военному офицеру!

Александр опять пустился в рев.

— Но офицер этот совсем не рассердился, — сокрушенно сказала Пулудья, качая головой — стыд за брата давил ей на плечи, — и он не ругался... а только засмеялся!

— Да, представь себе! Засмеялся! — в отчаянии повторила старшая сестра.

На этом Александр сломался. Зарыв голову в коленях, он давился слезами и рыданиями, орошая свою белую вышитую юбку-фустанеллу. Александра и Антонис неподвижно смотрели на него со всей суровостью, которую заслуживал

проступок брата. Но Пулудья — может быть, из-за того, что она была младше и сама легко пускалась в плач, может быть, потому что Александр в ссорах всегда был на ее стороне — Пулудья вдруг почувствовала, что и ее глаза наполняются слезами и что-то удушливо подступает к горлу. Склонившись над каменными плитками двора, она достала из кармана шарики и начала играть одна, открыв глаза как можно шире, чтобы слезы высохли, прежде чем начнут капать снова.

В эту минуту послышался тётушкин голос:

— Александра! Антонис!.. Где все дети? И где мисс Райс?

Четверо ребят поднялись. Пулудья побросала свои шарики и отряхнула пыльные руки, Александра подбежала к Александру, одернула и расправила его мятую юбку, и торопливо привела в порядок его взлохмаченные светлые кудри, Антонис, отпустив веревку, на которой вис, засунул руки в карманы и устоялся на горшок с раскидистым базиликом, как будто впервые его увидел.

А тётушка, невысокая, кругленькая, полная, но верткая, как резиновый мячик, вышла во двор. Она только что пришла с улицы, на ней еще были шляпа и перчатки.

Она окинула быстрым взглядом всех четверых разом и сказала:

— Вы одни? А где мисс Райс?

— Она пошла в свою комнату... — начала было Александра. Но тетя ее перебила:

— Почему?

— Она заболела и...

— Она не гуляла с вами? — снова перебила ее тетя.

— Нет, мы гуляли. Но когда мы вернулись, она сказала, что заболела... Изнутри дома слышались шаги и из дверей вышел дядя Жоржис, невысокий, круглый, тоже в теле. Несмотря на пепельно-седые волосы и белые брови, его добрая улыбка придавала ему молодой вид.

— Мисс Райс снова заболела, — сказала тётушка, поворачиваясь к нему

— Заболела? Вот беда! Привет вам, ребята! Пойдемте на веранду, там тетя Аргіни с Яннисом...

Но тетин голос прервал его:

— Так, а что это? Что это за дрянь у нас во дворе? Кто загнал сюда коз?

Все обернулись в недоумении.

Наклонившись вперед, подняв юбки обеими руками, на цыпочках, как будто боясь испачкаться, ступая своими толстенькими ножками, тётушка с интересом и отвращением разглядывала сокровища Пулудьи, разбросанные по плиткам.

— Кто привел сюда коз? — повторила она. И крикнула:

— Ирина!

В кухонном окне появилась голова поварихи в косынке.

— Да, госпожа!

— Кто привёл коз к нам во двор?

— Коз?

Она наклонилась посмотреть, куда указывал безжалостный тетин палец.

— Ну и ну! — сказала она. И подозрительно добавила:

— А это не Антонис подложил?

— Я? Нет! — испуганно произнес Антонис. — Но где сами козы?

— Ах ты глупый! — сказал дядя, смеясь. — Козы ушли и оставили после себя свои... следы! — выдавил он с новым приступом смеха.

Тут же появилась Ирина с метелкой и совком. Бормоча и ворча: «Какая грязь, ну и ну... что за гадость, на наших чистеньких плитках...» она шустро собрала все шарики Пулудьи в совок.

Но Пулудья не стала дожидаться конца этой истории. С первых слов дяди, когда она поняла, откуда ее «сокровище», она испуганно посмотрела на братьев и сестру. Ее встретил презрительный взгляд Александры, насмешливый подъем бровей Антониса, удивленное, вопросительное личико Александра, и она, поникнув под тяжестью стыда, внутренне умоляя, чтобы ее поглотила земля, вся сжавшись, потихоньку скрылась в дверном проеме. Она проскользнула мимо дяди, побежала к лестнице, поднялась наверх, перепрыгивая через две ступеньки, зашла в комнату, что служила общей детской и спальней, и спряталась за москитной сеткой.

Сердце ее грохотало, уже не как барабанчик, а как большой барабан. Сейчас тетя начнет расспрашивать. И Антонис, который никогда не врет, ответит: «Эту дрянь принесла Пулудья!» И дело было не только в этом, а ведь еще он добавит: «Она приняла это за шарики для игры! И все будут над ней смеяться. Какой ужас, все будут смеяться!»

Она держала их в руках, эти... Фу! Какая гадость! И тетя будет ее ругать... и, может быть, даже отшлепает ее... Но не шлепка страшилась она — толстенная тетина ручка била не больно, но позора, позора! И сейчас они обсуждают ее внизу. Там еще тетя Аргини и кузен Яннис! И Яннис будет отпускать свои шуточки...

Это было больше, чем она могла вынести. Как и до нее Александр, она тоже ударилась в слезы.

Она плакала так громко, что не слышала, как Антонис поднялся и зашел в комнату.

Он услышал ее, отодвинул москитную сетку и увидел, что она съежилась в уголке.

— Чего плачешь? — презрительно спросил он.

Антонис глубоко презирал девчонок, из-за того, что они, дескать, плачут по любому поводу. Он, как мальчик, никогда не плакал, как бы сильно ни ударялся, как бы больно ему не было. И даже когда он упал с лестницы на веранду и разбил голову, и лилась кровь, а дядя заклеивал его пластырем, он все равно не плакал.

Его сестер это приводило в большое восхищение. Из некоего уважения, так сказать, им было неловко плакать при нем. И теперь, когда он застучал сестру в слезах, она еще больше смутилась. Но не показала этого, а встала, не ответив.

А Антонис сказал ей:

— Дура! Пачкаешь наш двор, а потом еще и плачешь!

— Я не из-за этого плачу, — сказала уязвленная Пулудья.

— А почему тогда?

— Потому что... — Она остановилась в раздумьях, какую бы причину предпочесть. И решила: — Потому что меня тетя отругает и даст шлепка!

— Трусиха! — сказал брат. Пулудья воспряла.

— Я не боюсь! — запротестовала она. — Тебе первому известно, что тетиной рукой не больно!

— А что тогда?

— А то! Я просто не люблю, когда меня шлепают!

Антонис пожал плечами, подошел к балконной двери, схватился за перила балкона и стал пинать деревянное ограждение.

— Вы, девчонки, по любому поводу плачете, — сказал он презрительно. — И сейчас ты нашла повод, будто тетя тебя накажет, а сама ничего не знаешь.

— Так я же знаю, что она меня накажет! — сказала Пулудья. Она вышла на балкон, схватилась за перила и тоже стала пинать деревянную ограду.

— Ничего ты не знаешь! С чего ей тебя наказывать?

— Но ты разве не сказал ей, что это я принесла шарики... ну то есть эти... — сказала она с отвращением.

— Конечно нет, она меня и не спрашивала.

В замешательстве Пулудья прекратила пинки. Радость и облегчение затопили ее. Ей хотелось расцеловать Антониса. Но она удержалась. И даже спасибо ему не сказала, а только равнодушно заметила:

— А, ну, если так...

Но Антонис все понял: ее голос уже не был плаксивым. Он глянул на нее сверху вниз через плечо и сказал:

— Тетя Аргини послала меня за тобой. Но твое чумазое лицо просто отвратительно... ты вытирала глаза грязными руками, которыми хваталась за свои шарики... фу! какая гадость!

— Нисколько! — возмущенно воскликнула Пулудья.

— Что нисколько? Посмотри на себя в зеркало!

Разъяренная, Пулудья подошла к умывальнику, налила воду в тазик и, избегая смотреть в зеркало перед собой, торопливо намылила руки и лицо.

Антонис потопал за ней. С ехидным выражением он показал пальцем на черные клочья мыльной пены в тазу.

— Все эти смывки, — сказал он, — это смывки от шариков одной юной особы...

Шлепок мокрой руки «юной особы» не дал ему договорить. Антонис обернулся и схватил сестру за растрепанные кудрявые волосы. Разыгралась жестокая, но молчаливая схватка: со стиснутыми зубами, не проронив ни звука, чтобы не услышала учительница в соседней комнате, не подошла и не вмешалась. Ссоры между детьми разрешались самостоятельно, без участия старших. Каждый раз, когда вмешивались взрослые, все становилось только хуже, и после драки братья и сестры по-прежнему оставались в раздоре. Только когда они доходили до конца сами, как только битва заканчивалась, небо над ними вновь прояснялось.

Никто не вмешивался в эту ужасную схватку. И тогда, борясь с братом и чувствуя, что старший ее побеждает, Пулудья, яростно стиснув зубы, проговорила:

— Я все расскажу дяде, что ты меня за волосы тянул! Таким же тихим, сдавленным голосом Антонис ответил ей:

— А я скажу тете, что это ты привела коз к нам во двор!

Пулудья тут же прекратила драку.

— Если ты так скажешь, то ты доносчик! — сказала она ему.

— Это ты доносчица!

— Нисколечко! Я не доношу ничего!

— И я тоже не донесу, если ты не донесешь!

На этом ссора и закончилась. Без лишних слов брат с сестрой расцепились и с синяками, надутые, но помирившиеся, они спустились на веранду.

3. На холме Кастелы

Внизу на веранде, вокруг железного трехногого столика собрались все: тетя Марьета, как всегда, расположилась в своем черном кресле-качалке, дядя Жоржис мирно курил кальян, держа за руку Александра — тот задумчиво восседал на табурете с плетеным верхом. Старшая сестра Александра, стоя спиной к перилам крыльца, молчаливо посматривала на тётушку Аргини, прилегшую в глубоком плетеном кресле, и на Янниса — рослого двенадцатилетнего мальчика, своего кузена. Он стоял у стены, с руками за спиной, глазел на море, пренебрегая Александрой, и ни с кем не разговаривал.

Тетя Аргини хоть и была сестрой тети Марьеты, но совсем не походила на нее. Высокая, стройная, с добрыми черными глазами, руками, мягкими, как шелк, она всегда улыбалась и никогда не хмурилась — она была для двух братьев и двух сестер настоящим венцом красоты.

На ней было коричневое платье с желтым воротником, открытое на шее, и соломенная шляпка с широкими полями, сбоку в шляпке примостился букетик полевых цветов. Она улыбалась то Александре, то Александру, ласково, как мать, уголком рта.

Тетя Марьета, уже без перчаток и шляпы, покачивалась в кресле и недобрым словом поминала дороговизну лавок, где в очередной раз ей пришлось купить обувь этому рвачу ботиночному, Антонису — тот опять продырявил свои ботинки, а ведь еще и месяца не прошло.

Ботиночный рвач в это время выходил на веранду, в предательски протертых на носках ботинках, и прежде, чем он успел отойти в сторону и обнаружить, что за ним крадется Пулудья, тетя Марьета схватила его за ногу и показала тете Аргини носок его ботинка:

— Видишь? Таким коням нужны железные копыта!

Тетя Аргини слегка улыбнулась Пулудье, чтобы та осмелилась отклеиться от ручки стеклянной двери, в то же время она протянула руку, чтобы обнять Антониса, и ласково сказала ему:

— Конечно же нет, бедняжка! Просто скажи сапожнику приделать тебе железку на носок, как я делаю для своих мальчиков, особенно для Янниса, ведь он такой же рвач.

И она улыбнулась Яннису так, что Пулудье показалось, что значение слова «рвач» внезапно стало ласковым.

— Я вот, — говорила тем же вечером Александра братьям и сестре, — если бы у меня была мамой тетя Аргини, — всегда бы вела себя хорошо, чтобы ее не огорчать. А этот Яннис, такой большой, а все время бедокурит.

— Откуда ты знаешь? — спросил Антонис, чувствуя, что престиж мальчишества находится в опасности.

— Я видела! — ответила Александра. — Сначала он порвал штаны и все время стоял у стены, чтобы никто не увидел, и чтобы мама его не заругала. Но я-то поняла. А когда он отошел от стены, я и увидела!

— Яннис бы своей мамы не побоялся, она его никогда не отругает, — мрачно сказала Пулудья.

— Откуда ты знаешь? — снова спросил Антонис, злясь на то, что девочки что-то заметили, а он упустил.

— Знаю! — сказала Пулудья, тряхнув взлохмаченной головой.

— Ничего ты не знаешь! Ты даже не говорила с Яннисом!

— Нет, но я видела, как на него смотрела тетя Аргини.

— Чушь! Ничего ты не видела!

— Я тоже видела, — сказала Александра, — и знаю, что Яннис очень плохой мальчик! У него были настолько грязные руки, что он прятал их за спину, его пальцы все время шевелились, он все время колупал ими стену веранды, а потом еще тер об штукатурку руки, чтобы оттереть пятна и чернила.

— Откуда ты знаешь? — спросил Антонис все более раздраженно. — У него же руки были за спиной!

— Я нет-нет да и видела, как из-за спины у него падают пыль и камешки. А когда он ушел, я подошла, глянула на стену и увидела, что он ее всю расковырял. И там были черные следы от пальцев.

Дело принимало интересный оборот. Антонис прекратил свои нападки.

— И что сказала тетя Марьета? — спросил он.

— Она этого не заметила. Она туда не смотрела. И уже смеркалось, когда они ушли. Но завтра она увидит и скажет, что это сделал ты!

Антонис молчал.

Пулудья обеспокоенно посмотрела на него.

— Что будешь делать, Антонис?

— Я скажу ей, что я этого не делал.

— Она тебе не поверит! Скажи ей правду, что это Яннис сделал.

Антонис некоторое время не отвечал. Все были в раздумьях. А потом он сказал:

— Не буду я этого говорить!

— Но она тебя выдерет!

Антонис равнодушно повел правым плечом.

— Ну и пусть выдерет! — сказал он.

Девочки посмотрели на него с восхищением. Да, что-то такое было в Антонисе, что заставляло их чувствовать себя глыпышками, трусихами и недостойными, заставляло их подчиняться его воле. Но до тех пор, пока он не становился тираном, тогда-то они восставали против!

Александр сидел на полу и следил за всем этим разговором, то и дело поглядывая на ребят. Слова брата растрогали его.

— Нет, Антонис, — стал умолять он. Голос его дрожал, он был готов расплакаться. — Скажи, что это Яннис сделал, а то тебя выдерет тетя, как в тот раз, когда ветром сбило кувшин, а она подумала, что это ты его разбил!

Тут Антонис достиг вершин героизма и самопожертвования. Он вспомнил ту взбучку, вспомнил пухлую теткину руку — было совсем не больно, и сказал, запрокинув голову:

— Я не собираюсь быть доносчиком!

Все покорно замолчали. Антонис заслуживал быть их предводителем, пусть Александра и была старше него.

И в тот вечер он решал все за всех, правил братом и сестрами, как абсолютный властелин, пока не пришло время ложиться спать. А на следующее утро, если не считать уроков, он снова командовал в играх, как диктатор, который даже не хочет слышать чужое мнение.

Девочки начали потихоньку возмущаться. Монархия Антониса приходила в упадок, тем более что тетя не заметила испачканную и расковырянную стену, так что у него не было повода показать своим героизмом, что он достоин еще один день навязывать сестрам и брату свою волю.

Началась смута и, конечно, вспыхнуло бы и восстание, однако после обеда пришло послание от тети Аргини — она приглашала четверку в гости, вместе с учительницей, поиграть с ее семерыми детьми. Она сама уйдет, дядя доктор тоже, и дом, и двор будет в их полном распоряжении — пусть бегают, кричат, если хотят, распевают в свое удовольствие.

Это послание разогнало тучи, разгладило лица — восстание угасло, и среди ребят воцарилось единство, без монархов и подчиненных.

На небольшое время настал штиль.

Но когда мисс Райс узнала, что у семерых детей тети Аргини нет ни учителя английского, ни даже няни, она отказалась туда идти и велела детям попроситься просто на прогулку, пусть-де скажут, что предпочитают пройтись, чем идти к тете в гости.

И восстание, ставшее было дымом, снова запахло порохом. Оно началось протестами и продолжилась взбучкой — а рука англичанки была куда тяжелее и жестче, чем маленькая ручка тети Марьеты, — протесты утонули в реках слез, без удержу хлеставших из трех пар глаз одновременно.

Один Антонис не плакал, потому что Антонис не плакал никогда. Он только стиснул зубы от ярости и высказал учительнице:

— Ты злая женщина!

Это все испортило. Лучше бы он плакал, как девочки или как Александр.

— Да обретешь ты правоту свою! — заверила его Александра. Но никакой правоты не обрел ни он, ни его сестры, ни их младший брат — того поставили в угол лицом к стене. Плача и вздыхая, Александр потихоньку бормотал, так, чтобы только стена его слышала:

— Врете вы все, мисс Райс!

Что касается остальных трёх, то они даже не успели оправдаться. Их осудили и приговорили без привлечения защиты.

Тем временем тетя услышала шум и вошла в классную комнату, а там... — с растрепанными волосами и горящим лицом Антонис держал — о ужас! — да, Антонис держал над головой за обе руки мисс Райс.

Мисс Райс услышала звук двери и, все еще с руками в плену у Антониса, обернулась, увидела тетю и крикнула:

— Полюбуйтесь своими племянниками! Вот так проходят уроки каждый день!

Присутствие тети обычно сразу останавливало у ребят всяческое движение, как наступательное, так и оборонительное. Только слезы, что не могли так резко остановиться, да сдавленные всхлипы Александра то и дело нарушали идеальную тишину, внезапно наполнившую комнату.

Тетя медленно взяла стул и села. И нахмутив брови, спросила:

— В чем дело, мисс Райс?

Нахмуренные брови тети Марьеты, так похожие на брови их отца, когда он злился, имели свойство распространять молчание и подчинение вокруг нее — не только на четверку племянников и племянниц, но и на Афродиту, и на керу Рину, даже на дядю Жоржиса — в такие минуты он вместо ответа поджимал плечи, брал шляпу и уходил из дома.

В сменившей бурю тишине раздался голос англичанки:

— Я не могу продолжать учить детей, которые говорят мне: «Ты злая женщина»!

Карие глаза тети Марьеты почернели под ее нахмуренными бровями, они прошлись по четырем склоненным головам и остановились на Антонисе.

Она спросила:

— Кто это сказал?

— Кто же еще, Антонис, конечно! И хуже того, он подает пример сестрам и даже Александру, который посмел мне сказать: «Не кричи»! Это невыносимо!

Тетя не сразу заговорила. Она оглядывала племянниц и племянников — те молча ждали приговора.

— Как будто много часов прошло! — сказала Александра позже братьям и сестре. — У меня уже коленки подкашивались, я чуть не упала!

Она не упала. Но молнией пала кара на их головы. И тетя наконец заговорила:

— Ни к какой тете Аргини вы не пойдете! Вы пойдете гулять с мисс Райс! И ни в обед, ни вечером никто из вас не получит фруктов! А теперь господину Александру застыть в углу лицом к стене, а господин Антонис пойдет со мной, поднимется на чердак и останется там один, под замком, до обеда.

— Хорошенькое дело! Вот что творят эти иностранцы — врут и тиранят детей! И так всегда! — заявил Антонис после обеда, когда вышел на прогулку с остальными и учительницей.

Англичанка обернулась и бросила на него гневный взгляд.

— Спик инглиш! — сердито приказала она.

Внизу, перед оградой большого дома, они увидели пять человек: офицеры и дамы сидели вокруг стола, уставленного чашками и тарелками с печеньем.

Антонис тут же напрягся. Он узнал короля с Доном — тот лежал у его ног, и королеву в белом платье, с черной бархатной лентой в волосах.

Чинно, строем, как солдаты, с прямой осанкой прошли четверо ребят перед королевским столом. Дон вскочил и начал прыгать вокруг них, напугав младшего. Но король отозвал собаку, засмеялся и сказал Александру:

— Не бойся, малыш! Он добрый, не кусается!

Александр смутился и спрятался за учительницу, а трое старших, униженные трусостью брата, прошли мимо с деланным равнодушием.

— Этот Александр все время нас позорит! — сказал Антонис через несколько шагов. — Мало того, что он вчера сказал офицеру «Эй ты!»...

— Спик инглиш! — яростно крикнула ему учительница.

Но ребята еще до выхода со двора решили не говорить ей ни слова весь день и не говорить вообще по-английски друг с другом до наступления вечера.

И вот так, молча, они взобрались на холм, сели на камни, скрестили руки и ноги и с поджатыми губами и с упрямыми лицами стали глядеть на море и кораблики.

Пока учительница не отвернулась от них, не достала тайком свою бутылочку и не раскрыла книгу.

Тогда ребята один за другим встали, спустились на дорогу и сели в кружок, в пыли, чтобы обсудить ситуацию и организовать общее сопротивление на будущее — непрерывное и беспощадное, но так, чтобы учительница не разгадала их замысел.

— Я, — сказал Антонис, — если она когда-нибудь еще попытается меня наказать, я не буду больше называть ее «злой женщиной», а просто встану и молча выйду из комнаты.

— И я! — сказал Александр, который хотел искупить вину за свое недавнее позорище и вчерашний промах с офицером.

Александра смирившая всю его маленькую фигурку взглядом и сказала:

— Ну да! Ты! Она положит тебя лицом вниз на колени, как всегда, и всыпет тебе, и ты ничего не сделаешь!

Глаза Александра наполнились слезами от воспоминаний при словах «как всегда» и «всыпет», его губы задрожали.

Антонис покровительственно положил руку на плечо младшему брату.

— Не волнуйся, — великодушно сказал он, — я возьму тебя за руку и заберу с собой!

— А я пойду прямо к тете и скажу ей: «Тетя, мисс Райс хочет нас выдрать», — сказала Александра, чувствуя, как ее смелость растет с каждым произнесенным ею словом. — А дальше посмотрим, что та скажет, когда тетя ее отругает.

Пулудья грустно сказала:

— Тетя не будет ее ругать! Она тебя саму выдерет!

Все задумчиво примолкли. Возможно, Пулудья была права.

И видя, какое впечатление произвели ее слова на сестру и братьев, Пулудья вдогонку прибавила:

— Нам лучше рассказать дяде. Он никогда нас не наказывает. И он заставит... заставит ее...

Она не знала, что бы сделал с ней дядя, поэтому не договорила, и все могли представить худшее для мисс Райс.

Пулудья вздохнула и покачала головой — хотела сказать, как взрослая, а пришлось вновь занять свое место.

— Ну да! Дяде! — сказал Антонис. — Какую чушь ты говоришь! Ему тетя скажет: «А ты, Жоржис, не вмешивайся», дядя возьмет шляпу и уйдет.

И так вполне могло быть. Такое случалось раньше.

— Тогда... ох-ох-ох, чего мы еще натерпимся от мисс Райс! — сказала Александра.

Весь ее былой боевой задор был разбит вдребезги, ее охватил ужас, как будто уже настало время порки.

— Ох-ох-ох! — повторил испуганный Александр, качая головой.

Антонис брыкнул ногами, подняв с дороги облачко пыли.

— Да что она нам сделает? — сказал он пренебрежительно. — Я схвачу ее за руки, как утром, она и опозорится!

Пулудья снова впала в уныние.

— И она снова закричит, и снова придет тетя, и снова запрет тебя на чердаке! — безрадостно сказала она.

В ответ Антонис опять взбрыкнул, подняв второе облачко пыли, и поднялся.

— Девчонки, вы трусихи! — сказал он презрительно. — Никакого от вас толка!

И засунув руки в карманы, он стал взбираться на холм.

— Куда ты? — крикнула ему вслед Александра. — Мы еще ничего не решили!

Антонис же наклонился, присел на корточки и проворно раздвинул сухие ветки кустарника, потом прыгнул вперед, упал на корточки и снова раздвинул ветки, уже другого куста. Он снял шляпу и то и дело надевал ее на ветки, как будто хотел прикрыть их от жары.

От любопытства Александра забыла его обидные слова. Она вскочила и тоже двинулась вверх по холму вместе с сестрой и младшим братом. Но Антонис скакал все дальше и дальше, и снова и снова шарил в колючках.

— Чего ты там ищешь? — крикнула ему Александра. Скрестив руки, Антонис сделал ей знак не приближаться.

— Тише! — сказал он. — Ящерка!

И опустив шляпу в последний раз, триумфально крикнул:

— Поймал! Быстро! Быстро! Давайте, помогите мне ее схватить! Идите все!

Ни Александра, ни Пулудья не любили ящериц. Но куда им было деваться после того, как Антонис назвал их трусихами?

Александра посмотрела на Пулудью, а Пулудья посмотрела на Александру, и они молча, без спешки подошли к Антонису.

Александр, колеблясь, благоразумно решил понаблюдать издали.

— Держите шляпу... быстро, обе! Прижмите края руками, одна там, другая здесь! — в горячке командовал Антонис. — Осторожно, чтобы не убежала!

Девочки подступили и, стоя на коленях, между ними, Антонис полез рукой под шляпу, пытаясь схватить ящерицу. Испуганная, та металась туда-сюда, ища выход, и билась о шляпу.

В какой-то миг ящерица метнулась в сторону, которую держала Пулудья, и напугала ее. Пулудья вскрикнула и убрала руки. Открылась щель, и ящерица сбежала.

— Что ты наделала! — крикнул Антонис.

Из его глаз сверкнули такие огни, которые сразу напомнили Пулудье грозные тетины брови.

— Это ящерица меня пихнула... — проговорила она в полуобмороке от страха перед ящерицей и гневом Антониса.

В бешенстве, тот толкнул сестру и замахнулся на нее.

Но он не успел ее ударить — тумачи градом обрушились на его собственные плечи, голову, спину, оборвав ему голос и сдавив дыхание.

— Мисс Райс! — испуганно воскликнули обе девочки.

Но мисс Райс было не узнать! Шляпа съехала набок, волосы растрепались, юбка завернулась в сторону, а глаза... ну и ну, глаза ее были на выкате: мутные и налитые кровью они соревновались по цвету с носом, а тот больше походил на свеклу.

Ее руки опускались на голову Антониса, как у прачки, когда та молотит белье в прачечной; он силился увернуться от нее, но куда там!

Александра вдруг увидела, что у него идет кровь и крикнула:

— Пулудья! Давай поможем ему!

Испуганная Пулудья подбежала, чтобы помочь сестре схватить англичанку за руки, но ноготь англичанки случайно задел ей щеку, и у нее тоже пошла кровь.

Тут Александра издает вопль, Александр бросается в слезы, учительница оборачивается посмотреть, что происходит, и в эту секунду Антонис вырывается от нее и убегает, увлекая за собой и Пулудью.

Англичанка гонится за ними, спотыкается, падает и лежит пластом, как будто в обмороке.

Вся четверка сгрудилась неподалеку и, как старшая, Александра осмотрела раненых. У Антониса был расквашен нос, из него кровило, а из-за царапины на щеке все лицо у Пулудьи было в крови.

Тогда Александра вынула чистый носовой платок и вытерла лицо Пулудье, затем Антонису, насухо вытерла заплаканное личико Александра и, все еще в шоке от налетевшей бури, она собрала их всех вместе — присесть на землю и прийти в себя.

Однако учительница тоже понемногу оправилась после падения. С усилием она поднялась, ее шляпа еще больше съехала набок, юбка наполовину расстегнулась. Вся в пыли, спотыкаясь, она подошла к детям и медленно, с трудом проговорила:

— Пойдемте домой... Вы до... долго гуляли, ребята... и устали, да?

Дети переглянулись. Откуда у нее вдруг такая любезность в голосе? И что, больше взбучки не будет?

Они тут же поднялись и пошли за учительницей, она взяла младшего за руку и спустилась на дорогу.

Но из-за наполовину расстегнутой юбки ее ноги заплетались, она то и дело спотыкалась. В какой-то миг она выпустила руку Александра и забыла ее поймать, Александр остался позади.

Его слышала старшая сестра — он плакал от усталости, вернулась и взяла его за руку. Четверка молча брела следом за учительницей, поднимавшей своей юбкой облака пыли.

4. Соседские ребята

— Хорошо, что тетя была занята шитьем и нас не видела! — сказала Александра немногим позже, после того как умыла и причесала братьев и младшую сестру. Ребята спустились во двор, уже без учительницы — та заперлась в своей комнате. Какими же чумазыми были все трое!

— Но нас видела королева! — сказала Пулудья. — Она два раза обернулась и посмотрела на нас!

— Она на кого-то другого смотрела, — возразил Антонис, всегда готовый восстать против любой женской критики, исходила ли та от горничной, от сестры или от самой королевы. — На Алису Хорн она смотрела.

— Нет, она посмотрела на нас, дважды! Я видела! — настаивала Пулудья.

— Ну во-первых, Алиса была у своей двери, и королева не могла ее видеть, — подтвердила Александра. — А дом Алисы сразу за нашим.

У Алисы Хорн, соседки и ровесницы Антониса, было два брата: десятилетний Макс и Алексос — младше Пулудьи, но постарше Александра. Эти соседские ребята приходили поиграть во двор тети Марьеты, как только видели, что рядом нет взрослых. Присутствие мисс Райс действовало на них как пугало на воробьев. Едва только завидят ее или услышат, так сразу — «спасайся кто может»!

Часто, когда четверка оставалась одна, Антонис забирался на дворовую акацию и если замечал со своей сторожевой башни Хорников, то звал их к себе во двор. Тогда игра становилась под стать его богатой фантазии, особенно если еще приходил Макс. А то с одними девчонками разве что толковое придумаешь?

Однако сегодня ни у кого не было настроения встречаться с Алисой и ее братьями.

— Королева нас видела! — горько сказала Александра. — И, что самое ужасное, Алиса тоже нас видела! Она прыснула от смеха, закрыла рот руками и побежала к себе домой! Небось так ржала потом над нами!

— И она видела, что шляпа у мисс Райс на боку? — в страхе спросил Александр.

— Конечно! — ответила Александра.

А Пулудья, кивнув, добавила:

— И видела кровь на рубашке Антониса!

— Нет у меня никакой крови! — возразил Антонис.

— Да вот же, есть! Смотри! — сказала Пулудья и повернула перед ним его широкий матросский воротник.

Антонис оттянул его еще дальше и убедился, что воротник действительно весь запятнан кровью, и сказал:

— Как же кровь туда попала?

— Да она тебе чуть голову не разбила! — воскликнула Александра. — Дай-ка глянуть. Где у тебя болит?

У Антониса нигде не болело. Однако он не пожелал умалить восхищения сестер его героическим мужеством и предоставил им свою голову для изучения.

Но сколько бы обе ни искали в его волосах, они не нашли ни одной раны. Немного разочарованный, тем более что щека Пулудьи все еще кровила, Антонис сказал:

— Я бы не дал ей ударить меня по голове или поцарапать лицо! Я бы сразу схватил ее за руки! Вот только она трусливо стукнула меня сзади! Пусть только подойдет в следующий раз, увидит!

— Я бы тоже схватила ее за руки! — сказала Пулудья. Несмотря на свое очевидное ранение, она чувствовала пренебрежение в словах Антониса. — Я бы тоже схватила ее за руки, если бы... но...

Она не смогла сразу найти причину, почему не сделала этого. Тогда сразу же обретая свое мужское превосходство, Антонис торжествующе произнес:

— Но ты не схватила, а она тебя стукнула прямо по лицу!

Уязвленная, Пулудья хотела было ответить, но тут вмешалась Александра.

— А я, — сказала она, — как только увидела кровь, хотела взять Александра, Пулудью, позвать тебя и убежать вместе, а она бы запуталась в своей расстегнутой юбке и не смогла бы нас догнать, а мы бы бросили ее там и вернулись бы домой!

— И правда! — удивилась Пулудья, до такого дерзкого решения она не додумалась.

Но Антонис никогда не признавал от девчонок ни дерзких решений ни вообще никаких идей. Он резко спросил старшую сестру:

— И почему же ты этого не сделала?

— Почему? — повторила Александра, тщетно ища ответа, который никак не приходил.

— Да, почему ты нам не сказала нормальным языком? И почему, когда она грохнулась на землю, ты тоже ничего не сказала?..

— Ку-ку!

Голос сверху вовремя спас Александру и заставил их всех посмотреть наверх.

Из-за стены между дворами вынырнула голова Алисы, ее две светлые косы были уложены в венок; тут же появилась растрепанная макушка Макса, следом его покрасневшее круглое лицо, а рядом с ними — вечно улыбчивая мордочка пятилетнего Алекоса.

— Монстра ушла? — чуть слышно спросила Алиса.

— Нет! — ответила Александра.

И чтобы говорить еще тише, подошла поближе к стене.

Но в ту же минуту послышался голос тети Марьеты, и три белокурые головы исчезли за стеной, а в лестничном окне появилась одна черноволосая тетина голова.

— Ребята, что вы тут делаете? Почему не на прогулке? — крикнула тетя сверху.

Застигнутые врасплох, они промычали в ответ каждый что-то свое, не достигшее лестничного окна.

— Ничего не слышу... Стойте, я спущусь, — сказала тетя. И голова ее снова скрылась.

Ребята переглянулись, встряхнулись, подсобрались, и Александра поспешно спросила:

— Что скажем?

Но не успели они ничего придумать, как их полненькая тётушка, просеменя по ступенькам лестницы, вышла во двор.

— Почему вы здесь, ребята? А где мисс Райс?

Ребята снова переглянулись, не отвечая. Бросив быстрый взгляд на четыре склоненные головы, тётушка с подозрением спросила:

— Что происходит? Александра, я тебя спрашиваю! Где мисс Райс?

— В своей... комнате... — проговорила Александра.

— Почему?

— Не знаю... Она не спускалась...

Но тетя прервала её.

— Что с тобой случилось, Пулудья? Иди-ка сюда! — сказала она, хватая племянницу за плечи. — Подними-ка голову... Посмотри на меня! Кто это сделал с твоей щекой?

Ее нахмуренные брови обратились к Антонису.

— Ты? — спросила она.

— Нет! — воскликнула Пулудья и в страхе замолчала.

— Я тебя не спрашивала! — сказала тетя. — Я спрашиваю Антониса! Антонис, ты ударил сестру?

— Нет, тетя! — нехотя ответил Антонис.

— Кто же ее ударил? Скажи мне!

— Мисс Райс, — сказал Антонис еще тише.

— Мисс Райс?

Нахмуренные тетины брови поднялись от удивления почти до самых волос.

— За что? Что сделала Пулудья? Но... погоди-ка, что это? У тебя кровь на одежде? — воскликнула тётушка, снова оттянув его смятый воротник.

— Из носа кровь пошла! — объяснил Антонис.

— И накапала тебе на спину? Что за сказки?

И в правду, такие это были сказочки, что даже Антонис утратил свою молодецкую удадь. И примолк.

И тогда добрым молодцем пришлось стать Александре. Ее голос сильно дрожал, но не прерывался:

— Он говорит вам правду, тетя! Мисс Райс ударила Антониса по голове и по лицу, расквасила ему нос. Она била его по спине и везде, везде! Мы с Пулудьей побежали его спасать, а она ударила и Пулудью, поцарапала ей лицо, пошла кровь, и мы испугались... Ах, тетя, мы так испугались! — воскликнула Александра, заливаясь слезами. Александр посмотрел на нее и тоже начал громко плакать. И тут произошло нечто странное. Тётушка вовсе не стала хмуриться, а только достала платочек с запахом роз, и вытерла Александру глаза. И вовсе не стала спорить с Александрой, а только сказала ей:

— Подойди ко мне! Расскажешь мне все это еще раз перед мисс Райс!

— Нет, тетя! Пожалуйста! — попыталась было возразить Александра. Но тетя взяла её за руку.

— Не глупи! — сказала она ей ласково. — Чего ты боишься, ты же со мной?

А остальные трое заворуженно смотрели, как тётушка входит в дом с Александрой, поглаживая ее кудрявые, как и у младшей сестры волосы, совершенно не хмуря бровей.

— Ну, что теперь? А, мисс Райс?!.. — выкрикнул Антонис, рассекая воздух веткой без листьев — такая ветка всегда была у него под рукой.

— Вот уж ей влетит! — всплеснула руками от восторга Пулудья.

Тут из-за стены снова появились три белокурые головы.

— Эй, эй... Что вам сделала монстра?

— Что ваша тетя делает с монстрой?

— Монстра не спускалась еще? — спросили все три головы одновременно.

Антонис недовольно замер. Ему не очень нравилось вмешивать соседей в свои дела.

Но Пулудья, как девочка, долго не раздумывала. Она тотчас же прислонилась к стене и тихим голосом, подняв голову и сложив руки рупором, поведала им всю историю злосчастной прогулки.

Так что же было делать Антонису, тем более что Пулудья говорила неправильно и многое забывала из того, что Антонис делал и говорил?

Ему пришлось тоже подойти к стене и высказать свое слово, и даже целую речь. Он отодвинул в сторону Пулудью — та слушала его как зачарованная, настолько хорошо он говорил.

И, стоя возле них, Александр тоже смотрел на три головы на стене и с упоением слушал слова Антониса, сжимая и разжимая пальцы один за другим.

Тут спустилась Александра, и настроение во дворе полностью переменялось.

Мисс Райс очень, очень плохо, она что-то лепечет и никого не узнает, а когда она увидела тётю, то протянула ей руки и сказала: «Подойди, детка!»

Александра заплакала, а все остальные словно окаменели.

— А я хотела, чтобы тетя ей врезала... — пробормотала Пулудья.

— А я называла ее монстрой... — сказала Алиса сверху со стены.

— И я!

— И я! — сказали две другие головы рядом с ней.

— И что нам теперь делать? — спросил Александр дрожащим голосом.

Александра вытерла слезы и стала рассказывать дальше. Тетя очень испугалась и сказала мисс Райс: «Я вам не детка, я тетя Александры», но та снова не узнала её. И тогда тетя сказала нечто пугающее. Она сказала: «Мне не нравится ее состояние!» И тут же послала Афродиту за дядей доктором. А кера Рина, услышав их, сказала: «Раз госпожа говорит, что ей не нравится ее состояние, то та должно быть при смерти!» И Александра спросила ее: «Она умрет?» А кера Рина ответила: «Все может быть».

Четверка озадаченно застыла на месте, и трое на стене прекратили смешки. Через некоторое время Александра сказала:

— Мы не сможем сегодня с вами поиграть, Алиса. Мы пойдем на веранду ждать дядю доктора.

— Придём завтра? — спросила Алиса.

— Да, конечно! — ответили старшие.

Все три белокурые головы исчезли за стеной. Александр не принимал участия в разговоре. Сжимая и разжимая пальцы, он посмотрел на край стены и спросил только:

— Как они туда забрались?

Антонис и обе девочки возмутились. Как мог Александр думать и говорить о чем-либо, кроме смерти мисс Райс?

Однако Антонис тоже поднял взгляд на стену. Действительно, как они туда забрались?

Он не знал. Однако, к счастью, Александр никого не спросил конкретно, и все пошли в дом, не ответив ему.

5. Яннис

Приехал доктор — дядя Гиоргис, вместе с тетей Марьетой они пошли наверх.

— Не сходите отсюда с веранды, — сказала тетя четверке. — Если только...

Она посмотрела на небо — на западе сгущались тучи.

— Если только не пойдет дождь, — добавила она, — тогда идите в дом. И последовала за дядей доктором — высоким, поджарым, с рыбацкими усами и бородой. Время шло, а они все не спускались.

— Мисс Райс, наверно, совсем худо! — сказала Александра.

— Может быть, она уже умерла! — добавила Пулудья. И все загрустили.

А потом пришел Яннис.

С руками в карманах, вальяжно, не спеша, он поднялся по ступенькам веранды и спросил:

— А где ваша тетя Марьета?

— Наверху, с дядей. Мисс Райс очень плохо, — ответила Александра.

Яннис вынул из кармана правую руку и, как взрослый, протянул руку Александре, Антонису, Пулудье и Александру, и сказал каждому:

— Добрый день!

Он сказал это очень вежливо. И после его вчерашнего ковыряния стены для очистки рук, ребята не были уверены, как к нему относиться.

Но Яннис, похоже, не понимал, что его двоюродные братья и сестры в расстройстве. Как взрослой даме, он вежливо сказал Александре:

— Мать послала меня спросить, кто болен. Она волновалась, что вы так поспешно послали за отцом.

Обращение на «вы» очень польстило Александре. До сего момента ей было и невдомек, что вместе с братьями и сестрой она сыграла роль в приходе дяди Гиоргиса.

С такой же любезностью она охотно ответила Яннису:

— Да! Мы умоляли его приехать как можно скорее, потому что мисс Райс очень-очень плохо.

— Что с ней такое? — спросил Яннис, не выглядя слишком взволнованным.

— Бредит! — ответила Александра. Но Яннис и тут ничуть не обеспокоился.

— Многие люди бредят даже с небольшой температурой! — сказал он обнадеживающе.

Ребята восхитились. Вот что значит иметь отца-врача!

Но Александра вспомнила то, самое пугающее.

— Тетя сказала: «Мне не нравится ее состояние!» А кира Рина сказала, что она при смерти!

Яннис снисходительно улыбнулся.

— Ни ваша тетя, ни кира Рина не врачи! — сказал он. Под впечатлением от этой неоспоримой истины все четверо раскрыли рты. Застыв, они смотрели на Янниса. Он взглянул на них и засмеялся.

— Чего вы так на меня смотрите? — спросил он.

Ребята очень смутились, задержались и сделали вид, что чем-то заняты. Александра невольно повернулась к стене, которую вчера ковырял Яннис, Александр наклонился, чтобы застегнуть оторванную пуговицу на туфле, Пулудья протянула руку над оградой веранды — проверить, не идет ли дождь, а Антонис втихомолку спустился на улицу.

К счастью, Александра заметила это, подбежала к ступенькам и крикнула:

— Тетя сказала никуда не уходить!

Антонис остановился и раздраженно сказал:

— Я только на минутку, зайду к Элис.

— Нет, не уходи! — приказала Александра. — Тетя рассердится!

Антонис медленно повернулся и, шаг за шагом поднимаясь по ступенькам, проговорил:

— Я хочу кое-что узнать у Элис...

— А кто такая Элис? — спросил Яннис.

— Элис — это Алиса, Алиса Хорн... Она живет по соседству с нами, — поспешно ответила Пулудья, радуясь возможности поговорить со старшим кузеном. — Мы часто с ней играем. Еще у нее есть старший брат Макс. Ты знаешь его, Яннис?

— Знаю, — небрежно сказал Яннис. — Он ходит в мою школу.

— У нее еще есть младший брат, его зовут Алекос, — охотно сообщила ему Пулудья. — И мы его очень любим...

Яннис снова засунул руки в карманы и ухмыльнулся.

— Да знаю я их, — сказал он. И добавил:

— Они евреи!

Ребят как громом поразило.

— Евреи?!.. И Макс ходит в твою школу? — спросила Александра.

— А что такого? — сказал Яннис.

Ответ Янниса заставил всех призадуматься. А Антонис с решительностью мальчугана высказал:

— Стамос говорит, что евреи распяли Христа!

— Кто такой Стамос? — спросил Яннис.

— Наш двоюродный брат из Александрии. Это правда?

— Конечно, правда, — ответил Яннис.

— Как же ты с ними играешь?

— Да я не играю с Максом, и не дружу с ним. Он младше меня и учится в другом классе. Но другие дети с ним играют.

— Христиане?

— Да.

— И не боятся? — спросила Пулудья.

— А чего им бояться?

Пулудья потеряла дар речи. Каждый ответ Янниса казался ей неоспоримой истиной, утверждением без возражений. Этот Яннис, казалось, знал все!

Александра тоже была потрясена. Но как старшая, осмелилась возразить:

— Но Стамос говорит, что, если показать еврею крест, он упадет замертво! Потому что у них внутри сидит черт, и когда черт видит крест, он лопається!

Яннис посмотрел на нее и сказал:

— Что за вздор!

— Да! — настаивала Александра. — Мы тоже знали одних девочек, евреек, они приходили играть в тот же сад, что и мы, и Стамос сказал нам попробовать и посмотреть, что будет. Мы взяли мой крестильный крестик...

Александра потянулась к воротнику платья и вытащила золотой крестик на тонкой цепочке.

— Вот этот крестик! Мы очень боялись. А Стамос сказал: «Дай мне сюда крест!» И когда увидел евреек, он поднял крест...

— И они упали замертво? — спросил Яннис. Александра напрягла память.

— Нет! — призналась она. — Они просто ушли. Но Стамос сказал, что они как следует не посмотрели на крест и поэтому не лопнули...

— Что за вздор! — снова сказал Яннис. Стамос, осмелюсь сказать, на них просто запал!

— Ты нам не веришь, Яннис? — потрясенно спросила Пулудья.

— Нет! — ответил Яннис.

— И все же это правда! — заверила его Александра. — Да, попроси Антониса рассказать, что говорил Стамос.

Но Антонис не хотел рассказывать, что говорил Стамос. Не годилось ему перед парнем признавать правоту девчонки. Тут либо Стамос «нес вздор», как сказал Яннис, либо сам Яннис был Фомой Неверующим, что тоже было плохо. Тогда он обратился к Александру и велел ему:

— Поднимись наверх и принеси мне мой волчок!

— Не пойду! — сказал Александр, увлеченно следивший за приключениями креста, дьявола и евреев.

— Иди! — повторил Антонис. — Он плохо крутится! Я хочу показать его Яннису!

— Я потом схожу! — ответил Александр.

— Если ты не пойдешь, знаешь, что будет? Я расскажу Яннису про твои слова офицеру!

Александр вскочил.

— Нет! — воскликнул он.

Яннис обернулся.

— Что? Какому офицеру? — добродушно спросил он.

— Не говори! — тревожно воскликнул Александр. — Принесу тебе твой волчок!

Как молния он исчез за дверями и помчался вверх по лестнице.

На веранде воцарилась тишина. Яннис посматривал на кузин, а те смотрели на море, чтобы скрыть смущение, что снова угнетало их от воспоминания эпизода с офицером.

Один Антонис, засунув руки в карманы брюк и высоко подняв голову, прохаживался туда-сюда, пиная стулья и стол, без тени смущения и беспокойства. Он владел ситуацией и ему было решать говорить или не говорить, опозорить ли семью в глазах Янниса или поднять ее престиж.

Мимо прошел булочник с криком:

— Свежие крендели, только испекли!

Яннис спустился, выбрал крендель, достал из кармана горстку предметов, в том числе: два шарика, складной ножик, три или четыре монетки, обрывок цепи и пятак. Он взял пятак, отдал булочнику и стал медленно подниматься, задрав нос к небу.

— Кажется, дождь начинается, — сказал он.

И с кренделем в руке прислонился к деревянной колонне, что поддерживала крышу веранды. Он глядел на море и не обращал внимания на кузена и кузин, а те с любопытством искоса поглядывали на него.

Тут спустился, запыхавшись, раскрасневшийся Александр и в волнении отдал волчок Антонису.

Яннис обернулся, слегка улыбнулся ему уголком рта, как делала тетя Аргини, и предложил ему крендель.

— Любишь такие? — спросил он. — Я купил его для тебя!

Александр вздрогнул и покраснел еще сильнее. Сестры изумились, а еще больше был изумлен Антонис.

Александр не знал, что делать.

— Эй, берешь или нет? — спросил Яннис.

Александр взял и забыл сказать спасибо.

— Этот Александр вечно ставит нас в неловкое положение... — проворчала Александра сестре. — Толкни его, чтобы он очнулся...

Но прежде, чем Пулудья успела дать означенный толчок, на веранду выскочила рассерженная тётушка, схватила Александра вместе с кренделем и утащила его в дом с криком:

— Идет дождь, не видите, что ли? Александра, что стоишь, ты же старшая! Забыли, что я вам говорила? Нянька нужна за вами присматривать, здоровые лбы?

Неожиданная буря, что внезапно обрушилась на голову старшей сестры, еще больше ошеломила ребят, еще не отошедших от кренделя. Тетя высказала им еще много чего, отругала каждого в отдельности, затолкала всех в дом, захлопнула стеклянную дверь и крикнула: «Афродита! Принеси кофе и сладости доктору в хозяйский кабинет» и снова так же поспешно скрылась, как и пришла. Ребята медленно приходили в себя, стояли, переглядывались и прикидывали что к чему. Александр с кренделем в руке был уже внутри. Но одного человека не хватало — Янниса.

В нерешительности ребята подошли к стеклянной двери и глянули наружу, туда, где водопадом лил дождь.

Яннис был все еще там, у той же колонны. Прыская от смеха, с руками в карманах, он насмешливо глядел на них в ответ. И когда все четверо прижались носами к стеклу, он высунул им язык, дразнясь еще больше.

Антонис заявил, что это несправедливо. Когда их ругает тетя Марьета, они должны волей-неволей зайти внутрь, а Яннис старше, и живет с мамой и папой...

Но тут Яннис, снаружи, учудил такое, что все разговоры прекратились, и даже Александр забыл про свой крендель.

Не вынимая рук из карманов, он подпрыгнул с прижатыми ногами, а приземлился с раскрытыми, снова подпрыгнул уже с раскрытыми, а приземлился с прижатыми. Три, четыре, пять раз подряд! А потом, без передышки, вынул руки из карманов, упер их в пояс и принялся отплясывать. И какой то был танец!

Он выбрасывал ноги вперед и топал ими по полу, потом отбрасывал в сторону и снова топал ими в пол, поочередно подтягивал колени к подбородку, наклонялся к плиткам, и снова подпрыгивал, как мячик. Он крутился на каблуке, стоял на одной ноге, наклонялся вниз и опирался на руку, вытянув ласточкой другую ногу, потом вдруг снова вставал и отбивал чечетку каблуками и мысками по плитке взад-вперед: таки-так, таки-так, щелк-щелк!

Ребята ошеломленно смотрели на него. И, как будто всего этого было мало, он поставил перед собой стул и запрыгнул на него.

А потом взял трехногий железный столик, поставил его посередине и сыграл в перескок, перепрыгнув через него.

— Чего только не умеет этот Яннис! — восхищенно сказала Александра.

Но на этом Яннис не остановился. Под изумленные взгляды четверки он поднял столик, перевернул его в воздухе ножками вверх, и водрузил его себе на голову.

Ребята разразились аплодисментами.

И тогда Пулудья проявила историческую наглость, вписав черную страницу в их семейные хроники. Завороженная, она сказала:

— Когда я вырасту, я выйду за Янниса!

Катастрофа! Все волшебство и очарование развеялись, пропал и восторг!

— А кто ты такая, чтобы выходить за Янниса? — презрительно спросил Антонис.

— А откуда ты знаешь, захочет ли Яннис на тебе жениться? — поддакнула Александра.

И даже Александр, который обычно ее поддерживал, сказал:

— Да, откуда ты знаешь?

Покрасневшая, пристыженная Пулудья снова прижалась лбом к стеклу двери, но куда ей было теперь смотреть на Янниса! Ей снова захотелось, чтобы земля поглотила ее, и она притворилась, что смотрит на струйки воды, которые лились с деревянной крыши веранды, разбивались об перила, превращались в водяную пыль и разлетались прочь.

Антонис сказал ей:

— Морда просит утюга!

Александра строго осаждала его:

— Антонис, ты же знаешь, что мама против, чтобы ты говорил такие слова!

— Но она задается! — возразил Антонис.

— Весьма задается, — сказала Александра. — Но все же не говори грубых слов!

Александр открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал. Вместо слов, он оторвал кусочек от своего кренделя и предложил его Пулудье. Но она, не оборачиваясь, подняла плечо в знак отказа. Александр хотел сунуть кусочек ей в руку, но она отдернула и руку.

И чтобы Александр не огорчился ее капризами, Антонис сказал:

— Дай лучше мне! — и съел.

И Александра сказала:

— И мне!

Александр оторвал еще кусочек и дал ей.

А поскольку Пулудья так и не обернулась, Александр положил крендель на стол, взял стул, поставил его рядом с ней и залез на него, чтобы поглядеть, на что она там смотрит. Он вертел шеей и так, и эдак, прищуривался, но ничего не увидел. И после всех тщетных попыток, он слез со стула и потребовал в утешение свой крендель.

Но от кренделя остался лишь небольшой кусочек, крошки и несколько семечек кунжута, разбросанных по столу.

Александр рассердился, топнул ногой и сказал, что хочет целый крендель. И завязалась ссора.

Обиженная Пулудья обернулась на шум, Яннис снаружи прижался лицом к стеклу, и в это время тетя Марьета и дядя Гиоргис вышли из кабинета дяди Жоржиса.

Дела были плохи, к тому же Александр уже начал хныкать.

Антонис поспешно шагнул к нему и сказал:

— Если ты заплачешь, я скажу тете, что ты говорил офицеру «эй ты»!

И в то же время открыл Яннису, который стучал в стекло.

Александр проглотил слезы, Пулудья — обиду, и все четверо вдруг вспомнили, что мисс Райс очень больна.

Вошел, смеясь, дядя Гиоргис, тетя Марьета шла за ним следом. Она не смеялась, на самом деле она выглядела очень мрачной, а брови ее были приподняты посередине, напоминая знак тильду.

Дядя Гиоргис, увидев сына, сказал:

— Ба, Яннис, что ты здесь делаешь?

Но когда Яннис ответил ему: «Мама послала меня спросить, кто болен», дядя доктор сказал ему что-то странное.

Он похлопал Янниса по плечу и сказал:

— Никто не болен! Давай, пошли домой!

Тем же вечером, сидя на своих кроватях, после того как Афродита передела их ко сну и умыла, но некому было завить волосы девочек на бумажки, два брата и две сестры при потушенной свече и опущенных москитных сетках вполголоса обсуждали события дня.

— Хотела бы я знать, — начала Александра, — почему нам не сказали правду!

— Да, почему нам ничего не сказали, — добавила Пулудья.

— Как это нам ничего не сказали? — удивился Антонис. — Тетя же сказала, что мисс Райс очень плохо и она больна!

— А отец Янниса, дядя Гиоргис, сказал, что никто не болен! — ответила Александра.

— Много он знает, этот дядя Гиоргис! — вставил Александр.

— Замолкни! — сказал ему Антонис. — Он все-таки врач!

— А Афродита знает? — спросила Пулудья.

— Она-то знает лучше всех! — подтвердила Александра. — Она ведь была в комнате, когда туда заходили дядя с тетей, и до того, и после них.

— Хм! Она ни разу не обмолвилась, что мисс Райс не больна! — сказал Антонис.

— Нет, но она сказала: «Не волнуйтесь, этим англичанкам все нипочем!» Это все равно, что сказать, что она не больна! — ответила Александра.

— Она еще кое-что сказала, — задумчиво добавила Пулудья. — Она сказала: «Другая бы уже десять раз ноги откинула! А этой — хоть бы хны!» Зачем мисс Райс откидывать ноги? И куда?

— Может, на кровать? Если бы она легла? — робко предложил Александр.

— Нет, потому что Афродита сказала: «Ее английские ножищи не подвели ее», а про кровать она не говорила, — ответила Пулудья. — Я слышала, как она говорила это кюре Рине.

Четверка погрузилась в раздумья.

— Завтра я зайду к ней и расскажу вам! — решил Антонис.

— И я! — вскочил Александр.

— Нет! Ты маленький, заразишься еще ее болезнью!

— Не заражусь! Я тоже пойду!

— Значит, мы все вместе пойдем! — сказала Александра.

— Ну нет, только Пулудью не зови! — с насмешкой сказал Антонис.

Пулудья выпрямилась и повысила голос:

— Почему это меня не звать?

— Потому что ты девчонка, а девчонки должны сидеть тихо и не совать везде свой нос! Со стороны кроватей девочек поднялся протест. Антонис велел им заткнуться. Александр поддержал сестер. Чтобы самоутвердиться, Антонису пришлось перекрикивать их. Девочки взбунтовались, но их никто не слушал, потому что они говорили одновременно.

Громкие хлопки и голос раздались этажом ниже.

— Ребята, мне подняться?

В темной спальне внезапно воцарилась тишина. Не раздавалось больше ни голоса, ни шороха.

А когда тетя все-таки зашла убедиться, что все в порядке, в свете звёзд, что проникал через широко раскрытые окна лишь тускло белели четыре противокомарные накидки, но гудения самих «комариков» уже не было слышно.

6. Кальян

Ранним утром ребята были потрясены важной новостью. Афродита сказала им:

— Мисс Райс все!

— Что? Умерла?

— Нет, уехала!

Никто этому не поверил. Один за другим они прошли в соседнюю комнату, чтобы убедиться, и обнаружили, что дверь открыта, а комната пуста.

Тогда ребята пошли на море с Афродитой, шалили там вволю и не хотели выходить из воды, пока Афродита не рассердилась и не пригрозила им, что пожалуется тете.

А когда они вернулись домой и сели за завтрак, подавая кофе с молоком, тётушка сказала им:

— Ребята, мисс Райс вчера заболела и уехала.

— Куда она уехала, тетя? — спросила Александра.

— Не знаю. Но, наверное, она поехала к матери, на поправку. А вы смотрите, чтобы сегодня были послушными, не сердите меня!

Дядя ничего не сказал, он только наблюдал за ребятами, за всеми и каждым, щурился и расплывался в улыбке, что их так много рядом.

Ребята тоже промолчали. Знай только переглядывались. Но когда они остались одни, языки их замолотили, как прялки.

— Ну во-первых, — сказала Александра, — мисс Райс не была больна, раз она смогла уехать. Больной принимает микстуру и лежит в постели. И ни к какой матери она не поехала. Помните, она рассказывала нам, что ее мать умерла, а отец снова женился, и она не знает, где он живет.

— Да, — сказала Пулудья, — но тетя, видите ли, тоже не знает. Она сказала «наверное». Тут происходит что-то странное — когда я спросила Афродиту, та ответила, что тоже не знает, когда уехала мисс Райс. Но потом сама же жаловалась, что у нее болит рука, из-за того, что она спускала по лестнице тяжелый сундук. Так зачем же она спускала сундук, если не знала, что мисс Райс уезжает?

— И кера Рина несет какую-то чушь! — подтвердила Александра. — Она сказала мне: «Иди спроси у тети! Я тут не приставлена вашу мисс охранять!» Да, и Афродита говорит загадками.

— Может быть... — начал было Александр.

Но он не нашелся сказать, что именно «может быть», так и застыл вопрошающе, сложив руки.

— Не все ли равно, когда она уехала и почему? Ее нет, и довольно! Да здравствует свобода! — воскликнул Антонис, пританцовывая на одной ноге, как подсмотрел вчера у Янниса. — Урок идет? На дно он идет! Играем сегодня весь день!

Но какую бы им придумать игру, не похожую на все, во что они играли до сих пор? По такому случаю нужно было что-то особенное и необыкновенное, что-то великое и безумное, достойное их новой свободы.

И пока они это обсуждали, в классную комнату ввалилась кера Рина с большой корзиной вишен для варенья. Ее прислала тетя Аргини — ягоды только спели, их надо было срочно перебрать и вынуть косточки. Тетя велела, чтобы девочки сразу же начинали, она тотчас и пришла.

— Вот вам и игра! — обрадовалась Александра. Она, как и Пулудья, была без ума от работ по дому. — Давай, Антонис, ты тоже, сделаем быстрее!

Но Антонис пренебрежительно смотрел на приготовления девочек, на их подвязанные фартуки, на закатанные до локтя рукава, на супницы, на коробку с неуловимыми шпильками, на тарелки, куда будут бросать косточки.

Он не девчонка. И это не мужская работа. Представьте себе, если бы отцу сказали: «Надень фартук и перебери вишню, или розовые лепестки, или виноград»!

Антонис пожал плечами и, засунув руки в карманы, вышел из комнаты.

— Пойдем, Александр, — позвал он брата, — оставь эти женские дела девчонкам!

Александр, который уже было обвязался полотенцем вокруг пояса и с нетерпением готовился помочь перебирать, класть отдельно гнилые ягоды, удалять плодоножки, на мгновение заколебался. Соблазн остаться с девочками и покопаться в вишне был велик! Ягоды такие красные и прохладные!

Но как было отказаться от приглашения Антониса? Ведь он оказал ему честь, обратился к нему на равных, как парень к парню — честь столь же редкую, сколь и желанную — разделить с ним одну судьбу.

И Александр не выдержал. Вдохнув, он размотал полотенце и поплелся за братом.

— Тем лучше! — сказала немного задетая Александра, — нам достанется больше вишни почистить!

И обе девочки с усердием втыкали шпильку в каждую вишенку, вытаскивали косточку, бросали плод в супницу, а косточку на тарелку. Праздник был великолепен. Сок, красный, как кровь, тек по голым рукам и капал с локтей. И нужно было быть осторожной, чтобы не закапать платье, нужно всегда иметь под локтем кастрюлю для сбора сока — тетя ругалась, что ни капли не должно пропасть, все ради красивого цвета варенья.

— И не выбрасывай косточки, их будут потом сушить, — сказала Александра Пулудье, — и перезрелую вишню не выбрасывай. Из нее будут делать компот...

Ее прервал Александр, влетевший в комнату, как из пушки:

— Александра! Иди скорей! Антонису плохо! Быстро! Быстро! Он говорит, его сейчас вырвет!

Александра вскочила. Но что делать с соком, который капал с рук? Его не вытрешь, не испачкав полотенца...

К счастью, кера Рина позаботилась поставить на стол тазик с водой на время окончания работы.

— Быстрее! Быстрее! — крикнул Александр.

Александра окунула руки, за ней Пулудья, и обе побежали за Александром.

Он привел их прямо в дядин кабинет.

Осев на колени, прислонившись к стене, с бледным лицом и закрытыми глазами, Антонис казался действительно «при смерти», как позже Александра сказала Афродите.

Сестры подбежали, чтобы помочь ему встать. Но только они коснулись его, Антонис закатил глаза, тревожно посмотрел на них, попытался встать сам, но не успел. И плюх!.. весь утренний завтрак оказался на полу!

К счастью, Афродита все еще убиралась в гостиной, она услышала голоса девочек и прибежала к ним. Она подняла Антониса, вялого, как пустой мешок, уложила его на диван, намочила ему лоб и лицо и пошла за тряпкой с водой, чтобы вымыть пол.

— Что с тобой, Антонис? — спросила его Александра, протирая ему лоб, как это делала Афродита.

Антонис не издавал ни звука. Торопясь, чтобы Антонис не успел перебить и рассказать эту историю, Александр сам начал все выкладывать: он расхаживал туда-сюда, суетился и без удержу тараторил, чтобы изобразить сценку и оживить свое повествование.

— Так вот! — начал Александр. — Антонис и говорит мне: «Во что бы нам поиграть?» А я не знал. Тогда Антонис сказал: «Давай я буду дядей Жоржис, а ты будешь керой Риной!» И он сел, вот так, в кресло. А я не хотел быть керой Риной. А он такой: «Ты будешь выполнять только мальчишескую работу. Принеси мне дядин кальян!»...

— Антонис! — воскликнула Александра, прихватив подбородок руками. — Как ты посмел?

Антонис не ответил.

Александр продолжил еще более многословно:

— Да, я ему тоже сказал: «Нет, Антонис. Дядя запрещает его трогать!» Но он скомандовал: «Принеси его мне!» А я не мог его поднять. И вот, Антонис пошел сам и хотел его поднять. А потом и говорит мне: «Он зажжен. Хочешь, я дуну пузырями в воду, как дядя делает?» И я сказал: «Ага.» И он через янтарную штуку дунул пузырями в воду. И наделал, знаете, мноооого... много пузырей! А я ему говорю: «Давай еще раз!» И он опять дунул. А я ему: «Еще!» Но он больше не захотел. И потом говорит такой: «Меня сейчас вырвет!» Подошел к стене и свалился там, а я побежал вас позвать...

Антонис пробормотал с закрытыми глазами:

— Тете не говорите!

В эту самую секунду вошла тетя. На ней все еще был длинный белый фартук, рукава закатаны.

— Что происходит? — спросила она. Все молчали.

За спиной у тети появилась Афродита с тряпкой и ведром воды.

— Ребенку стало плохо, — сказала она, — и его вырвало!

Тетя забеспокоилась. Она подошла к дивану и потрогала лоб Антониса.

— Прохладный, — сказала она, — и как будто вспотевший! Что с тобой, Антонис? Вишни объелся?

— Да нет! Нет, тетя! — крикнули вместе девочки, — он даже не пошел с нами ее чистить! Нас обеих позвал Александр!

— Тогда что с ним? — снова спросила тетя.

Все замолчали. Афродита ту же нашлась и выпалила:

— Должно быть это из-за жары!

— Да, — сказала тетя, — сегодня очень жарко! Открой окно, Афродита, пусть проветрится...

И взяв со стола бумажный веер, она начала обмахивать им Антониса.

— Тебе лучше? — спросила она.

— Да, тетя, спасибо, я в порядке, — ответил Антонис.

Но глаз он не открывал и продолжал лежать. Тетя сказала: «Порозовел вроде. Ему полегчало. Идёмте, девочки, дочистим вишню». Сестры встали, даже не смея взглянуть на кальян.

Но тетя его заметила. Ничто не ускользало от ее быстрого взгляда.

— Кто это трогал хозяйский кальян? — спросила она Афродиту.

Горничная, мывшая пол, обернулась и, удивленно подняв брови, ответила:

— Никто, госпожа! Кому его трогать?

— Вот и я спрашиваю! — сказала тетя. — Перед уходом дядя обернул маркуци вокруг колбы! Кто все развернул и бросил на пол? Афродита снова обернулась и поспешно сказала:

— Маркуци? Ах, трубка... Она, наверное, сама развернулась, или я ее задела случайно, когда пыль вытирала...

С дивана послышался голос Антониса.

— Нет, — сказал он, — это я развернул трубку!

Ребята замерли от страха.

— Ты? — вспыхнула тетя.

Антонис снова побледнел.

— Да, — сказал он, не открывая глаз, — это я взял кальян... и пускал в воду пузыри...

Антонис замолчал, и все замолчали. И в этой великой тишине слышалось только яростное шлепанье Афродитиной тряпки.

Тетя подошла к дивану. Девочки и Александр затряслись. Ой-ой-ой!.. Что сейчас будет?!

Но тётушка, вместо того чтобы врезать ему, как ожидалось, склонилась над Антонисом и вытерла платком его влажное лицо.

— Я не буду тебя наказывать, — сказала она ему, — ты сам наказал себя рвотой от курения кальяна. Но я надеюсь, что это станет для тебя уроком, и в следующий раз ты прислушаешься, когда дядя говорит тебе не трогать чужие вещи... А теперь вставай и иди умываться. А мы, девочки, пойдемте к нашей вишне...

— Уф! — вырвалось у Александры, когда после обеда ребята снова оказались одни в своей комнате. — Какой ужас я испытала, Антонис, когда ты сказал тете, что курил дядин кальян!

— И я! — сказала Пулудья.

С руками за спиной, собирая и растягивая складки своей белой фустанеллы, Александр спросил:

— Почему ты рассказал все тете, а нам сказал не говорить?

— Потому, что она спросила, — ответил Антонис.

— Но Афродита же сказала, что тебя стошнило из-за жары. И тетя согласилась. Антонис промолчал.

— И Афродита сказала, что не обязательно было все рассказывать, — продолжил Александр, — ведь тетя поверила, что это она уронила... как тетя назвала эту трубку?

— Маркуци, — ответила Александра.

— Да, маркуци. Почему ты сказал «нет, это я»?

— Но ведь иначе это было бы вранье! — сказал Антонис. Александра восхитилась его ответом и выразила одобрение.

— Антонис прав! — сказала она. Пулудья пустила слезу.

— И всегда говорит правду! — сказала она с гордостью. — Но мне было страшно! Ой-ой-ой, как же я боялась!

— И я! — сказала Александра. И Александр повторил эхом:

— И я!

Но этот разговор не удовлетворил младшего брата, он все еще задумчиво собирал и растягивал складки на своей юбке.

— Антонис, — спросил он снова, — почему ты сразу не сказал, что тебе стало плохо от кальяна, когда тетя и Афродита решили, что тебя вырвало из-за жары?

— А откуда я знал, что мне плохо от кальяна? — воскликнул Антонис. — Я никогда не видел, чтобы дядю тошнило, когда он курил.

— И правда! — подтвердила Александра. — Откуда ему было знать? И все снова восхитились им.

Но вопросы Александра по-прежнему не утихали.

— Так почему же Афродита не сказала правду? Она сказала, что заметила кальян и сразу все поняла, но не успела, говорит, закрутить обратно... Как эта штука называется, Александра?

— Маркуци.

— Да! Почему она сказала, что тебе стало плохо от жары? У Пулудьи снова выступили слезы.

— Афродита очень добрая, — сказала она, — она не хочет, чтобы тетя нас ругала!

— Это правда! — сказала Александра. И все согласились.

Антонис сказал благодарно:

— Я очень люблю Афродиту! Когда я вырасту, я возьму ее няней для своих детей!

Тут ребята чуть не поссорились.

— Я возьму ее, — сказала Александра, — потому что я старшая!

— Нет, я! — сказала Пулудья. — Потому что однажды перед сном, когда мисс Райс в очередной раз заболела, она накрутила мне волосы на бумажки — было совсем не больно! — и сказала: «Теперь я всегда буду накручивать их тебе!»

— Она и мне так говорила! — воскликнула Александра. — Тем же вечером!

— Но я мальчик! — сказал Антонис. — И я иду первым!

— Я тоже мальчик! — воскликнул Александр.

Голоса становились все громче и громче, атмосфера накалялась.

Тут к ним бегом поднялась Афродита.

— Дядю разбудите, негодники! — сказала она им сердитым шепотом. — Чего вы тут спорите вместо того, чтобы спать?

Также шепотом все вместе они рассказали ей причину ссоры. И каждый спросил ее:

— Правда ведь, ты будешь сидеть с моими детьми?

Афродита рассмеялась и сказала:

— Я пойду к тому из вас, кто первый женится или выйдет замуж! Это решение всем понравилось, и атмосфера снова разрядилась, до тех пор, пока они на следующий день не спустились во двор, каждый держа в руке по куску хлеба с сыром.

7. Занесло на поворотах

— Алиса придет сегодня! — внезапно вспомнила Александра.

— Точно! — буркнула Пулудья. — А вдруг она таки еврейка?..

— Пффф!.. — фыркнул Антонис. — Яннис говорит, что все это вздор.

И, сунув бутерброд с сыром в карман, он полез на акацию — свою сторожевую башню.

В соседнем дворе были только Алиса с Алекосом. Они слышали скрип акации, увидели, как ветки гнутся под тяжестью Антониса, и ждали, задржав головы и широко улыбаясь.

— Зайдем? — спросила Алиса.

— Ага, мы ждём вас! — ответил Антонис.

— Постой, Антонис... — прошептала Александра, хватаясь за натянутую бельевую веревку, чтобы подтянуться повыше.

Антонис проигнорировал сестру и спросил:

— А где Макс?

— Там, — ответила Алиса, неопределенно махнув куда-то рукой. — Но он скоро придет. Раз вы нас ждете, мы идём!

Девочки не успели решить, кто же прав, Яннис или Стамос, и так и замерли в растерянности, когда вошла Алиса: Александра — на своей веревке, Пулудья — сидя на пустой коробке, стуча по ней пятками, как в барабан.

— Доброе утро, — сказала Алиса.

— Доброе утро, — ответили сестры.

— Доброе утро, — сказал Александр. В сомнении он сунул палец в рот и поглядывал то на сестер, то на Антониса — тот спускался с ветки на ветку. Кроме него никто не шевелился.

Алиса, ожидавшая более теплого приема, застыла на месте. Алекос тоже. Кто знает, как бы все обернулось, если бы в эту минуту нижняя ветка акации не хрустнула, спустив Антониса вниз быстрее, чем тот рассчитывал.

Раздался общий смех, и все побежали его поднимать. Ветка была низко, Антонис-добрый молодец, по его словам, не ударился о землю, и это падение унесло с собой неловкость первых минут и растворило ее в смехе.

— Если б монстра тебя видела!.. — отсмеявшись, сказала Алиса.

— А монстра уехала! — ответил Антонис.

— Ты знаешь, Алиса? Монстра-то уехала! — добавил Александр.

Алиса радостно обернулась к нему.

— Да, я знаю! — сказала она. Мы с Максом ее видели.

— Да, я тоже ее видел, — добавил Алекос.

Четверка была в замешательстве. Станным образом все крутилось вокруг Алисы.

— Когда вы ее видели?

— Во время ее отъезда. Вчера вечером.

— Она была в жутком виде!!! У нее был красный нос!!! Ух!! — сказал Алекос.

— Как вы ее увидели? Где? Когда она уехала? — спросили все четверо разом.

— На улице увидели. Она уезжала в экипаже, ночью, — сказала Алиса, очень гордая тем, что ей было что рассказать. — Мы знали, что она уедет. Мама это сразу сказала. Она сказала: «Они больше не могут ее держать, ведь королева пожаловалась...»

— Королева пожаловалась? — у обеих сестер перехватило дыхание.

— Ой, а вы не знали? Вот так раз! Да, сама королева пожаловалась! Когда вы возвращались вчера, королева ведь сидела с русской фрейлиной, королем и офицерами перед своим двором?

— Да! Мы их видели! — сказала Александра.

— Ну вот, они вас тоже видели! И королева пожаловалась вашей тете, что монстра была под хмельком!

— Под чем? — спросила Пулудья.

— Под хмельком, пьяная! — сказал Алекос.

— А как королева это поняла? — в недоумении спросил Антонис.

— Да ладно, разве не заметно было? Юбка расстегнута, шляпа на боку... Как на карнавале! — сказала Алиса.

Да, ребята помнили, и как учительница спотыкалась, и как она забыла Александра, и как ее шатало туда-сюда, как пустую баржу, швыряемую волнами.

— Ей стало плохо, — продолжала Алиса, — а ваша тетя испугалась и привела доктора, потому что решила, что та бредит от жары. А потом они стояли в дверях и наблюдали за ней, и доктор заметил, как она достает бутылку из-под подушки и выпивает. А потом пришло послание от королевы, и ваша тетя сказала: «Она не может больше оставаться у нас, она уедет сейчас же!» И доктор дал ей... не знаю, какое-то лекарство, от которого та протрезвела, и они спустили ее вместе с сундуком вниз, посадили в экипаж и — скатертью дорога!

Четверка озадаченно слушала ее.

— Но откуда ты все это знаешь? — спросил Антонис.

— Нам рассказала наша кухарка, а ей ваша. Мама услышала их и вышла на крыльцо посмотреть. Дождь перестал, мы с Максом пошли на улицу и увидели, как она уезжает. Она была злющая-презлющая, настоящая монстра! И говорила

плохие слова, вроде того, что греки неотесанные. Я не очень ее поняла. Но ваш дядя рассердился и начал с ней спорить. И передал все нашему отцу.

Ребята смотрели на Алису с нескрываемым восхищением. Такой праздник у них в доме, а они ничего не знают!

— Жаль! — горько сказал Антонис. — Хотел бы я увидеть, как она уезжает!

— А вы когда узнали? — спросил Алекос.

— Только сегодня утром.

— А вас не удивило, что монстра так внезапно уехала? — спросила Алиса.

Конечно, их это удивило.

— И вы никого не спросили?

Конечно же, они спросили.

— И что вам сказала тетя?

Ребята признались, что тетю-то они и не спрашивали.

— Кто-нибудь вообще спросил тетю? — возмутился Александр.

— Так кого вы спросили?

— Афродиту.

— И что вам сказала Афродита?

— Что она не видела и не знает, что мисс Райс уехала.

— Ахаха! — засмеялся Алекос. — Афродита вам наврала!

Братья и сестры замерли на месте. Обвинение было велико, слово тяжело! Дома никто не врал. Афродита могла изредка что-то путать, кера Рина могла иногда нести чушь. Может быть, они обе просто не поняли... Но чтобы Афродита сознательно говорила им неправду...

Уязвленная, Александра сказала:

— Афродита никогда не врет!..

— Как это не врет? — возразил ей Алекос. — Она же была там, на дороге, и помогала кучеру поднять к нему монстрин сундук... И даже чуть не вывихнула руку!

Это последнее обвинение молотом пало на головы четверки — они стояли, не в состоянии вымолвить ни слова. Потом Пулудья робко сказала:

— Афродита очень добрая... и она нас очень любит... она, наверное, думала, что мы грустим, если мисс Райс уедет...

— Ахаха! — снова рассмеялся Алекос. — Так что же, грустите теперь без монстры?

— Да! — сказала Пулудья, обиженная неверием Алекоса. — Однажды я плакала, когда уехала мисс Мэй. И в тот же день рассказала про это Афродите.

— А кто такая мисс Мэй?

— У нас еще одна учительница была.

— Она вас тоже била?

— Нет, — призналась Пулудья.

— Но эта же вас била. И все равно грустите? — сказал Алекос.

Все четверо не знали, что ответить. Алекос возгордился, как петух, что подловил их, и сказал:

— У вас дома такая чехарда творится, а вам и дела нет до новостей! Вы даже ничего не спрашиваете! И глотаете любую ерунду, что вам скажут!

Антонис начал злиться. Во всей этой истории он, его брат, сестры и весь дом выглядели унижительно.

Их выставляли лопухами, а Алиса с Алекосом все знали и все видели. Он почувствовал, что престиж своего дома нужно было восстановить.

— Ну во-первых, — напыщенно сказал он, — тётушка не разрешает распускать сплетни в доме, ни прислуге, ни нам! И она велела Афродите ничего не говорить об этом...

— Пфф! — перебил его Алекос. — А мы-то откуда узнали? От ваших же Афродиты и керы Рины!

Это было бесспорно. Несмотря на весь свой гнев, Антонис не мог найти ответа. Тут Алиса примирительно сказала:

— Ладно, если Афродите не полагалось говорить, вы правильно сделали, что не стали ее спрашивать. А как насчет вашей тётушки? Почему вы тетю не спросили?

Александра ответила:

— А мы у тети вообще ничего не спрашиваем!

Антонис рассердился на Александру: вечно у этих девчонок страсть все пересказывать соседям. Но промолчал и только сердито стиснул зубы.

— Ух ты! А почему? Мы вот всё спрашиваем и у мамы, и у папы, и никого не боимся, свободно говорим всё, что хотим, и с кем хотим.

Тут Антонис взорвался.

— А зато вы!.. — выкрикнул он исступленно, грозно подняв кулак, — От вас все зло! Вы Христа распяли!

Как будто молния ударила во двор. После такого громкого заявления наступила тишина. Все замолчали. Алиса в испуге глядела на ребят, Алекос стоял с открытым ртом, Александр от страха схватил Пулудью за руку; обе девочки пригнули головы, словно в ожидании большой беды.

И тут же послышался спокойный тётушкин голос:

— Антонис! Зайди-ка наверх, ты мне нужен!

И опять никто не проронил ни слова. Все взгляды обратились на Антониса — тот растерянно застыл на месте.

В то же мгновение дверь во двор открылась и вошел Макс.

Внезапно очнувшись, Алиса расплакалась, бросилась к двери, толчком повернула Макса назад и вышла вместе с ним, потянув за собой и Алекоса, тот тоже вышел и закрыл за собой дверь.

Антонис посмотрел на дверь, затем бросил взгляд на сестер. И, задрав голову, пошел в дом.

Девочки были ошеломлены, Александра стояла столбом, как Лотова жена, Пулудья все еще держала Александра за руку.

И тут же в соседнем дворе послышались плач и тихий утешающий женский голос.

— Алиса плачет! — сказала Пулудья. — Она сейчас рассказывает все маме...

— А Антонис? — тихо спросил Александр.

— Ох, ему достанется! — сказала Александра, снова обретая голос. — Пойдем, поддержим его!

Они нашли Антониса на крыльце, он сидел, уткнувшись в перила, закрыв лицо руками.

Ребята перепугались. Они никогда не видели его в таком виде.

— Ты плачешь, Антонис? — вполголоса спросила Александра, слегка тронув его за плечо.

Не оборачиваясь, он недовольно оттолкнул ее руку.

Ребята знали, что чем грустнее был Антонис, тем непримиримее он становился и тем сильнее он отвергал утешения и сочувствия. Они стояли рядом с ним остолбеневшие и молчаливые, грустные, как и он.

И пока все трое вот так стояли у него за спиной, бессловесно поникнув, на веранду вышел дядя.

Ребята не боялись дяди Жоржиса. Они знали, что он добр, терпелив, всегда готов простить, посмеяться и приласкать. Все трое вздохнули с облегчением, увидев его — они знали, что утешение теперь не за горами.

Дядя ласково провел рукой по голове Александра, улыбнулся девочкам и, сев на стул, потянул Антониса к себе. Антонис поначалу сопротивлялся. Но дядя оказался сильнее. Видя, что ему не отвертеться, Антонис закрыл лицо руками и смиренно встал перед дядей.

— Ну, расскажи мне, что ты там натворил, — добродушно сказал ему дядя, — и почему ты опять разозлил тетю и заставил ее тебя выдрать, здоровый восьмилетний детина, а?

Антонис не отвечал. А рядом с ним две сестры и брат с волнением ждали от дяди добрых слов, что могли бы исцелить грусть-печаль Антониса.

Но дядя, однако, не спешил. Он все раздумывал и смотрел на склоненную голову племянника.

Наконец дядя медленно произнес:

— Знаешь, Антонис, ты совершил ужасный проступок — ты оскорбил гостя в своем доме! А что еще хуже — ты дразнил гостя его религией, то есть покусился на самое святое! Зачем ты так поступаешь?

Антонис не издавал ни звука.

Пулудья робко положила руку на дядино колено и спросила:

— Дядя, а разве у евреев есть религия?

— Конечно, есть! — ответил дядя.

— Но ведь они распяли Христа?

— А Христос тоже был евреем, — снова сказал дядя.

Всеобщее «Ой!!!» было ему ответом. Ошеломленный, Антонис даже опустил руки от лица.

Дядя немного подумал, а потом сказал:

— Давным-давно, почти две тысячи лет назад, одни плохие евреи, «книжники и фарисеи-лицемеры», как говорит Евангелие, и первосвященники среди них, распяли Христа, потому что ненавидели и завидовали ему за то, что он так добр и милосерден, и любим всем миром. И он сам возлюбил весь мир, прощал грешников, утешал скорбящих, исцелял всех больных, и приносил радость, куда бы ни шел. А они презирали его, возненавидели, и наконец, убили. Но все те, кто любил его, кто следовал за ним и поклонялся ему, ведь они тоже были евреями!

— Это правда, дядя? — воскликнула Александра.

— Конечно правда! — ответил дядя со смехом. — И из этих хороших евреев некоторые стали христианами, а другие остались евреями, возможно, потому, что им плохо объяснили, кто такой Христос, а возможно потому что они не хотели оставлять свою старую веру. А их дети, внуки и потомки остались хорошими евреями, и они также поклоняются Богу, как и мы, только вместо Бога, которому мы поклоняемся, Он у них как пророк. И некоторые из них, например господин Хорн, настолько добры, что мне хотелось, чтобы все христиане были такими же, как он!

В недоумении Александра перебила дядю:

— Но, дядя, евреи не могут быть хорошими, ведь они падают замертво, как только увидят крест!

— Что они делают?

— Падают замертво! Да, дядя, нам Стамос рассказывал!

— Алиса Хорн сегодня тоже упала? — спросил дядя.

И указал пальцем на крестик Александры, потом на крестик Пулудьи, а потом на Александров — крестики всех троих висели на цепочках поверх их детских одежек.

Ребята в недоумении переглянулись. Они и позабыли про свои крестики, не заметили, что они выбились наружу, и не подумали даже их спрятать, когда Алиса пришла к ним во двор.

И Антонис наконец проговорил:

— Ну, Яннис же сказал, что все это вздор...

Голос Антониса рассеял последние тучи. Его собратья закричали, засмеялись от радости, что Антонис вновь заговорил, а дядя предложил всем прогуляться.

Вместе, не надевая шляп, они спустились в гавань Пасалимани, потом снова поднялись и пошли по дороге, которая ведет на холм, зашли там в кофейню, и дядя угостил всех рахат-лукумом.

— А завтра, в воскресенье, мы попросим Алису прийти и поиграть с вами, чтобы загладить сегодняшнее плохое впечатление, — сказал дядя, всматриваясь в каждого из четырех племянников и племянниц. Его глаза в сетке морщинок щурились от широкой улыбки.

8. Бриз-неудачник

Антонис, Антонис-чертенис, зайди в дом, а то все госпоже скажу! — крикнула Афродита из спальни.

— С моря дует бриз, — ответил Антонис с балкона. Стоя еще в ночной рубашке, он поднял в воздух обслюнявленный палец, чтобы понять, с какой стороны ветер охладит его.

Грустный, он вошел вовнутрь.

— Мы идем в церковь, — сказал он.

— Да? Так тетя сказала? — удивленно спросила Александра.

— Нет! Но я заметил, что каждый раз, когда в воскресенье дует бриз, тетя водит нас в церковь.

Пулудья с самого утра была в ворчливом настроении. Она сидела, обутая, свесив ноги с кровати, волосы были закручены Афродитой еще с вечера на бумажки, чтобы на утро в воскресенье они были уже завиты. Надувшись, она заявила:

— Я знаю только, что стоит тете надеть ее лиловое шелковое платье, идёт дождь. А не дует бриз...

— При чем тут дождь? — перебил ее Антонис. — Я сказал, что мы идем в церковь. Как будто мало того, что мы по воскресеньям не купаемся в море! А еще я сегодня хотел поиграть в солдатиков. Уф! Беда, да и только!

Афродита, застегивая белые штиблеты Александра, бросила на него укоризненный взгляд.

— И не стыдно тебе, Антонис, называть поход в церковь бедою! — строго сказала она ему.

Антонис замер на месте и действительно смутился и покраснел.

Но затем воспрянул духом и заявил:

— Да, мне не нравится здешняя церковь! Вот в Александрии, когда мы ходили на службу в Страстную Субботу, мы стояли у маминой скамьи, и сам Патриарх служил молебен, и у нас были свои молитвенники. Патриарх служил еле слышно, а мы читали все в молитвенниках, знали, когда будет из Евангелия, а когда из Жития Святых. А здесь... Во-первых, здесь в церкви всегда полно народу, нас толкают со всех сторон...

— У вашей тети Аргини тоже есть своя скамья, — перебила его Афродита.

— Ну да! Когда приходит тетя Марьета, она занимает ее всю, такая она толстая! — сказал Антонис. — И мы стоим в ряд перед ней. И там так жарко! И молитвенников у нас нет, мы забыли их в Александрии... Отец Димитрис тут читает быстро и себе под нос — я ничего не понимаю, мне скучно, время еле тащится. И еще отец Димитрис все время причитает: «Го-осподи поми-илуй! Го-осподи поми-илуй!»...

— Никто не причитает никакого «господи помилуй», — возразила Афродита.

— Правда-правда, отец Димитрис так все время и причитает, — раздался голос из-за занавески, где в круглой ванночке поливалась водой Александра — она всегда поддерживала Антониса. — Я тоже это слышала. А ты разве не слышала, Пулудья?

Но Пулудья исчезла.

— Куда опять запропастился этот ребенок! — сказала Афродита. И она пошла искать ее в соседнюю комнату.

Антонис пожал плечами.

— Пулудья сегодня встала не с той ноги! — сказал он. — Даже холодная вода ее не взбодрила!

И действительно. Как только она встала с постели, она начала ворчать, что кто-то взял у нее тапочек. Остальные отрицали, она настаивала, и все переросло было

в ссору, пока Александр не обнаружил этот тапочек, запутанный в ее москитной сетке.

А теперь она исчезла, и Афродита тоже ушла.

Вдруг на лестнице послышались голоса, сначала тетин голос:

— Пулудья! Куда это ты собралась в таком виде, да еще с распущенными волосами? Иди сейчас же наверх!

Затем робкий голос Пулудьи:

— Я собиралась рассказать Алисе... Дядя велел сказать Алисе...

И опять тетин голос:

— А что за спешка? Бегать в ночной рубашке по переулкам? Быстро наверх!

Последовала тишина. Затем послышались медленные шажки и перед всеми появилась Пулудья, пристыженная, в ночной маечке, волосы закручены на бумажки, кудрявая-раскудрявая.

Ей было очень стыдно, она знала, что над ней все будут смеяться, ведь она хотела как старшая пойти и пригласить Алису в гости после обеда, хотя уже было решено, что пойдет Александра, от имени всех.

— Ты хитрюга! — сказала ей старшая сестра. Она не выносила, когда кто-то отнимал у нее ее первенство. — Мы же договорились, что я пойду к Алисе.

— И вовсе нет, — сердито ответила Пулудья, — я совершенно не согласна, и Александр тоже. Мы договорились, что пойдем все вместе.

— Так почему же ты пошла одна? — спросил Антонис.

Александра, которая уже сняла у себя все бумажки с волос и собиралась было их причесать, грозно обернулась к сестре с гребешком в руке.

— Правильно говорит Антонис. Если мы собирались все вместе, почему ты пошла тайком, одна?

— Я не пошла тайком! — воскликнула Пулудья, борясь с завитком, который никак не хотел расставаться с бумажкой.

— А что ты сделала? Почему ты не сказала нам, что идешь к Алисе?

— Потому что вы с Антонисом всегда соглашаетесь друг с дружкой и делаете, что хотите, а мы — никто, Александр и я! — огрызнулась Пулудья, готовая заплакать. При этом она отчаянно дергала бумажку, которая все никак не хотела вылезать из волос.

— Грешно этим оправдываться! Не знаешь, что сказать! Сама уже все делаешь и решаешь, как большая, за Янниса вон собираешься выйти! — отвечала Александра, протягивая руку, чтобы помочь сестре.

У Пулудьи брызнули слезы.

— Мне больно! — крикнула она упрямо.

— Что тебе больно?

— И во-первых, я не собираюсь выходить за Янниса! И ты делаешь мне больно, ты тянешь меня за волосы!

— То есть разворачиваю бумажку, за которую ты сама же и тянешь! И это вместо спасибо? Хорошо же!

— Ты плачешь не поэтому, — сказал ей Антонис, — и не из-за Янниса. Плачешь, потому что знаешь, что схитрила. Давай, скажи это!

— Я вовсе не хотела хитрить! Я просто хотела посмотреть, что скажет Алиса, и не сердится ли она, — запротестовала Пулудья. — Да, спросите у Александра!

Но, стоявший в дверях, причесанный, одетый, весь чистенький Александр не имел своего мнения. Он глянул на Пулудью — та плакала и оправдывалась от их с ним имени, глянул на Антониса с Александрой — те сурово ее обвиняли, и не принял никакого решения. Однако его тронуло, что Пулудья обратилась к нему. Но все же какая она хитрюга!

И с каким облегчением Александр вздохнул, когда Антонис произнес в конце концов «Прекратить огонь!», что на их языке означало «хватит ссориться». Александр знал, что перед этими волшебными словами не устоит никто и никогда, особенно если Антонис произносил их властно, тоном великого полководца.

Однако этому воскресенью не суждено было пройти гладко. Когда все спустились на завтрак, тетя сказала:

— Пошустрее немножко, ребятки! Без проволочек, разбираем кофе, а за ним и свои шляпы. И идем в церковь!

— Ну, говорил же я вам! Это все бриз-неудачник! — ворчал Антонис, поднимаясь с Пулудьей за шляпами для всех. Александра в это время выскочила в соседний двор, чтобы позвать Алису. — Я знал, что мы пойдем туда. Бриз всегда подгадит.

И гадкое действие бриза не прекращалось. Александра примчалась назад бегом (чтобы не испытывать тетино терпение) и принесла еще одну неутешительную новость: Алиса и ее братья рано утром уехали в место под названием Кифисья, к своей тете. Их кухарка не знала, через сколько дней они вернуться.

— Отлично! — проворчал Антонис, — а еще только полдень!

В церкви сперва все шло своим чередом. Отец Димитрис продолжал напевать себе под нос «Го-осподи поми-илуй», как вдруг поднялся всеобщий переполох, мужчины и женщины расступились, и в открытом проходе появились король с королевой и двумя принцессами. Они встали прямо перед скамьей тети Аргини — ее величественно занимала тетя Марьета в своем зеленом шелковом платье со множеством оборок.

Король ответил на приветствие дяди и тети улыбкой. Однако королева не обернулась. Прямо и серьезно она смотрела на Святой алтарь перед собой.

Дети уже не слушали отца Димитриса. Девочки любовались старшей принцессой в розовой шляпе, завязанной под подбородком, с распущенными длинными, светлыми волосами. Антонис же изучал короля — тот стоял, опершись на трость, держа в сложенных руках пепельно-серую шляпу фасона «республика». И совсем не сутулился.

Интересно, как ему удастся держать такую прямую осанку? Может, у него трость слишком длинная? Или, может, он просто не сильно опирался? Дядя вот всегда сутулится, когда опирается обеими руками на свою трость. А если бы у Антониса была трость, интересно, смог бы он так стоять с прямой осанкой, как король?

Он выпрямился, вытянул руки с воображаемой тростью в руке, пытаясь принять позу короля...

Но тут снова подгадил бриз! В эту секунду за спиной у него прошмыгнул какой-то шальной ребенок и толкнул его — Антонис потерял равновесие и свалился прямо на короля, увлекая за собой и трость, и пепельную «республику».

Бах! Бах! Клац! Клац!

Вся церковь обернулась на них! Одна королева не смутилась и тихонько повернула обратно к алтарю лицо младшей принцессы, когда та обернулась, чтобы посмотреть, что там вызвало смех.

Антонис возжелал, чтобы плиты церкви поглотили его.

Его уши так горели, что он не слышал, как король говорит дяде тихим голосом с сильным иностранным акцентом:

— Пожалуйста! Пожалуйста! Ребенок не виноват! Людей много, а церковь мала для таких больших праздников...

Но Александра услышала это и повторила ему позже в утешение — когда они уже возвращались домой все вместе: два брата, две сестры впереди, дядя и тетя за ними. Другим утешением за ругань и нагоняй от тети Антонису было всего-то лишиться галактобуреко на десерт.

Все бы теперь шло хорошо, если бы Александра вдруг не возгордилась и не начала всех доставать. Наряду с утешительными словами короля она слышала и еще кое-что: ту прекрасную принцессу в розовой шляпе и с распущенными волосами тоже звали Александрой!

Кто бы мог подумать, тоже Александра! Пулудья подошла спросить, как зовут младшую принцессу, но Александра ей ответила, что не знает и ее это не волнует. Тогда Пулудья робко сказала:

— Я думаю, ее зовут Пулудья!

Все посмеялись над ней, говоря, что принцессе не подходит такое нелепое имя. Пристыженная Пулудья насупилась и замолчала. А старшая сестра все раздувалась, раздувалась от гордости за свою тещу, прекрасную принцессу, пока сытый по горло ее щебетанием Антонис не взбесился и не огрызнулся на нее:

— Ты достала нас уже со своей принцессой!

Тогда Александра тоже разобиделась, гордо задрала нос, взяла книгу, села в сторонку и сделала вид, что читает.

И ей не читалось, и все заскучали.

Александр сидел на полу, пока его собратья снова ссорились, и ему было скучнее всех. Жалобно проговорил он, готовый уже расплакаться:

— Этот бриз сегодня очень плохой!

Антонис сунул руки в карманы, повернулся на каблуках, и насвистывая: «О мой гибкий и острый меч!» как ни в чем ни бывало вышел из комнаты.

Но не успели девочки обменяться с Александром и парой слов, как Антонис снова влетел в комнату, как пушечное ядро. Он весь лучился от счастья.

— После обеда мы пойдем в гости к тете Аргини! Мне дядя сказал! Тетя Аргини прислала записку, что она придет к нам, а мы пойдем к ним! Их горничная Мариора зайдет за нами, и мы пойдем, одни! Ура! Ура!

Плохое настроение уходит, за ним уходит и скука. Братья и сестры едва дотронулись до еды, так не терпелось им пойти к тете Аргини и увидеть воочию своих новых кузенов и кузин — все про них слышали, но знакомы еще не были.

Когда подошла Мариора, им уже казалось, что прошли годы. Когда они наконец дошли до места, им показалось, что они уже совершили кругосветное путешествие.

Дом тети Аргини стоял у площади, вокруг росло несколько пыльных деревьев да еще пара зеленеющих кустов цинний тянули к небу свои чахлые ветки. Но в глазах четверки никогда и нигде не цвели более красивые цветы и не произрастали более зеленые деревья. Они так и заявили Мариоре, что ни разу не видели такого прекрасного сада в Александрии.

— И деткам нашим нравится, — с гордостью сказала Мариора.

Но, как только они вошли в дом и увидели целую толпу «их деток», четверка прикусила языки.

Они все были там, все семеро детей тети Аргини: лесенка мальчиков и девочек всех возрастов, от двух до пятнадцати лет.

Две старшие девочки, черноволосая Катина и блондинка Клео, возвышались над остальными. На них были длинные юбки, их косы были стянуты наверх и подвязаны сзади широкими коричневыми лентами.

Еще был Яннис, их дружок, единственный, кого они знали. Потом Александра, сдержанная и молчаливая. Затем Манолис — собратья прозвали его Бананакис, потому что он очень любил бананы и всякий путешественник, прибывший на корабле из Египта, привозил ему их в подарок. Затем Алекос, толстенький блондинчик, и, наконец, Лукия — помладше Александра, она сидела на полу, словно синий шарик в своей одежде, с румяными щеками и черными короткими кудрявыми волосами.

Катина с важностью вытянула руку и сказала всем:

— Доброе утро!

А Клео присела на колени перед Александром, сняла с него шляпу, изящными пальцами поправила его белокурые кудри, сказала ему: «Золотце мое!» и поцеловала.

Из всех них Александра больше всего восхищалась важной Катиной. А Пулудье не терпелось поиграть с синим мячиком, Лукией.

Антонис от стеснения недобро оглядел их всех, одного за другим. И настолько недобро, что, встретив его взгляд, Манолис заробел, спрятался под стул, сел на пол с головой под сиденьем и стал пристально следить за Антонисом, выжидая.

Но Мариора исчезла, и четверка не знала, что сказать и как себя повести перед незнакомыми кузинами и кузенами. Особенно их смущали Катина и ее сестра, молчаливая Александра — те смотрели на них как на странных, непонятных людишек.

Тут, кивнув головой, Катина сказала:

— Идите все в гостиную и возьмите себе по вишневому компоту! Тут начали одиннадцать кузенов и кузин волей-неволей перетасовываться. И когда они вошли в гостиную и увидели инжирные пастилки, посыпанные кунжутом и сушеный миндаль, и крендели, и круглый пирог с ревенем, белый, весь в сахарной пудре, и ноздреватые ломтики хлеба с фетой, и вишневый компот в стаканах, у всех развязались языки.

И вся гостиная звенела от детских голосов, как дерево в сумерках, когда щебечут воробьи, прежде чем устроиться в нем на ночлег.

9. Бриз на удачу

Все одиннадцать ребят бегом спустились во двор, толкая друг дружку, каждый держал в руке крендель, кусок хлеба с фетой или инжирную пастилку.

Дети тети Аргини называли его «двор», но это был скорее небольшой садик, с вымощенными черным камнем дорожками и кустами олеандров, в глубине его стояла мраморная ванна для сбора воды.

Кузина-тезка Александра понемногу молча откусывала от кренделя и то и дело оборачивалась на Пулудью — та прицепилась к ней и окидывала ее с головы до ног умоляющим взглядом, как бы говоря: «Сделай шаг навстречу»

Пулудья стеснялась обоих старших двоюродных сестер и в тоже время смотрела свысока на Бананакиса и Алекоса, которые играли в мячик, и не знала, к кому примкнуть. Ее сестра Александра, как самая старшая, с напускной серьезностью болтала с Катиной, в то время как Яннис выкидывал тысячу безумных трюков, чтобы поразить Антониса и Клео — та больше всех была без ума от разных игр. Александр же, ее товарищ, ее союзник, сидел на пороге с Лукией и время от времени обнимал и целовал ее — эта игра уже наскучила Пулудье.

Поэтому она не знала, что делать. И робко, чтобы начать разговор, она сказала кузине-тезке Александре:

— Играешь в скакалку?

Кузина-тезка Александра снова обернулась, оглядела ее с ног до головы и вскользь спросила:

— Сколько тебе лет?

Пулудья ответила, немного прибавив себе возраст:

— Восемь. А тебе?

— Девять, — небрежно ответила кузина-тезка Александра, тоже «повзрослев» на несколько месяцев.

Затем повернулась спиной, сделала шаг и ушла прочь.

Пулудья тяжело ощутила расстояние, что отделяло ее от кузины Александры. Униженная, снова оставшись одна, она пошла в дальнюю часть сада, к ванне, где мальчишки боролись с Клео. Кузина Клео боролась изо всех сил: хотя она легко одолела Антониса, с Яннисом ей приходилось туго. Она вся покраснелась, ее светлая коса растрепалась, платье измялось.

— Пулудья! — позвала она. — Иди мне на помощь! Но мальчики этого не одобрили.

— С малышкой что ли связываться? — сказали они. И перестали бороться.

Клео откинула волосы с разгоряченного лица и со смехом окликнула Антониса:

— Ну давай же! Держу пари, что тебе слабо перепрыгнуть через ванну!

Сказать Антонису, что ему слабо было все равно, что подтолкнуть его.

Он разогнался, побежал, прыгнул... и плюх! — свалился прямо в ванну! Клео разразилась хохотом вместе с Яннисом. Александра-сестра увидела это из-за кустов олеандра, где болтала с Катиной, и в тревоге помчалась бегом к нему.

— Ах, Антонис! Что скажет тетя? На тебе же воскресный костюм! Воды в ванне было немного, и Клео с Яннисом легко вытащили его. Но в каком он был беспорядке! Волосы, как засаленные, прилипли к лицу, одежда промокла насквозь, синий шелковый галстук бесформенной веревкой свисал с шеи, а исподнее его традиционного льняного костюма, в складках, было полностью покрыто грязью. На глазах сестры Александры выступили слезы.

— Что же теперь будет? — пролепетала она в предчувствии неминуемой выволочки. Кузина-тезка Александра подошла к ним, скривилась и сказала небрежно:

— Ничего, пустяки! Хорошо, что он еще голову себе не разбил!

Это замечание успокоило Александру. Но не Антониса — тот предпочел бы тысячу раз проломить себе голову, чем столкнуться с гневом своей тети.

Падая со смеху, Яннис и Клео отжали воду с его одежды.

— Ты похож на мышь из чана с маслом! — «утешили» они его. Такой смешной!

Одна Катина во всем этом происшествии не уронила достоинства. Она хлопнула в ладоши и крикнула:

— Мариора!

И как только примчалась запыхавшаяся Мариора, она указала ей пальцем на мокрого Антониса и по-барски сказала:

— Забери его в дом и высуши!

— Пресвятая дева! Что с ним стряслось? И как его сушить? — воскликнула Мариора и перекрестилась. — Огня сегодня не зажигали, утюгов горячих нет, воскресенье ведь...

— Положи его одежду на солнце, — спокойно перебила ее Катина, — и надень ему костюм Манолиса, или... — она смерила Антониса взглядом и добавила: — Если не подойдет, дай ему костюм Янниса, пока его одежда не высохнет.

Катина отдала приказания и тихим, величественным шагом ушла, снова села среди олеандров и подозвала к себе Александру.

Александра была очень польщена тем, что старшая, почти сама как госпожа, Катина желала ее общества. Хотя ее и тревожили Антонис с его костюмом, она сделала наигранно-равнодушный вид и села рядом с кузиной среди олеандровых кустов.

А вся остальная толпа детей, от шальной Клео до синего шарика Лукии, толкаясь между собой, бегом устремилась за Мариорой и Антонисом, которые зашли на кухню через заднюю дверь.

— Бог ты мой, что это? — воскликнула старушка, что сидела у окна и глядела на прохожих на улице. — Что вы сотворили с моей кухней? Посмотрите, вода на плитках!

— Не кричи, кера Аннета! — со смехом сказала Клео. — Это наш двоюродный брат, он упал в садовую ванну! Мариора пошла ему за сухой одеждой, нам надо его переодеть!

— Господи помилуй! — сказала кера Аннета и перекрестилась дважды. — Чуть ребенка не убили! Ты бы его и до крови довела, кера Клео, знаю я твои штучки!

Клео опять рассмеялась.

— А при чем тут я, если младшие хотят быть как старшие? — сказала она. — Он не осилил перепрыгнуть через ванну!

— Это Клео виновата! — крикнул Алекос. — Мы все слышали с Бананакисом, это она подначивала его прыгать!

Кузина-тезка Александра повернулась и пригвоздила его взглядом.

— А ты, — холодно произнесла она — не будь как злостный сорняк, не лезь, где тебя не сеяли! Ее учительский тон внушал уважение всем ее братьям и сестрам. — А он пусть бы не слушал, раз ему слабо!

Униженный, ошарашенный Антонис, слыша это, делал вид, что засучивает рукава, чтобы избежать насмешливых взглядов своих кузенов и кузин, особенно Янниса и Клео. Но когда Мариора пришла с сухой одеждой, а Клео начала пританцовывать вокруг него и кричать, чтобы он снимал рубашку, он разозлился, взбунтовался и снова обрел свое мужество.

— Уходите все! — крикнул он. — Я не буду перед вами раздеваться! Снова толкаясь и спотыкаясь, все гурьбой вышли вон. Антонис остался на кухне один, с Мариорой и керой Аннеттой.

Толпа ждала снаружи, осаждая двери. Двое малышей, Александр и Лукия, прилипли к дверной щели и силились что-нибудь разглядеть.

— Ну что, он разделся? Оделся? Что он делает? — спрашивали Манолис с Алекосом.

Но малыши ничего не видели. Кера Аннетта своей широкой толстой спиной перекрывала всю щель.

Клео смеялась, Яннис шутил, и все галдели наперебой, высказывая свои предположения. Одна Пулудья стояла в стороне, молчаливая и обеспокоенная. Что скажет тетя, когда увидит одежду Антониса?

Дверь открылась, и вышла Мариора, толкая перед собой Антониса.

У всех вырвалось восклицание. Ну и видок у него был!

Брюки Янниса, хоть и подвернутые несколько раз, свисали до земли, из-под них торчали выцветшие, стоптанные тапочки. Рукава, закатанные-перезакатанные, тем не менее закрывали кисти рук. Шеи было не видать, воротник нависал над головой как капюшон, подбородок утонул под галстуком — тем еще зрелищем был Антонис! Только волосы, уже высохшие, были аккуратно причесаны, с новыми пробором.

Но вместе с сухой одеждой, пусть и комичной, Антонис заново обрел задорную жизнерадостность и неукротимый дух. Он первым начал дурачиться, устроил танцы и прыжки, шлепая тапками не по размеру — они делали шмяк-шмяк-шмяк по каменным плиткам пола. И захватил всех своей безумной игрой.

Внезапно Антонис оказался в центре всего братства. Он стал лидером, причем никто не понимал, как и когда ему было дано это лидерство. Он разделял и властвовал по своему желанию, а остальные лишь слепо следовали за ним.

И он собирал армии и флоты, делил ребят на разбойников и стражников, возводил башни, охранял тюрьмы, всеми руководил. Никогда прежде он и помыслить себе не мог такого разнообразия сражений: осада в олеандровых кустах крепостей «Катина», «кузина-тезка Александра» и «сестра Александра», морской бой вокруг садовой ванны, с непокорной адмиралкой Клео и крейсерами-

таранами Манолисом, Алекосом и Пулудьей, грабежи на горных вершинах скамеек, бегство пленников Лукии и Александра, поединок разбойничьих главарей Янниса и Антониса...

В длинной, свободной одежде кузена Антонис весь аж светился. Вокруг его головы словно вспыхнул ореол. Глаза его метали искры, голос трубил и гремел, приказы его разили, как молнии, и все покорялись, подчинялись, выполняли все его команды.

В тот день Антонис был во славе.

— Антонис — наш самый дорогой кузен, — заявила Клео, когда в игре настал перерыв, и Антонис пошел на кухню переодеться в свою уже подсохшую одежду.

А когда он надел ее и снова вышел во двор вместе с Мариорой и шляпами для брата и сестер, вся толпа восторженно прокричала ему «ура!». Антонис торжествовал, улыбался, приветствовал своих двоюродных братьев и сестер, а те вдохновенно прощались с ним и обещали вскоре встретиться снова.

Но стоило четверке выйти на улицу с Мариорой, как страсти улеглись, прекратился смех, попритихли голоса, ореол Антониса внезапно угас, волшебство растворилось. Брат и сестры смотрели, как гордо вышагивает он впереди, по улице, полной людьми в это вечернее время, одновременно и ужасаясь им, и стыдясь его. Он виделся им невыносимо грязным и комичным, в его пожелтевшей, неглаженной, местами измятой и местами обвисшей одежде, в ботинках и носках, с присохшими комками грязи, с галстуком, потерявшим и цвет, и форму, и ставшим похожим на обрывок брезента.

Александра ускорила шаг, догнала его и тихонько шепнула ему на ухо:

— Не беги, Антонис, спрячься за Мариору, чтоб тебя никто не видел! Ты ужасен!

Антонис сбавил обороты, унял свой разудалый шаг, осмотрел руки и ноги и ойкнул.

Он взглянул на прохожих, разодетых для воскресной вечерней прогулки, и уловил пару насмешливых взглядов. Тогда он засеменял и протиснулся между Мариорой и Пулудьей.

По-английски, чтобы не поняла Мариора, он спросил сестру:

— Моя одежда выглядит слишком плохо?

Пулудья ответила со слезами на глазах:

— Ужасно! Что скажет тетя?

Торопливо, шепотом, трое старших собрали совет и кое-что решили. Не заходить через веранду, где тётушки сидели с гостями. Пройти по дорожке позади дома. Войти во двор. Найти Афродиту и попросить о помощи. Пусть девочки пойдут вперед и предупредят ее. Ребята подготовили целую стратегию. Ибо если тетя увидит Антониса в таком жутком виде...

— Я вам еще с утра говорил, что от бриза все пойдет вкривь да вкось! — мрачно сказал Антонис.

— Не волнуйся, мы тебя спасем! — сказали девочки. Они то забежали вперед, то отступали назад, чтобы скрыть его от прохожих, а то вдруг кто случайно его узнает. Они дошли до циллеровских домов и сразу свернули в боковой переулок.

— Почему сюда, ребята? — спросила Мариора.

— Мы всегда заходим со двора, — решительно ответила Александра.

— А мы всегда входим первыми, — быстро добавила Пулудья, взяла Александра за руку и потащила его вместе с Мариорой во двор.

Девочкам все удалось: они первыми зашли во двор вместе с Мариорой и Александром, оставив Антониса на улице, а оттуда вошли на кухню, где Мариора завела беседу с керой Риной, а Александра тем временем переговаривалась с глазу на глаз с Афродитой, Пулудья же караулила, чтобы не появился внезапно кто-нибудь из взрослых.

— Ну и ну! — воскликнула Афродита, услышав их рассказ. — Только бы его не увидела ваша тётушка! Она так не хотела, чтобы я одевала его в новое, мол, он все равно все испоганит, пока играет! Где этот шальной ребенок?

Но когда она вышла с Александрой во двор, «шального ребенка» нигде не оказалось.

— Он побоится войти внутрь, — сказала Александра, — он будет стоять снаружи.

И он действительно стоял снаружи. Но теперь к пятнам грязи на его одежде добавилась еще свежая кровь, и он прикрывал рот обеими руками.

— Антонис! Что случилось? — крикнула Александра.

— Шшш! Ничего, просто Дон меня укусил! — сказал Антонис вполголоса.

Афродита побледнела. Она схватила его за руки и увидела, что они тоже в крови.

— Куда он тебя укусил? — спросила она, крутя его руки, чтобы понять.

— За рот! — сказал Антонис и показал на свою верхнюю губу, где виднелись две дырочки, оставленные зубами Дона.

Сам «преступник» лежал поодаль и грыз кость.

Афродита выглядела очень испуганной. Она подошла к Дону, чтобы осмотреть его, а тот, увидев ее, вскочил, начал прыгать вокруг и бурно радоваться.

Однако Афродите, казалось, было совсем не до веселья.

— Хвост задран, больным он не выглядит, — сказала она, обращаясь к детям. — Что ты такого сделал, что он тебя укусил, Антонис, чертенис ты эдакий?

— Я отнял у него кость! — смутившись, ответил Антонис.

— Не можешь ты без своих выходов! — сказала Афродита, все больше мрачняя. — Заходи скорее в дом, я тебя умою. У тебя уже губы опухли.

Антонис пошел за ней вместе с Александрой и хотел было завернуть на кухню. Но Афродита резко остановила его у входа.

— Пойдем наверх, — сказала она ему, — тебе рот нужно вымыть. Тут прибежала испуганная Пулудья вместе с не менее напуганным Александром.

— Назад! Назад! — зашептала она. — Они заходят внутрь...

И остановилась, потеряв дар речи — она увидела Антониса, всего в крови, который вырывался из рук Афродиты, чтобы сбежать.

— Нет, Антонис, не выйдет, я позову тетю! — сказала Афродита. — Я не хочу брать эту историю на свои плечи...

И, видя, что Антонис ускользает от нее, она схватила его за рубашку и крикнула:

— Госпожа! Подойдите, госпожа! Быстрее...

— Ах ты ж..! — Антонис взревел и остановился, ожидая удара молнии в свою голову.

Тетя Марьета и дядя доктор стояли в открытой двери гостиной.

— Что происходит? — спросила тетя.

— Антониса укусила собака! Посмотрите, господин доктор! — всполошенно выкрикнула Афродита.

— Собака?

— Какая собака?

— Как она его укусила?

— Где? — спросили дядя и тетя вместе.

— Боже мой! Что с ним теперь будет! — пробормотала Александра, вся дрожа.

— Тетя увидит его одежду и... — добавила Пулудья.

Но тетя и дядя скорее растерянно подошли к ним, а за ними с тревожным видом подоспели тетя Аргини и дядя Жоржис.

— Что случилось?

— Кого укусила собака?

— Антониса! Его укусила собака короля! — объяснила Афродита.

Поднялся великий переполох. Дядя Жоржис, тетя Аргини, тетя Марьета и дядя доктор собрались вокруг онемевшего Антониса. Он все ждал молнии, но молния так и не ударила.

Было не до молний, все взрослые суеились вокруг него: тетя Аргини обнимала его, тетя Марьета макала ткань в тазик и осторожно протирала ему лицо и руки, а дядя Гиоргис намочил компресс в желтом снадобье и наложил его на губы.

— Ничего, ничего! — приговаривал он. — Делайте ему компрессы с арникой, и опухоль с губ спадет. Вот только...

Он отвел дядю Жоржиса в сторону и что-то неслышно сказал ему. Дядя Жоржис тут же схватил шляпу и вышел на улицу.

— Что случилось, Гиоргис? — с тревогой спросила тетя Марьета.

— Ничего. Но надо осмотреть собаку, тест не помешает, — ответил дядя доктор.

Остальные ребята озадаченно наблюдали за всей этой суматохой и за Антонисом — тот, немного оглушенный, молча принимал ласки и утешения.

Дядя Жоржис вернулся, тетя Марьета спросила его о чем-то, и дядя ответил:

— Король велел посадить Дона на цепь и приставить стражу!

И погладив Антониса по волосам, добавил:

— Ничего страшного, а ты смельчак!

Той же ночью, оставшись одни, переодетые для сна, в своих постелях, с задернутыми москитными сетками и погашенным светом, ребята вчетвером держали совет в темноте.

— Хотела бы я знать, — начала Александра, — что это стало с тетей, она даже не отругала Антониса.

У Антониса был перевязан рот, что немного затрудняло ему речь, он чудно произносил слова, со множеством «Ф». Но это не мешало ему высказываться, и даже перебивать других, со всей энергией, которую придавали ему укус Дона и его мальчишеская стойкость — ведь он даже не заплакал.

Перекрывая шепот остальных ребят, он повысил голос и сказал:

— Тетю кто-то заколдоФФал, кукуФФики, она не только не отругала меня, но даже поФФеловала, как будто я АлекФФандр!

— Думаю, она просто не видела твоей одежды, — заметила Пулудья.

— И грязи на твоих ботинках, — добавил Александр.

— Все она видела, — перебила их Александра. — Я слышала, как она говорила об этом Афродите.

— ФФто гоФФорила? — внезапно обеспокоенно спросил Антонис.

— «Не переодевай его, а то у него может голова закружиться». И еще она сказала одну вещь. Она сказала: «Хорошо, что это была собака короля».

— И правда! — воскликнула Пулудья. — Хорошо, что это был Дон! Со своей кровати Александр неторопливо спросил:

— А почему лучше, если тебя укусит собака короля, а не другая?

— Потому что... — начала было Пулудья, но остановилась. Она не знала ответ. И нерешительно спросила:

— Почему тетя сказала, что так лучше, Александра?

— Потому что он очень породистый, — уверенно ответила Александра. — А если бы он был каким-нибудь диким псом, он бы сожрал Антониса целиком.

— И правда! — вздохнула Пулудья.

— НиФФолько! — возразил Антонис. — Я бы это так на оФФтаФФил, я бы его поколотил и прогнал!

— Ну да! Где тебе за ним угнаться! — сказала Александра.

Но Александр, неудовлетворенный объяснением, прервал их.

— Наш Цербер в Александрии — не собака короля, и все же он ни на никого не нападал... и никогда нас не кусал, — рассудительно сказал он.

Замечание Александра заставило было Александру призадуматься. Но она тут же нашла довод.

— Ну во-первых, — сказала она, — Цербер — домашняя собака.

— А какая разница? Мама говорила, что он из диких псов! — настаивал Александр.

Его слова снова смутили Александру. Но она снова нашла объяснение:

— Да, но Антонис не отбирал у него костей! Сегодня он у Дона отобрал кость, которую тот ел. И Дон разозлился.

— Верно! — подтвердила Пулудья.

— А должен ли он был его кусать? — снова спросил Александр. — Ты говорила вот, что мы не должны злиться, если другие дети отбирают у нас игрушки.

Александра расстроилась. Какой компот Александр состряпал из ее педагогики!

— Ну во-первых, ты несешь чепуху! Дон — собака, что он вообще понимает? — сказала она нетерпеливо. — Поэтому король и наказал его! Он велел его посадить на цепь и взять под стражу!

— Его надо было поколотить! — настаивал Александр, распаляясь. — Почему дядя Гиоргис не сказал его поколотить, а только сказал посмотреть, чтоб он тесто помешал?

— ОФФмотреть и теФФт не помеФФает — поправил его Антонис.

— Что это значит? — спросил Александр.

— ТеФФт это значит...

Антонис внутри себя знал, но как выразить это словами? Вечно этот Александр со своими вопросами!

— Ничего ты не понимаеФФ! ТеФФт, как ФФ ФФколе!

Слова Антониса звучали не слишком убедительно, но тут и малыш мог бы уже понять.

Но Александр не понял. И продолжал допытываться.

— Ему зададут урок? — снова спросил он.

Вопрос остался без ответа, москитная сетка Антониса не отзывалась.

Александра почувствовала, что авторитет Антониса пошатнулся и ему угрожает опасность загреметь с высоты, куда днем подняла его молодецкая удаль. Чтобы сменить тему и пресечь вопросы Александра, которые следовали один за другим как бусины на четках, она зевнула и сказала со вздохом:

— Уф! Наконец-то проходит это воскресенье! Оно было таким неудачным! Сначала Алиса уехала, потом Антонис в церкви грохнулся, потом в ванну в саду нырнул, теперь еще и Дон... И верно, ранним утром бриз-неудачник надул беду...

Но Антонис перебил ее.

— Кто ФФказал, бриз-неудачник? — воскликнул он. Я так больФФе никогда не ФФкажу, укуФФи меня ФФобака! ЕФФли бы Дон меня не укуФФил, еФФли бы тетя не иФФпугалаФФь... Ой-ой, что бы меня ждало!.. Так что бриз — на удачу! Да здраФФтвует бриз!

Раздался звук мягкого прыжка на постели, и из-под москитной сетки снова раздался трубный глас Антониса:

— Ура!

— Ура! — вскричал и Александр. Он весь возбудился, как наэлектризованный, и приготовился было тоже сделать сальто.

— Что там происходит наверху? Кто кричит?

От тетиного голоса с лестницы возня на кроватях внезапно прекратилась.

Послышались шаги, и тут же шорох поспешного скольжения тел под простыни, за четырьмя москитными сетками. Наконец, в спальне воцарилась полная тишина.

Шаги приближались. Тетя осторожно вошла к ним и прислушалась. Безмолвие...

— Дети? — сказала она вполголоса.

Молчание было ей ответом.

Тетя присела на кровать Антониса, откинула сетку и оглядела его лоб и горло. Антонис не пошевелился. Тетя расправила ему простынь, задернула обратно сетку и вышла.

— Нет, нет у него температуры, и все четверо спят, — сказала она кому-то за порогом.

И дядин голос снаружи ответил:

— Нам осталось присматривать за собакой. К счастью, пес выглядит здоровым. Я видел, что хвост у него поднят и воду он пьет. Похоже, что...

Конец фразы оборвался за лестничным поворотом.

— ГоФФорил же я ФФам, что бриз — на удачу! — тихо прошепелявил Антонис.

С кровати Александры раздался негромкий приказ:

— Шшш!... Тетя сказала, что мы спим! Спокойной ночи!

Что означало: «Не будем над ней смеяться, так что хватит болтать».

Для всех это было сигналом к отбою. На такой приказ возражений не было. Все трое младших послушно закрыли глаза.

10. Битва

Лежа на полу позади своей оловянной армии, прищулив один глаз, а другим прицеливаясь, куда бы лучше бросить шарик, Антонис сказал:

— Так что, ты решил? Ты турок или нет?

— Нет! — возмущенно воскликнул Александр. Он сидел на корточках позади своей армии, прикрывая руками боевые порядки своих оловянных солдатиков.

Антонис открыл второй глаз и сердито посмотрел на брата.

— Так кто ты?

— Грек! — воскликнул Александр.

— Но как греки могут воевать с греками и убивать греков? — спросил Антонис.

Александр не знал.

— Но я не хочу, чтобы мои солдаты были турками! — гневно запротестовал он.

— А кто тогда будет турком? Как мы будем сражаться? Твои солдаты либо греки, либо турки! Раз мои греки, твои должны быть турками!

— Не хочу! — повторил Александр.

Рядом за столом сестры раскрашивали синими и красными карандашами декольтированных дам с розами в прическах из старых модных журналов тети Марьеты. Услышав шум, Пулудья поднялась из-за стола и подошла к мальчишкам.

Снова настало воскресенье. После укуса Дона прошла неделя, губа Антониса зажила, проказы умножились, и нагоняи от тети сыпались градом. Но сегодня тётушка не пошла в церковь, и мальчики, оказавшись на свободе, решили устроить войнушку и выставили две свои вражеские армии друг против друга.

Пулудья стояла навтыжку, заложив руки за спину, и окидывала взглядом регулярные части солдатиков Антониса, выстроенных по четверо: с новенькими винтовками и ровными штыками, лентами через плечо, с греческим флагом посередке и конным генералом впереди. А затем оглядела солдатиков Александра, что притулились вокруг своего трехцветного флага: штыки какие загнуты, какие отломаны; кривые подставки, где поломаны, где погнуты. Но не проронила ни слова.

Антонис заявил, скрестив руки:

— Тогда нам лучше не играть! Александр сказал жалобно:

— Я не хочу, чтобы моя армия была турецкой!

Чувствуя, что приход Пулудьи означает введение дополнительных резервов, то есть подмогу, он поднял голову и взмолился:

— Скажи ему!

— Тогда убирай свою армию в ящик, — сказал Антонис.

— А почему бы тебе не стать турком? — спросила его Пулудья.

— Мне?

Антонис гордо продемонстрировал свою армию, новенькую, ухоженную, лакированную, как только что из магазина. Он погладил свой бумажный греческий флаг. Не совсем верно раскрашенный, флаг тем не менее был четко наклеен поверх оловянного знамени, прикрывая его изначальную трехцветность.

— Эти — турки? — сказал он. — Разве турки могут быть круче греков? И как у греков может быть такой бардак? — добавил он с презрительным жестом в сторону оловянной мешанины Александра.

Этот аргумент тронул Пулудью. Миролюбиво она сказала младшему брату:

— Пусть твои будут англичанами!

— Супер! Как мисс Райс! — одобрил Антонис. Он знал, что его победа неизбежна, и предвкушал возможность нанести удар соотечественникам мисс Райс, какими бы оловянными они ни были.

Александр стоял, размышляя.

— Ну хорошо, — сказал он, нехотя кивая, — но не из-за мисс Райс, а потому, что дядя говорит, что англичане подарили нам Крит...

— Корфу! — поправил его Антонис. — Какой Крит! Крит сам освободится! И без всяких англичан!

— Да-а? — сказал Александр. — А как он сам освободится?

— Он устроит революцию, как Караискакис... помнишь, дядя нам показывал его могилу, и освободится, как освободилась Греция. Вот! Эти критяне молодцы-храбрецы! О, значит, мои солдаты — критяне!

— Здорово! — взволнованно воскликнул Александр. — А мои тогда греки...

Но Антонис осадил его:

— Балда! А критяне что, не греки? А жители Корфу? А родосцы и киприоты? Как греки могут убивать греков?

Порыв Александра угас, у него пошла кругом голова от такого количества имен.

— Так и кем будут мои? — надувшись, спросил он.

— Сказали же, англичанами. И флаг твой это подтверждает. Он иностранный.

— Мисс Райс говорила, что это не английский флаг, — нерешительно пробормотал Александр.

— Знаю, он французский, неважно. Давай! Приготовься!

— А англичане — молодцы? — осторожно спросил Александр.

— Конечно! Они же подарили нам Корфу! Ну давай же! Где твой шарик?

Но Александр потерял свой шарик. Он искал его в складках одежды, среди солдат, в ящике и снова в куче солдат. Шарик как в воду канул. Вдобавок, часть солдатиков повалилась: они и так были кто немного, а кто сильно хромы и покалечены, и пришлось снова их расставлять.

Антонис потерял терпение.

— Давай уже! — крикнул он брату. — Я дам тебе другой шарик! Только быстро построй свою армию!

Александр торопился изо всех сил, и Пулудья ему помогала. Но расставлять стареньких солдатиков с кривыми подставками было непросто.

Пулудья начала злиться. Нервничая, она зубами яростно выправила пару изогнутых подставок.

— Какой беспорядок у твоих солдат! — приглушенно выговаривала она Александру, в то время как Антонис рылся среди своих шариков, чтобы найти похожий и отдать брату. — Какой бардак! У этого вот даже нет нормальной подставки! И ты еще хочешь, чтобы они были греками! Да они упадут с первым же ударом!

Пристыженный, Александр следил за неутомимыми руками Пулудьи — она силилась устойчиво поставить его солдат, прижимая их подставки одну к другой, авось они удержат друг друга.

Антонис уже был тут как тут. Пулудья сжала солдатиков как можно теснее в кучу и поднялась.

— Вот, — сказал Антонис брату. Я не нашел такого же, как твой, но это не важно. Теперь у тебя даже немного больше, и ты убьешь больше моих солдат. Давай! Кидай первым!

— И хорошенько прицелься! — наказала Пулудья.

Александр сложил большой и указательный пальцы, приложил шарик к ногтю и прицелился.

Но его большой палец был все же мал, а шарик был слишком тяжелым. Он подбросил шарик, но тот ушел в сторону и пролетел мимо воинов Антониса, не задев ни одного из них.

— Мазила! — пробурчала Пулудья.

— Мой ход! — сказал Антонис.

Он лег ничком, приложил шарик к ногтю, закрыл один глаз, прицелился и выстрелил. Выстрел пришелся под углом и снес половину Александрова войска.

— Оооо! — застонал Александр, собираясь заплакать.

— Погоди-ка! — воскликнула Пулудья, вытянув ладони. — Мы говорили, что если солдат упал на другого солдата, то он ранен, и снова встает. Убитые только те, кто целиком лежит на полу.

— Верно, — ответил Антонис. Он придумал это правило в день рождения Александра, когда его брат получил новеньких солдат, а его собственные начали понемногу терять равновесие. — Верно, — повторил он, подходя ближе, чтобы удостовериться. — Но эти почти все убитые.

— Нисколечко! — сказала Пулудья, поднимая одного упавшего, который повалил другого. — Вот, просто пошатнулся и оперся на соседа.

— Только на кончик штыка! — заметил Антонис.

— Неважно! Оперся же! — настояла Пулудья.

И она подняла раненого, и еще одного, и еще, пока не осталось только трое или четверо убитых.

— Мне кажется, ты всех подняла! — снова запротестовал Антонис.

— И вовсе нет! Я только раненых подняла! Давай, Александр, кидай еще раз!

Александр вздохнул с облегчением, когда снова увидел своих солдат в строю, он снова прицелился и выстрелил. Но опять промахнулся: его выстрел пришелся в сторону и пролетел мимо армии Антониса.

— Ты невнимателен! — крикнула ему Пулудья.

— Мой ход! — торжествуяще сказал Антонис.

Он прицелился, выстрелил, и снова половина армии Александра полегла.

Пулудья бросилась на колених разбирать раненых. На этот раз Антонис стрелял сильнее, солдат далеко разбросало, оставив меньше раненых, чем убитых.

— Давай, — сказала Пулудья, стиснув зубы, — целься! Соberись!

Бедный Александр собрался, но шарик его был тяжел, рука мала, а подставки Антониса устойчивы. На этот раз он задел край войска, и, хотя весь строй пошатнулся, упал только один солдат.

Опять выстрелил Антонис, и снова разбросал, убитыми и ранеными, почти всех воинов Александра.

Слезы беззвучно текли по щекам полководца, когда он поднимал своих раненых, а рядом с ним, тоже в молчании, Пулудья лишь скрежетала зубами да крепко-накрепко прижимала друг к другу немногочисленных героев Александра, чтобы те поддерживали друг друга.

Битва длилась недолго. В последовавшем натиске пала вся Александрова армия.

— Ура! — крикнул Антонис. — Ура! Я снова вас обставил!

— Нисколечко! — ответила Пулудья, быстро подняв трех или четырех солдат. — Они ранены, и генерал тоже ранен! Давай, Александр!

— Хитрюга! — крикнул ей Антонис. — Они все убиты!

— Нет! — возразила Пулудья. — И не называй меня хитрюгой! Они ранены, они лежали вот так...

— Я видел, они все были убиты! — настаивал Антонис.

— Не были! — продолжала возражать Пулудья.

— Были!

— Не были!

Запахло порохом.

— Не спорьте! — крикнула Александра из-за стола. Антонис тоже присел на колени.

— Ладно, смелее, Александр, бросай еще раз, — упрямо сказал он, — увидишь, я смету всех твоих одним ударом!

Александр, стоя на колених, закусил губу, чтобы остановить подступающие слезы. Он взял шарик, прицелился и выстрелил. Руки у него дрожали, шарик перепрыгнул через войско Антониса и с грохотом покатился по доскам пола далеко позади военных порядков.

— Моя очередь, и покончим с этим! — победоносно крикнул Антонис.

— Так не пойдет! — запротестовала Пулудья.

— Еще как пойдет и не споткнется!

— Нет, так нечестно! Ты дал Александру слишком большой шарик, он велик для его пальцев! Дай ему свой шарик!

— Глупости говоришь! Уйди отсюда!

— Так нельзя, говорю тебе! Постой!

Антонис оттолкнул ее в сторону, дал выстрел и рассеял последних храбрецов Александра вместе с генералом, который на этот раз свалился с коня.

Александр был уже не в силах сдерживать рыдания. Пулудья вскипела.

— Так нельзя! — повторяла она. — Так не пойдет, это нечестно! И в ярости подняла генерала, посадила его на коня и снова начала расставлять солдат.

Антонис сшиб их одним взмахом руки.

Тогда в слепой ярости Пулудья пнула ногой армию Антониса, опрокинув и разбросав все его порядки.

И разразилась еще одна битва. Антонис схватил сестру, силясь повалить ее на колени.

— Что ты наделала? — говорил он ей сквозь стиснутые зубы. — Ты видела, что ты наделала? Ты уронила греческий флаг, и он отвалился! Немедленно подними его и поцелуй!

— Не буду я ничего поднимать и целовать!

— Ты его поднимешь!

— Не буду!

Он силой заставил ее встать на колени.

— Подними его! Это греческий флаг!

— Это не флаг! Это старая бумажка...

— Пулудья!..

Она замерла, ужасаясь собственным словам.

Всю комнату как будто заморозило.

Александра оторвалась от своих картинок, Антонис убрал руки, Александр перестал плакать.

Все трое смотрели на нее. Но Пулудья не сдавалась.

— Это не флаг! — настаивала она. — Это Антонис нарисовал и приклеил, и это ерунда, всё затерто ластиком и в кляксах! Это...

Она не смела повторить это слово, губы ее дрожали, а на глазах наворачивались слезы.

— Это клякса! — пробормотала она.

— Ладно же! — сказал Антонис. — Вот Яннис придет после обеда, и я спрошу его, законно ли это! Называть наш флаг старой бумажкой и кляксой!

— Я этого не говорила!

— Разве? Все это слышали!

— Нет! Я такого не говорила про наш флаг! Я сказала про эту бумажку...

— Вот, опять ты повторяешь! А в наказание тебе я скажу ему еще кое-что. Что ты говорила, что когда вырастешь, выйдешь за него...

Это переполнило чашу терпения. Пулудья зарыдала, выскочила из комнаты и понеслась во двор.

Он был пуст и залит солнечным светом. Она присела на пороге, склонила голову на колени и плакала, плакала, сколько просила душа.

Дверь во двор медленно открылась, и вошла Алиса. Но Пулудья так рыдала, что даже не услышала ее.

Алиса немного нерешительно подошла к Пулудье и положила ей руку на склоненную голову.

— Почему ты плачешь? — участливо спросила она.

Пулудья вздрогнула и выпрямилась. Заплаканное лицо ее было все в потеках и в размазанных пальцами невытертых кляксах слез. Она встретила сочувствующий взгляд Алисы, растрогалась и снова заплакала.

— Почему ты плачешь? Что с тобой?

Но Пулудья не хотела рассказывать ни про флаг, ни про ссору с Антонисом, ни про ее страхи, что он выдаст Яннису ее слова. Внезапно она вспомнила тот последний раз, когда к ним приходила Алиса. Теперь, видя ее такой отзывчивой и милой, ей стало стыдно за те резкие слова Антониса, что она-де распяла Христа.

И с внезапной нежностью она обняла Алису и поцеловала ее.

Та зарделась от удовольствия и ответила на поцелуй.

— Ну что ты сидишь на солнце? Тебе голову напечет, — сказала она. — Пойдем в тень.

Две девочки пошли вместе и сели под акацию. И чтобы Пулудья забыла про свои горести, Алиса начала ей рассказывать:

— Знаешь, почему я столько дней не приходила? Я была у тети, в деревне, в горах, среди зелени и сосен! Ах, тебе бы туда!..

11. Антонис-герой

А в спальне слезы лились по другому поводу. Александр, хлюпая носом, собирал своих воинов и швырял их как попало в ящик, а Антонис, с руками в карманах, расхаживал туда-сюда, как Наполеон Великий после победы.

— Ну во-первых, из-за поражения не плачут! — сказал он брату. — Это не спортивно!

Александр знал это, он слышал это наставление после каждой битвы с Антонисом. Он не отвечал, только тихонько всхлипывал, проглатывая слезы.

Александра снова села за стол и стала облизывать кисточку, чтобы ее заострить.

— Александр еще мал, — снисходительно сказала она. — А вот Пулудье, которая постарше, следует научиться не злиться, если она проигрывает игру.

Александр вновь залился слезами.

— Пулудья очень добрая! — прохлюпал он.

— Конечно, она же помогла тебе! — ответил Антонис.

— Он мне не помогала! Если бы она мне помогала, я бы выиграл войну!

— Размечтался! С такими-то солдатами, кривыми, поломанными...

— Да, Пулудья бы победила твоих всех!

— Размечтался! — повторил Антонис.

Он вновь раскрыл ящик, куда бережно сложил своих солдатиков, одного за другим — вначале выпрямив им штыки, поврежденные ударом Пулудьи, и с любовью погладил их.

— Никому не победить такую армию! — сказал он. — Мои опоры не пошатнутся!

— Пулудья бы победила, она целится лучше тебя!

— Ну конечно! — насмешливо сказал Антонис.

— Да, лучше! — упрямо настаивал Александр. — В крокет, в Александрии, она много раз тебя обыгрывала!

— В крокет! Тупая девчачья игра! — пренебрежительно сказал Антонис. — Я тебе про шарики толкую! В шарики она меня обыграет?

— И в шарики Пулудья тебя тоже обыграет!

— Никогда!

— Да, она у тебя один раз выиграла, я помню!

— Вздор!

— Выиграла!

— Ну во-первых, у Пулудьи нет шариков! Как это она у меня выиграла? Чем?

— Стамос дал ей шарики!

— Стамос? Вспомнил еще Стамоса в Александрии!

— Да, я-то помню. А ты притворяешься, что забыл. Ты играл с Александрой, а она играла против тебя со Стамосом.

— В тот раз победил Стамос, а не Пулудья!

— Нет, Пулудья! Я помню! И Стамос так сказал!

— А ты повторяешь за ним, как попугай!

— А ты врешь...

— Александр! — испуганно крикнула Александра.

Не было большего оскорбления для Антониса, чем сказать, что он-де что-то сказал неточно. Однако никто и никогда не осмеливался произнести, что он врёт.

Сейчас будет драка?

Сжав кулаки и зубы, Антонис вспыхнул и проговорил:

— Ты младше, и я не буду тебя бить! Но погоди-ка, вот мама приедет, она узнает, как ты сказал офицеру «Эй ты», увидишь тогда!

Александр снова расплакался.

— Не говори! — стал умолять он.

— А что такое? Ты же говоришь, что я вру? И когда мама узнает, что ты сказал эти слова...

— Когда отец не велел нам даже рта раскрывать! — сурово добавила Александра.

— И ты еще мне это говоришь, мне! — повторил Антонис. — Увидишь! Посмотрите, что с вами будет, с тобой и с Пулудьей, за ее слова, что греческий флаг — это клякса и старая бумажка!

Этот двойной ужас окончательно добил Александра. Он сел, зарылся головой в складки своей юбки и предался отчаянию.

Дверь комнаты открылась, и в проеме появилась улыбающаяся голова Алисы, ее светлые косы были уложены в венок.

— С добрым утром! — радостно вскричала она. — Не ждали? И она зашла внутрь вместе с Пулудьей.

Взгляд Пулудьи сразу же пал на удивленное лицо Александра, все в слезах, размазанных пальцами. Она безошибочно угадывала драки и споры, где ее родной союзник мог бы пострадать.

— Почему ты плачешь? — резко спросила она, готовая к бою.

— Потому что... потому что... — всхлипывая, начал было Александр. Но Антонис прервал его жестом.

— Не говори! — безмолвно приказал он, указывая взглядом на Алису. И, наклонившись над братом, якобы помогая ему подняться, скомандовал на ухо:

— Не говори о флаге при ней!

Александр замолчал, и наступила тишина. Озадаченная, четверка стояла, неловко переминаясь.

Но Алиса заставила их позабыть свои горести. Она со смехом подступила к Антонису, ткнула пальцем, так, что тот откинул голову, и сказала:

— Гляди-ка! Ух ты! Странно! От укуса Дона осталось только два красных пятнышка! Тебе было очень больно?

— Нет! Но откуда ты знаешь? — спросил Антонис.

— Маруся, наша горничная, нам сказала вчера вечером. Она сказала нам, что ты заходил за мной, это правда? Жаль, что меня не было! А потом Дон тебя укусил. Бедный Антонис! Как тебе было наверное больно!

— Да нет, не сильно больно. Он укусил меня вот так! — сказал Антонис, зажав губу между пальцами.

— Вот это да, ну и ну! А я слышала, он сделал тебе фарш из лица! Да, нам так Маруся сказала. А еще ты чуть не заболел бешенством, но не плакал и даже не испугался! Молодец! Мы все тобой восхищались...

Антонис вовсе и не подозревал, что у него фарш из лица и он едва не стал бешеным. Но вдруг почувствовал, как будто его подняли на полметра от земли.

Но сестры, конечно, тут же сбили его с высоты.

— Что? Что там сказала Маруся? — насмешливо спросила Александра. А Пулудья яростно возразила:

— Никакого у него не было фарша из лица! Александр же приблизился поспешными шажками и привстал на цыпочки, чтобы поближе разглядеть неведомые раны на лице брата.

Но Алиса не унималась.

— Да-да, я тебя знаю! Ты всегда держишься молодцом и никогда не скажешь, что тебе больно! — повторила она. — Но ты чуть не подхватил бешенство и чуть не умер! Отец говорил, вы все ужасно перепугались...

— Мы-то? Нисколечко! — воскликнула Пулудья. — Так, только когда кровь текла...

— Да что кровь! Ваша тетя Марьета так напугалась, что послала вашего дядю к королю, чтобы тот пристрелил Дона. А король сказал: «Я очень сожалею о случившемся! Будьте уверены, мы запрем Дона и поставим охрану!» И каждый день потом сообщал, что Дон пьет много воды...

— А почему? — спросила Александра.

— Потому что, если бы он был бешеным, он бы не пил воду, так отец сказал. Но Антонис не знал, что он не бешеный, и все равно не боялся!

Обе сестры потрясенно слушали ее, а Александр от удивления стоял с открытым ртом.

— И он ведь не просто укусил его, а укусил за лицо, что намного опаснее, — продолжила Алиса. — Потому что чем ближе к голове собака кусает тебя, тем хуже...

— Почему? — опять спросила Александра. Она была поражена знаниями Алисы.

На этот раз Алиса не знала, что ответить. Она на миг помолчала и снова продолжила:

— Так сказал отец. И еще он сказал: «Как же возмутятся люди, средь бела дня за лицо кусают!» А Маруся нам сказала, что Антонис сам теперь всех перекусает и упадет замертво! Но он все равно не испугался!

Антонис слушал ее и радовался. Он даже не представлял себе, насколько мужественно себя повел. Его мало-помалу наполняли чувства и жалости к себе, и восхищения собой, и в то же время возникала нежная признательность к Алисе, ведь именно она превозносила его героем.

И когда он увидел, что в глазах Александры стоят слезы, а брови Пулудьи поднялись от страха до самых ее кудряшек, сердце его преисполнилось благодарностью, он почувствовал непреодолимое желание тотчас же исправить несправедливость, искупить свою вину за оскорбление, которое он нанес Алисе в прошлый раз.

— Алиса, — сказал он ей с воодушевлением, — ты не еврейка! Я уверен, что ты не еврейка!

Алиса замолчала, напряглась и с тревогой оглядела остальных.

— Признайся! — настаивал Антонис. — Ведь ты не еврейка, правда?

— Не знаю... — нерешительно пробормотала Алиса.

— Я уверен, что ты не еврейка, а гречанка.

— Да, я гречанка, — смущенно сказала Алиса.

— Это ничего не значит, — мрачно сказала Александра. — Я думаю, ты можешь быть одновременно и гречанкой, и еврейкой...

— Нет! — крикнул Антонис. — Я знаю, что в Александрии евреи не греки, и не ходят в нашу школу, а только в иезуитскую.

— Погодите-ка, у меня есть одна идея, сейчас мы сразу разберемся, — сказала Александра. — Алиса, что вы изучаете в вашей школе?

— Что изучаем? — обеспокоенно спросила Алиса. — В смысле? Что проходим?

— Да, вам рассказывают про Троянскую войну и про Ахилла?

— Конечно!

— А про Сократа? Знаешь ли ты, кто такой справедливый Аристид?

— Знаю!

— А Перикл? А Леонид?.. Но Антонис перебил ее:

— Знаешь, что означает «Молон лаве»? А «Со щитом или на щите»? Вы учили «Бей, но выслушай»? — спросил он порывисто.

— Да!

— Тогда ты точно не еврейка! — торжествующе воскликнул Антонис.

— Ты не еврейка! — подтвердила Александра. — Ты гречанка, как и мы!

И от волнения она поцеловала Алису.

Это был второй поцелуй, который Алиса получила за это утро от сестер. Счастливая, растроганная, она села на диван между ними. Они обняли ее с обеих сторон, как будто внезапно обнаружили сокровище.

С руками за спиной, Александр стоял, смотрел на них и размышлял вслух.

— Но... но какая разница, еврейка Алиса или нет? — неторопливо спросил он. — Дядя говорит, что евреи очень хорошие люди и что отец Алисы...

— Знаем, знаем, — с превосходством перебила его Александра. — Но мы хотим, чтобы Алиса была гречанкой!

И Алиса улыбнулась ей, и Александр тоже улыбнулся, и она выглядела счастливее, чем когда-либо.

Но Антонис не чувствовал себя достаточно удовлетворенным своей благодарностью Алисе. Он хотел было пойти к тете Марьете. Но хорошенько прикинув, предпочел послать к ней Александра — тот помладше, тот любимчик, и его меньше наказывают. Он отвел его в сторону и сказал:

— Иди спроси у тети, можно ли пригласить Алису на обед.

Александр пошел и вернулся с криком:

— Да, тетя сказала, что Алиса может остаться на обед...

Александра покраснела, Пулудья смутилась. Воистину, от этого Александра сплошной конфуз!

Начищая ему ботинки, перед тем, как сесть за стол, Александра упрекала его:

— Ты ведешь себя как крестьянин! — сказала она ему. — Людям не говорят «ты можешь остаться», их вежливо спрашивают: «Хотите ли вы остаться?»

Александр не видел разницы в обоих приглашениях, но ничего не сказал. Все его внимание было сосредоточено на сердитых щетках Александры, он искал, как бы сбежать от нее и присоединиться к Антонису — тот весь сиял и не знал, как еще уважить Алису.

— А ты останешься с нами после обеда, Алиса? А ты поиграешь с нами? К нам придет Яннис, наш двоюродный брат! Посмотришь, как он прыгает!

Пулудье припомнились ее утренние страхи, и все ее веселье исчезло. Ох, если бы Яннис никогда больше не приходил!

Антонис продолжал расписывать дела и подвиги Янниса, и беспокойство Пулудьи росло и ширилось все больше и больше.

Но Антонис сегодня был в таком хорошем настроении, он был на высоте! Вот если бы попросить его... Но как? Никто не смел его просить, кроме Александра, но ведь он малыш...

И Пулудья крутилась вокруг Антониса и Алисы, слушая ее рассказы о том, как здорово было у ее тетушек в Кифисье...

— А где эта Кифисья? — спросил Антонис. Алиса махнула в сторону гавани Пасалимани.

— Где-то там, далеко, в сторону от Пентэли. Сначала едешь поездом, потом поднимаешься на гору, но это не просто гора. Там растут деревья, много деревьев. У тети в саду есть разные фрукты, только черешня уже сошла, зато есть инжир, виноград, персики, груши... Чего там только нет! Еще у тети ушел садовник, и мы сами стали садовниками, копали, поливали, собирали плоды, подрезали ветки! Как же прекрасно мы провели время! Приезжай и ты, Антонис, к моим тетушкам...

Сложив руки, блуждая взглядом где-то там, за Пасалимани, Антонис видел как наяву все, что Алиса рисовала для него словами, и блаженно улыбался.

— А твоя тетя разрешит мне копать? — спросил он.

— Ну конечно! — сказала Алиса.

— А поливать?

— Еще бы! Она только обрадуется, ведь у нее теперь нет садовника!

— Когда я вырасту, я отдам все свои игрушки Александру и стану садовником! — зачарованно сказал Антонис.

Настал час Пулудьи. Никогда больше не застать ей Антониса в таком приподнятом настроении.

— Антонис, ты ведь не скажешь Яннису... ты знаешь... что собирался сказать утром... — тихо прошептала она ему.

Антонис застыл на какое-то время пока не очнулся от грез и не вернулся в реальность. И внезапно вспомнил.

— Я и не собирался! — сказал он гордо.

И снова обернулся к Алисе.

— Наша тетя в гостиной, — объявил он ей. — Расскажи ей про Кифисью, чтобы она отпустила нас туда. Та согласно кивнула ему, и они пошли к столу.

12. Лодка

С севера дул сильный ветер. Антонис высунулся из окна и смотрел на привязанные у берега лодки — они танцевали на волнах, натягивая свои канаты, словно хотели оборвать их и уплыть в море.

Он дочитал книжку «Маленькая хижина в лесу», которую ему одолжил Макс, а другой книжки под рукой у него не было. Александра разучивала на фортепиано гаммы, Александр, как девчонка, вырезал дамочек из старых тетиних модных журналов, а Пулудья достала свою страшненькую куклу Арапину с черными волосами из овчины и большими золотыми бусами на шее, и играла с ней в дочки-матери.

Какая тупость, боже мой! Какое отсутствие воображения должно быть у девчонки, чтобы развлекать себя подобным образом — нянчить деревяшку с фарфоровой головой и овечьей шерстью вместо волос!

Несколько раз он звал ее, но сестра упрячилась, дескать, играет с Арапиной! Он дразнился, говорил, что красно-желтое платье ее куклы ужасно.

— Ну и вкус у того, кто ее купил!

— Мне ее подарил дядя-крестный, мамин брат, и у него вкус что надо! — отвечала Пулудья. Она сама как-то признавалась, что платье у ее куклы дурацкое, но теперь, выходит, передумала.

Он говорил, что золотые бусы на шее делают ее куклу похожей на шута-горбуна. Но Пулудья и тут была не согласна. В конце концов она разозлилась и перестала ему отвечать.

Антонис смотрел на лодочки — они беспрестанно покачивались туда-сюда, как будто у них затекли шеи, а волны разбивались о берег и грохотали о гальку. Он вспоминал Синдбада-Морехода — тот оказывался в бесчисленных штормах, терпел кораблекрушения, столько раз тонул в море, все выдержал и не погиб.

— Вон уже и пароходик господина Макронисьётиса возвращается! — сказал он, высунувшись из окна.

Ему никто не ответил.

Антонис взглянул как этот паровой катер стрелой рассекает волны, непоколебимый, устремленный вперед, и сравнил его с привязанными лодками, танцующими на волнах, как пустые ореховые скорлупки. Ему страшно захотелось обладать таким катером, который бы не боялся ни сильного ветра, ни волн.

— Когда я вырасту, я стану капитаном! — заявил он, не оборачиваясь.

Разобиженная Пулудья не ответила ему. Александр же, не бросая ножниц, сначала закончил вырезать шлейф желтой дамы — кисть Александры украсила ее всеми бриллиантами мира, разложил фигурку на столе, а затем проговорил в своей обычной неторопливой манере:

— Ты как-то сказал, что когда вырастешь, станешь собакой!

— А потом ты захотел стать лошадью! — насмешливо добавила Пулудья, на миг прервав свое достоинственное молчание, чтобы подпустить брату шпильку.

Антонис покраснел. Он скрестил руки на груди и сказал с деланным равнодушием:

— Я был маленький, когда говорил это. Теперь я повзрослел и говорю вам, что стану капитаном.

— Ага! Посмотрим, что ты скажешь завтра, когда мы поедем к Алисе в сад, в Кифисью. Тебе опять захочется стать садовником, как позавчера, когда нас пригласила Алиса. С каждым днем ты хочешь быть кем-то другим.

— А ты с каждым днём глупеешь! — ответил ей Антонис. — Несешь чепуху, что, когда вырастешь, выйдешь замуж за Янниса, а потом умоляешь меня не говорить ему! Но я когда-нибудь скажу.

— Если ты скажешь, — крикнула в негодовании Пулудья, — я скажу маме, что ты сказал Алисе, что она распяла Христа!

Антонис пожал плечами.

— И что же ты не говоришь? — сказал он беззаботно.

Какое ему было дело? Он уже получил свое, а мама второй раз не накажет.

Тут у Пулудьи пропал и запал, и голос. Если Антонису все равно, что мама все узнает, то ее «оружие» выпало у нее из рук. Что же теперь делать? Ну конечно! Ей надо было тоже сказать, что ей все равно, что Яннис узнает, чтобы Антонис больше не грозил, что выдаст ее слова. Ведь его «оружием» был ее собственный страх. Какая же она дура! Нет, правда!

Она резко обернулась.

— А я в другой раз...

Но в комнате был только Александр, он вырезал за столом своих бумажных дамочек. Антонис ушел.

Он ушел и, с руками в карманах, спустился вниз в гостиную, чтобы отвлечь Александру от ее скучных бесконечных гамм.

Но, проходя через гостиную, он увидел, как море бушует и пенится о берег, остановился и прижался носом к стеклянной двери. Он смотрел на заходящее солнце, на лодки, что покачивались, подпрыгивали на волнах все резче, все сильнее натягивая свои канаты. Электрическим током по нему пробежала дрожь.

— Как живые! — пробормотал он.

Отворив дверь, он вышел на веранду, спустился на улицу, а оттуда пошел к причалу, чтобы поближе рассмотреть их.

Дул сильный ветер, и никого из лодочников не было.

Жаль! У Антониса было к ним столько вопросов...

Ему особенно понравилась одна лодка. Она была белоснежной, с голубой полосой вдоль борта.

«Как наш флаг!» — подумал он с гордостью.

И когда она немного повернулась на волне, Антонис прочитал ее имя, написанное на носу изящными черными буквами: «Магдалина».

«Вот бы такую лодку... и стать капитаном!» — жадно подумал он.

Интересно, легко ли в нее забраться? И подтянуть ее к берегу?

Антонис наклонился, ухватил канат, привязанный к столбику, и потянул. Да, это было легко, и лодка подошла почти до самого сухого песка. И залезть в нее пара пустяков, воды всего по щиколотку.

Антонис ухватился за борт и запрыгнул внутрь, это было несложно. И вот он уже сидел в лодке, как король в своем королевстве.

Волна подхватила «Магдалину» и повлекла ее назад, насколько позволил скрипевший от натяжения канат. Антонис возликовал. Он поднял со дна лодки весла и вставил их в уключины. Затем уперся ногами в носовую перекладину и начал грести, откидываясь корпусом назад, как это делают лодочники.

— Чего ты тут пыжишься, Антонис? У тебя лодка привязана!

Антонис обернулся и увидел Алекоса Хорна. Тот стоял на камне, засунув руки в карманы и наблюдал за ним.

— Знаю, — сказал он небрежно, — я просто тренируюсь, готовлюсь стать капитаном!

Алекос прыгнул с камня и подошел поближе.

— Как это тренируешься? — спросил он.

— Гребу на веслах!

— Но ты же привязан!

Антонис грустно посмотрел на канат.

— А что делать? — пробурчал он.

Алекос рассмеялся. Антонис обернулся к нему и сказал:

— Мне не управиться одному с двумя веслами. Залезай тоже, тогда мы отвяжем канат.

Алекос заколебался.

— Я маму не спросил... — сказал он.

Антонис не ответил. Он схватил оба весла, снова уперся ногами в перекладину и сделал гребок изо всех сил.

«Магдалина» поднялась на волну и помчалась прочь от берега. Торжествуя, Антонис снова сделал гребок и «Магдалина», которая было уплывала, снова вернулась и мягко ткнулась в песок.

Алекос не смог устоять перед таким искушением. Он ухватился за нос, и тоже запрыгнул в лодку. Антонис радостно сказал ему:

— Хватай одно весло! Я отвязу лодку!

Но едва он потянул узел, канат вдруг сам легко развязался, «Магдалина» качнулась пару раз, покинула мелководье и отдалась танцу волн.

— Эй, Антонис! У меня весло уносит! — крикнул Алекос.

Антонис еще сам не успел сесть на другое весло. Он повернулся, чтобы помочь Алекосу, потерял равновесие и свалился в лодку.

— Уплывает! Его унесло в море! — в страхе вскричал Алекос.

Антонис попытался встать, но каждое его движение кренило лодку то в одну, то в другую сторону, и он то и дело падал. Еле дополз он до сиденья, вскарабкался и схватил второе весло.

Алекос чуть не плакал.

— Ох, Антонис, что мы будем делать без моего весла? — проговорил он.

— И не стыдно тебе бояться! — сказал ему Антонис. — Синдбад-Мореход потерял и весла, и мачту, и все равно не утонул. А у нас есть одно весло!

Он оперся обеими ногами в носовую перекладину и погрузил весло в море. Но вместо того, чтобы идти вперед, «Магдалина» подняла нос и накренилась, едва не зачерпнув бортом воду. Антонис, чтобы не выпасть, ухватился за сиденье, выпустил весло из рук, и второе весло тоже унесло в море.

И «Магдалина», свободная, снова начала танцевать на волнах.

Алекос дал волю слезам.

Антонис не потерял самообладания, но и не знал, что делать. Он усиленно думал, как бы поступил в подобной ситуации Синдбад-Мореход, и вспомнил, что пока есть руль, ничего не потеряно.

Но волны становились все выше, «Магдалина» танцевала, скользила и грозила опрокинуться при каждом неосторожном движении мальчишек.

— Сиди тихо, Алек, сядь на дно и не раскачивай лодку! — приказал Антонис, как настоящий капитан. — Я сяду на руль.

Но попасть туда, перелезть сиденья поверху было непростой задачей. Но это его не остановило, он пролез под низом и дополз до кормы, где и ухватился за руль.

— Теперь не бойся! — крикнул он Алекосу. — Мы обязательно доберемся до причала...

Но «Магдалина» продолжала уплывать, пританцовывая. Она уходила все дальше и дальше, волны несли ее в открытое море и, сколько бы Антонис ни поворачивал руль то вправо, то влево, лодка не хотела поворачивать назад. И Антонис не знал, как ее развернуть.

Рухнув на дно лодки, Алекос зарыдал.

— Ох, мама моя, мамочка, и зачем я тебя не слушал...

Антонис оперся на руль и оглядывался по сторонам, пытаясь вспомнить, как поступал в таких случаях Синдбад-Мореход.

Но не смог ничего припомнить. Он не знал ни одной такой истории, где бы тот был вдвоем с испуганным плачущим ребенком, в море, недалеко от обитаемой земли и чтобы лодка просто уплывала, а не подвергалась опасности разбиться о скалы. Ведь лодки в книгах всегда разбиваются о скалы.

Каково это, видеть поблизости столько лодок, привязанных к берегу, с таким количеством бесполезных весел, и не мочь дотянуться до них! А что Синдбад-Мореход? Он нырнул бы в море и поплыл бы на сушу за помощью. Но увы, Антонис не умел плавать...

— Ты умеешь плавать, Алек?

— Нет! Не умею! Мы утонем, да? И скоро ночь, боже, боже мой!

Антонис взглянул на небо. Действительно, красные облака исчезли, скоро наступит ночь. А ночью бы их потерял и сам Синдбад-Мореход. Он даже всплакнул разок, приговаривая: «Ах, домик, ты мой домик!»

Антонис внезапно вспомнил свой дом в Александрии и свою маму, и впервые подумал, что у него очень красивая мама, с белоснежной кожей, красными губами и голубыми глазами, а поцелуи ее были такими сладкими. Странно! Он никогда не задумывался об этом раньше! И также внезапно у него на глазах выступили слезы...

Он страшно смутился и раскрыл глаза как можно шире, чтобы слезы высохли на ветру. Что же ему теперь, тоже плакать? Вести себя как Алекс? Неужели он тоже испугался? Но чего бояться? А дома сейчас... Что там творится дома? Где тетя и дядя? А во всем виноваты Александрины гаммы! Если бы не эти дурацкие гаммы, он бы остался с Александрой, или она хотя бы заметила, что он вышел на улицу...

Был бы у него был фонарь, он бы подал сигнал, как Синдбад-Мореход. Но фонаря у него не было. Чего там, у него даже спичек не было.

— У тебя есть спички, Алек?

— Нету. А что?

— Ничего, не важно, — сказал Антонис.

Сейчас северный ветер спадет... море успокоится... И он снова крутанул руль туда-сюда, на случай, если обнаружит течение.

Но «Магдалина», как ни в чем ни бывало, покачиваясь, уходила все дальше и дальше, а небо становилось все темнее и темнее и сумерки все сгущались и сгущались...

Алекс уже рыдал в голос от страха. И Антонис мог найти для него ничего утешительного, во что бы и сам верил. Он бросил руль, и, зажав руки между колен, смотрел на огни, которые загорались и заполняли набережную — на их фоне сумерки казались еще чернее.

Он вспоминал прочитанные рассказы и картинки в них: лодки, затерянные в бушующем море, люди в расстегнутой или разорванной одежде, с растрепанными, спутанными, свисающими на лицо волосами, промокшие пожитки, плоты с лежащими полуживыми потерпевшими кораблекрушение, белые сигнальные паруса, привязанные к веслам, воткнутым вертикально...

Вдруг до него донесся звук пронзительного свистка. Он вздрогнул и оглянулся.

От берега отчалили какие-то две лодки и направились в открытое море. Из ряда кораблей, что были пришвартованы поодаль, снова слышался тот же пронзительный свисток, и небольшой пароходик выдвинулся вперед и, выпустив столб дыма в небо, устремился к ним.

— Алек! — крикнул Антонис. — Пароходик господина Макронисьётиса! Он идет! Он идет за нами!

Алекос немедленно прекратил рыдать, привстал и выглянул за борт.

— Идет? — спросил он по-прежнему со слезами в голосе.

— Не видишь что ли? Он приближается к нам! Да, еще и свистит, подает нам сигнал, что нас увидел...

И правда, пароходик, точнее паровой катер, с пронзительным свистом и торопливым пытением мчался прямо на них, тух-тух-тух. Он изо всех сил старался поспеть как можно быстрее.

Антонис снова взялся за руль и повернул было его в сторону пароходика, но «Магдалину» упрямо тянуло в открытый простор.

И вдруг из густой темноты слышался знакомый голос, голос дяди:

— Антонис, это ты?

— Да, это я и еще Алекос! — ответил Антонис сдавленно.

Ему опять стало стыдно из-за слез, что против воли снова наполнили его глаза.

Пароходик постепенно приближался, пока не подошел к ним вплотную. Какой-то паренек накинул на нос их лодки канат, прыгнул в лодку, проворно схватил Алекоса и передал его на борт, затем, как перышко, подхватил Антониса, и запрыгнул назад вместе с ним.

Антонис очутился в объятиях дяди, который целовал его и приговаривал:

— Негодник, как ты нас напугал... Не делай так больше... Тебя нужно сурово наказать, тетя очень сердита... Другой рукой дядя обнял Алекоса, повернулся к нему и сказал: «Не надо было слушать Антониса, твоя мама очень испугалась. В следующий раз не отвязывайте лодки...»

Пароходик, волоча на буксире «Магдалину», поспешил к твердой земле, снова торопливо пытая «тух-тух-тух». Когда они подошли поближе, мальчики различили собравшихся на берегу людей, среди них они мгновенно узнали белое платье мамы Алекоса и толстенькую фигуру тети Марьеты в желтом платье.

Теперь, когда опасность миновала, сердце у них ушло в пятки в ожидании неизбежного наказания.

Пароходик остановился, и тотчас же рядом с ним причалили две лодки, которые вначале было оторвались от берега, но повернули назад. В два прыжка, из катера в лодку и из лодки на берег, не успев опомниться, мальчики оказались на суше: Алекос на руках у матери — она плакала и целовала его, а Антонис предстал перед тетей. Тетя без лишних нежностей схватила его за плечо и, толкнув перед собой, сказала:

— Сейчас же идём домой! Торчим тут из-за тебя кучу времени, испереживались все! Шагай давай!

Антонис повесил голову и зашагал вперед. Тетя и дядя молча следовали за ним. Он прикидывал и размышлял, означает ли перенос наказания с берега в дом суровую порку или наоборот, его просто мягко пожурят.

Но когда он подошел к дому и со ступенек увидел сестер и брата — они собрались на веранде и со страхом в глазах ожидали его, не смея сделать шаг навстречу, внутри у него словно оборвалось.

Он искоса взглянул на них и, не говоря ни слова, но с гордо поднятой головой, как будто его и не волновало, что сейчас произойдет, последовал за тетей Марьей в дом.

Тетя отвела его в классную комнату, села на стул и поманила к себе. Она молча смотрела на него, и под ее взглядом, так напоминавшим взгляд его отца, когда тот сердился, Антонис мало-помалу терял присутствие духа и, сколько бы он ни задира голову, сердце его проваливалось все глубже и глубже.

А тетя продолжала смотреть на него и ничего не говорила.

Наконец она произнесла:

— Когда ты, Антонис, решил попоказничать и отвязал чужую лодку, подумал ли ты о своих матери с отцом, что они будут делать, если ты утонешь?

Антонис не ожидал такого. Он был готов к взбучке, но не к разбору своих чувств. Этого Антонис терпеть не мог.

В волнении он опустил глаза. Тетя вновь заговорила:

— Я думала, ты настоящий сын своего отца и никогда не тронешь чужую вещь. И я думала, ты любишь свою маму и никогда не заставишь ее плакать. Антонис, если бы твой отец был здесь, как ты думаешь, что бы он с тобой сейчас сделал?

Антонис прекрасно знал, как бы поступил с ним отец, и ожидал того же от тети. Он был готов принять наказание. Но ничего не ответил.

И тетя сказала:

— Полагаю, он бы сурово выдрал тебя, и был бы прав. Я бы тоже тебя хорошенько отлупила, и ты это заслужил. Но радуйся, твой дядя заступился за тебя. Он думал, что ты утонешь, да и я тоже так думала, утонешь вместе с тем другим малышом — знай, ты за него в ответе перед его бедняжкой матерью, ведь она могла потерять сына.

Голова Антониса опускалась все ниже и ниже. Страх удалялся, но тем сильнее он стыдился своей выходки, и не смел поднять глаз.

Тетя добавила:

— Что ж, милостью дяди твоего, я не буду тебя лупить. К тому же, думаю, ты достаточно натерпелся страху в лодке, когда вас несло в море...

Он хотел сказать: «И вовсе мне не было страшно...» Но взглянул в черные тетины глаза и осекся. Нахмутив брови, так похожие на отцовские, тетя добавила:

— Однако ты заслужил наказание, суровое наказание, и ты его получишь. Завтра мы поедем с ребятами к Алисе, а ты останешься здесь один и распишешь все формы глагола «сожалеть». И сегодня вечером ты не сядешь со всеми за стол, а сразу поднимешься прямо в свою комнату. Слышишь меня? Иди!

Антонис не стал дожидаться, пока тетя повторит ему дважды, вышел и поднялся в свою комнату. Там он наконец вздохнул. Плевать он хотел на наказание, хотя ему и хотелось поехать к Алисе. И взбучку бы он пережил. Чего он боялся и чего избегнул — тетя не заставила его это сделать, так это просить прощения. Из всех наказаний это было самым худшим. Пусть тетя его выдерет, пусть хоть убьет, лишь бы не пришлось говорить: «Прости меня, тетя, я больше так

не буду». Это было для таких младенцев, как Александр. Ему не было нужды обещать не делать так снова. И казалось, тетя это понимала... кто знает? и не просила его об этом...

На лестнице послышались шаги. Антонис встал и с напускным равнодушием, засунув руки в карманы, вышел на балкон и стал насвистывать.

Но это была всего лишь Афродита с подносом. Она поставила поднос на стол и тоже вышла на балкон.

— Что ты мне тут выделяешься, негодник? — сказала она, быстро погладив его по голове.

Она наклонилась и внезапно поцеловала его в макушку.

— Гадкий, непослушный мальчишка! Антонис-чертенис! Правильно кера Рина тебя так называет! Какого страха мы все натерпелись из-за тебя! У меня аж кровь застыла в жилах, когда я увидела, как тебя уносит в море, одного, в лодке!

— Я был не один, — перебил ее Антонис, — Еще Алекос...

— Ну да! Сообщник твой. Много от него толку! — возразила Афродита.

— Откуда ты нас увидела? — спросил Антонис.

— Откуда? Из гостиной. Бог надоумил меня пойти накрыть на стол пораньше. Гляжу, отплывает одна лодка и говорю себе: «Удачи им, в такой-то час, при таком-то ветре!» И вот вижу, что это ты там стоишь в этой лодке, падаешь и снова встаешь. Мать божья! Меня как ножом резануло! И тут же слышу — бегут по лестнице, двое мелких спустились и побежали в гостиную, а там Александра играла на пианино, и они закричали ей: «Александра! Александра! Антонис в лодке!» Так перепугались, что и не спрашивай! И боялись еще рассказать все тете! Я бегу наверх, знаю, что она в своей комнате, на машинке шьет, а эти трое бегут за мной по пятам, просят, чтобы я не рассказывала, мол, тете, а я кричу ей: «Госпожа, спасите, Антонис тонет!» Она, бедняжка, вся побелела, как полотно! Мы с ней бегом спустились вниз, и на улице, перед домом, встречаем твоего дядюшку, тот как раз возвращался домой. «Быстрее, быстрее, Жоржис! Беги, Антонис в лодке один, без лодочника!» — крикнула ему тетя. Дети тоже хотели побежать, но тетя их завернула назад.

— Она разозлилась? — смиренно спросил Антонис.

— Разозлилась, говоришь? Вначале она очень сильно разозлилась. Но потом еще больше перепугалась. Но не растерялась: варит голова-то у тети твоей! Она спустилась с твоим дядей позвать какого-нибудь лодочника, чтобы тот поплыл на своей лодке и привез тебя обратно, но на берегу никого не было.

Потом она вспомнила про катер господина Макронисъетиса, а твой дядя взял извозчика и поехал к нему. Но и на этом она не успокоилась. Пошла, закричала, подняла людей на ноги и нашла двух лодочников, они отвязали свои лодки. Тем временем и катер вышел, слава богу! — сказала Афродита и перекрестилась.

Антонис вглядывался в темноту моря — оно уже успокоилось, ветер с севера утих, и вся эта послеобеденная кутерьма казалась ему сказкой.

— А мне не страшно было, — сказал он. — Я читал истории и похуже, где...

— Да ладно, не страшно ему было! Это ты сейчас говоришь, когда твердо стоишь на земле, — перебила его Афродита. — Послушайте-ка, ишь ты, не страшно ему! Правильно твоя тетя сказала, что тебе нужно было задать трепку!

— Но с трепкой не задалось, — ответил Антонис, пожимая плечами.

И встряхнув головой, пошел в спальню.

— Я бы тебе всыпала хорошенько, — сказала Афродита, войдя за ним. — А вот еды сегодня нет, только суп с черствым хлебом, как тетя велела. Но тебе вышла милость: кера Рина сжалилась над тобой и порезала тебе немного мяса в суп! Конечно, ты этого не заслужил! И хлеб она тебе маслом намазала, безобразник ты эдакий, храни тебя от зла! Давай, садись и поешь...

13. Швейная машинка

Антонис уже лежал в постели, когда остальные дети поднялись наверх. Все трое были еще в тисках от пережитого, ошарашены послеобеденным происшествием и растеряны. Проступок Антониса давил на них тяжким грузом. За столом тетя не разговаривала, а дядя после пары предположений, какой будет завтра погода в Кифисье, тоже замолчал, а потом схватился за газету.

Александра в серьезной задумчивости ощущала, что, раз она старшая, на ней лежит вина за выходки брата. Он не пропускал ни дня, чтобы не выкинуть какой-нибудь номер. Стыдно было и за то, что теперь скажут Хорники, ведь он втянул и Алекоса в свою проказу.

Она решила поговорить с Антонисом, но не знала, с чего начать. Она даже попросила Пулудью поддержать разговор. Но Пулудья, которой в другой раз такое предложение бы очень польстило, в тот вечер ошетичилась, как ежик, и к ней было не подобраться.

Но Антонис не дал Александре времени на подготовку. Он опередил ее, спросив:

— Что у вас сегодня было на ужин?

Александра застыла на месте. Она ожидала от брата сожаления и глубокого раскаяния. Она бросила взгляд на Пулудью, прося о помощи. Но та облокотилась на спинку кровати Антониса и смотрела в сторону. Александр ответил брату:

— У нас были голуби с горошком.

— Моя любимая еда! — мрачно сказал Антонис. — Эх!

Александре стало жаль его, она решила пока не высказывать заготовленные ею замечания. Александр добавил:

— Дядя тоже так сказал.

— Что сказал дядя? — спросил Антонис.

— Что это тебе хорошее наказание, ведь голуби с горошком — твоя любимая еда. А тетя сказала: «Тем лучше, может поймет, что наделал!» После дядя больше ничего не сказал.

Антонис пнул простыню и превратил ее в снежную гору, подставив под нее ногу.

— А мне совершенно все равно, — хвастливо сказал он, вытянув губы в трубочку, — есть или не есть...

Пришло время Александры, она спохватилась и сказала:

— Тебе не должно быть все равно, Антонис! Ты должен измениться, стать лучше...

— Ты сейчас говоришь как тетя, — прервал ее Антонис. Но Александра уже набрала обороты.

— Тетя права, — возмутилась она. — Ты позоришь нас всех каждый день, то перед Алисой, то перед другими...

— Какими еще другими? Что за бред! — снова перебил ее Антонис.

— Бред, говоришь? Ты вот не поедешь завтра в Кифисью, и тебе все равно, но мы-то поедем, и будем отвечать перед отцом Алекоса...

— Ооооо... — простонала Пулудья.

И в наступившей недоуменной тишине она разрыдалась, пнула безответную ножку кровати и выбежала на балкон.

— Что с тобой? — крикнул Антонис.

— Оставь ее, — сказала Александра, — она что-то в плохом настроении сегодня. Что ей ни скажешь, она все плачет. Ее отругала тетя за то, что она села за стол в грязном фартучке...

— Нет, она не поэтому плачет, — перебил ее Александр. Она и до этого плакала.

— Она говорила, что у нее кололо в туфле, — сказала Александра.

— Да... но может быть, и сейчас ей колет... Александр вышел на балкон и спросил:

— У тебя колет в туфле, Пулудья?

— Нет... да... колет, — жалобно прозвучал ее голос.

— Глупая, так сними ее, — с кровати крикнул ей Антонис.

— Да, сними ее, Пулудья, — сказал Александр. — Постой, я тебе помогу...

Пулудья упиралась. Александр настаивал. Пулудья оттолкнула его. Александр разозлился и хлопнул ее по спине. И Пулудья снова разрыдалась.

— Да что с тобой такое? — снова крикнул Антонис. Александра пожала плечами.

— У нее нервишки шалют, — объяснила она. — Все началось с того, что тетя отправила нас домой, а нам так хотелось спуститься на берег, посмотреть, как ты там в лодке. И с тех пор у нее краны не закрываются...

— Пулудья, закрой свои краны! — крикнул Антонис. — Слышишь, Пулудья? Эй, Пулудья...

— Антонис!.. — послышался сердитый тетин голос. — Ты забыл, что наказан? Тишина в спальне.

Антонис нырнул под простыню, Александра схватила расческу и сделала вид, что расчесывает свои спутанные волосы, Александр сел на пол, расстегивая туфли, а Пулудья, молча, в смущении прокралась внутрь и прикрылась москитной сеткой, чтобы переодеться ко сну.

Когда в спальню вошла Афродита, она застала их всех полуодетыми. Она переодела Александра ко сну и стала расчесывать волосы Александры, плотно закручивая локон за локоном на бумажки.

Обе сестры ненавидели эту процедуру. Она делалась каждый вечер перед сном, с большой тщательностью, что означало кучу бумажек на голове, чтобы

на следующий день у девочек была красивая кудрявая прическа. Закрученные, натянутые до корней волосы, бумажные узелки, что впивались в голову, стоит тебе только повернуться в постели, все это причиняло боль, не давало уснуть и жутко бесило. А самое худшее для сестер было утром, когда бумажки доставали и распутывали волосы — кудри вставали дыбом и делали обеих похожими, по словам Александры, на «ершики», а если еще с бантиком или лентой, то, как говорил Антонис, похожими на цирковых обезьян.

Но так велела мама, и сестры договорились, что церемония завивки будет проходить более-менее без возражений.

Однако этим вечером Пулудья была не в себе, и когда пришла ее очередь, она взбунтовалась:

- Не хочу, не хочу завиваться!
- Ну, полно тебе, дитя мое!
- Нет, не хочу!
- Завтра будешь лохматая, как цыганка!
- Ну и пусть!
- Тетя не возьмет тебя в Кифисью!
- Ну и пусть не возьмет!
- погоди, детка, всего минутку!
- Не погоду!

И она не погодила, и отказалась от бумажных бигудей. На следующий день одна Александра оказалась красиво завитая, с кудрявыми волосами.

Пулудья снова встала не с той ноги. С ней по-прежнему никто не разговаривал, и она начала похныкивать. Когда Афродита спросила, что с ней, она снова сказала, что у нее колет в туфельке.

- Дай-ка взглянуть, нет ли у тебя там гвоздя.
- Нету!
- Постой, детка, дай я взгляну!
- Нет, не хочу!

Но когда они спустились к завтраку, и тётушка увидела ее лохматую, как у цыганки, прическу, и узнала, по какой причине ее волосы остались не завиты, она рассердилась и сказала ей:

- Ну, в Кифисью мы тебя не возьмем! Капризные дети остаются дома!

Ребята ожидали, что опять откроются краны и хлынут струи. Но, о чудо, Пулудья не заплакала!

Подъехал экипаж и забрал тетю, дядю, Александру и Александра. Антонис печально побрел с веранды в дом, а Пулудья вприпрыжку поскакала за ним, схватила его за плечи и, торжествуя, закричала:

- Весь дом сегодня наш! Давай играть в догонялки на лестнице!

Но Антонису было совсем не весело.

- Мне еще нужно глагол расписать, — угрюмо ответил он ей.

— Делов-то! Ты же быстро пишешь! Подумаешь, один глагол! Давай я тебе буду говорить из грамматики, а ты писать.

- Пойдешь со мной? — спросил Антонис. И добавил сочувственно:

- Сглупила ты вчера, что не дала себя завить, сейчас бы ехала в Кифисью!

Пулудья сделала еще два прыжка.

— Но я не хотела туда ехать, — сказала она.

Антонис посмотрел на нее, засунув руки в карманы.

— Почему? — спросил он.

Пулудья остановилась на миг и заколебалась.

— А просто так, — решительно сказала она.

Она еще пару раз покружилась на месте и снова схватила его за плечи:

— Давай распишем твой глагол, — сказала она. — Только в определенном виде там много. Остальное — условное, повелительное, неопределенное — все это быстро. Давай, расправимся с этим!

И они пошли и расправились с заданием. Антонис вздохнул и промокнул промокашкой свою писанину — казалось, там скакал воробей с чернильными лапками. И вместе с сестрой они побежали во двор.

— У нас во дворе мы тоже можем быть садовниками, — сказала Пулудья. — Вчера дядя как раз говорил, что весь сад надо перекопать. Давай мы его перекопаем!

И вот один взял ржавый гвоздь, другая — кусок сломанной плитки и они начали копать.

— Мяу!

Брат с сестрой обернулись и увидели рыже-черную кошку русской фрейлины.

— Уходи, уходи! Брысь! — сказала Пулудья. — Мы заняты!

Но кошка не убежала, а, наоборот, подошла к ним и стала тереться о ноги.

— Брысь! — повторила Пулудья, но при этом ласково погладила ее по голове.

— Вот бы Дон ее увидел! — сказал Антонис.

— А что бы сделал Дон?

— Он бы ее съел!

— Как это?

— А так. Дядя говорит, что собаки и кошки съедобные.

— Правда? — встрепенулась Пулудья. — Жаль, что Дона тут нет!

Антонис встал и отряхнул грязь с рук.

— Пойдем проверим, правда ли это? — спросил он.

— Куда пойдем?

— На королевский двор. Там никогда не запирают. Сердце Пулудьи подпрыгнуло. Но ведь это безумие! Жуткое безумие! Очередная проказа Антониса!

Но, похоже, в тот миг Пулудья была слишком впечатлена дерзостью старшего брата.

— Да! — воскликнула она. — Пойдем!

Она взяла кошку на руки. Бросая назад тревожные взгляды, не видит ли их кера Рина или Афродита, брат с сестрой, на цыпочках, покинули двор.

Дверь во двор короля была незаперта, и ребята распахнули ее в мгновение ока.

Тихо. Три привязанные собаки грелись на солнце. Один только Дон поднял голову и завилял хвостом.

Пулудья приблизилась, держа кошку. Но тут... Внезапно, сонный двор встал на уши. Лай, шипение, крики и визги наполнили воздух. Кошка вырвалась из рук Пулудьи и забралась к ней за шиворот, шерсть ее встала дыбом, она фыркала

и шипела, как обезумевшая, а Дон и другие собаки на задних лапах рвались со своих цепей, пытаясь достать, схватить и разорвать врага.

Пулудья завопила, силясь избавиться от кошки, а Антонис тщетно пытался поймать животное. Наконец Пулудья ее сбросила, кошка запрыгнула на стену и скрылась во дворе русской фрейлины.

Антонис схватил Пулудью за руку и рывком потащил ее к выходу, в то самое время, когда все ставни на первом этаже открылись и в окнах стали появляться лица.

Ребята стремглав выбежали на улицу, забыв затворить дверь, и укрылись у себя во дворе.

Они испуганно переглянулись.

У Пулудьи шла кровь от царапины на шее, а у Антониса была расцарапана кисть руки.

— Не страшно, — сказал Антонис, все еще бледный, но уже вновь обретая решимость. — Пойдем в дом, я тебя сполосну, и будет незаметно.

Но царапина над воротником была четко видна, и, сколько бы Антонис ни задира л платье, оно возвращалось на место, выдавая исцарапанную шею.

— Какая жалость, что у тебя короткие волосы! — сказал он сестре. — Если бы у тебя была коса, мы бы ее расплели, и никто бы ничего не заметил.

— А твоя рука?

— Ерунда, в карман спрячу.

Настроение у них было растерянное, они слегка приуныли.

— Ну кошка и дала... — задумчиво сказал Антонис. — Мисс Райс называла таких «мэд кэт». И правда, она была словно бешеная!

— Злая и дикая эта кошка, — ответила все еще напуганная Пулудья. — Я думала, она меня сожрет...

Антонис бросил на нее задумчивый взгляд и сказал:

— Знаешь... Я тут поразмыслил... может быть, мы плохо поступили, что кинули ее собакам под нос. Может, это мы злые?

— Почему это мы злые? — спросила Пулудья. Перед ней внезапно открылся мир хитросплетенных рассуждений. — Что мы такого сделали?

— Я имею в виду... не знаю... Кошка ведь меньше королевских собак. Если бы мы бросили... скажем, Александра, малыша, огромному турку, а турок схватил бы его зубами...

— Нет, Антонис! — воскликнула Пулудья. — Это не одно и то же!

— Да, это не совсем одно и то же, — немного в замешательстве ответил Антонис, — потому что Александр — наш брат... Но кошка тоже маленькая, а Дон большой... и собак было три...

Очень неприятные вопросы без ответа крутились в голове у Пулудьи, да и у Антониса. Но Антонис не любил огорчительных мыслей.

— Уф! — сказал он. — Жарко тут! А нам еще надо сад вскопать. Пойдем во двор.

И они снова взяли гвоздь и сломанную плитку, и стали копать. Они копали и копали, месили грязь, не только по периметру двора, но и во всех горшках с базиликом, и в кадушке, где у дяди рос розовый куст. На кусте цвели сотни бутонов роз, дядя буквально трясся над ним и никого не подпускал.

И когда они хорошенько все вскопали и оборвали все листья, что посчитали сухими, в том числе и вполне зеленые листья с дядиной розы, им вдруг показалось, что роза стала какой-то куцей. Тогда Антонис вспомнил, как его дядя однажды сказал, что ты вредишь растению, если обрываешь его листья.

— Нда, — задумчиво сказала Пулудья, — тут понадобятся ножницы... А я потеряла свои. Жалко.

— Возьми тетины, — сказал ей Антонис, отрывая ещё пару листьев, которые, ему казалось, слишком разрослись.

— Нет, я боюсь, — ответила Пулудья. — Тетя будет ругаться.

— Верно. Возьми у Александры.

Пулудья умчалась бегом, но вскоре ее голова показалась в окне у входа.

— Я не могу их найти, Антонис! — крикнула она.

— погоди, иду, — ответил он.

Но сколько бы они ни рылись в аккуратно уложенных Александриных коробочках, сколько бы не переворачивали все вверх дном, ножниц так и не нашли.

— Все равно нам надо срезать стебельки, которые остались от сухих листьев, — сказал Антонис. — А то роза выглядит ободранной. Постой. Мы только на минутку возьмем тетины ножницы и сразу положим их на место. Ничего не случится.

Но тетиной коробки с шитьем внизу не было.

— Пойдем посмотрим в ее комнате, — сказал Антонис.

— Ох, Антонис, посмотри на свои руки! Как ты будешь ими хвататься за тетину коробку?

Антонис посмотрел на свои пыльные, грязные руки, а потом на ботинки, которые были не лучше.

— Ты права, — сказал он, — давай сначала почистимся.

И вот, с вымытыми руками и вычищенной обувью, брат с сестрой робко вошли в тётушкину комнату.

Комната тёти была «святая святых». Четверке не разрешалось туда входить, если их не позовет тетя. А тетя их никогда и не звала, она просто подходила к порогу, если ей надо было их отругать или осмотреть перед выходом. Но в своей комнате ей не нужны были «счастливые ножки», как она говорила.

То, что сделал Антонис, войдя туда вместе с Пулудьей в отсутствие тети, было верхом дерзости, неуважения и безрассудства.

Пулудья чувствовала это, вися у брата на руке, ее сердце колотилось.

— Антонис... пойдем отсюда... — прошептала она, как будто они зашли в святилище. — Пойдем, Антонис!

— Трусиха! Чего ты боишься? Постой, давай посмотрим, — сказал он ей. — Гляди, как далеко отсюда видно море... А вон те горы — там Кифисья, которая гора, но не просто гора, как говорит Алиса.

— Откуда ты знаешь, что Кифисья там? — спросила Пулудья, выглянув в окно рядом с ним.

Антонис пожал плечами.

— Алиса же сказала, что она вон там. А другой горы там нет...

Аргумент был бесспорным. Но все же...

— Антонис... а как поезд поедет по морю? — спросила Пулудья.

Антонис не ответил.

Пулудья обернулась и увидела, что брат стоит на другом конце комнаты, перед раскрытой тетинной швейной машинкой. Она поспешно подбежала к нему.

— Ух ты!.. Тетя забыла ее закрыть... — пробормотала она.

Антонис фыркнул.

— Это я ее открыл, чтобы посмотреть, — сказал он. — Но... фу... какая же вонючая смазка! Пусть проветрится!

Он осторожно крутанул пальцем колесо.

— Не надо, Антонис, не трогай! Тетя не разрешает! — сказала Пулудья.

Но любопытство Антониса уже пробудилось.

Чтобы проверить, проткнет ли его игла, он подсунул палец под иглу, а правой рукой взялся за ручку.

Хорошо смазанное колесо легко повернулось и хруп! — игла пронзила палец Антониса насквозь, застыла и назад не поднялась.

— Антонис! — воскликнула Пулудья.

— Подожди, я подниму иглу, — невозмутимо сказал Антонис, — к счастью, она не заправлена ниткой и выйдет легко...

Он повернул колесо, игла приподнялась вверх, но из пальца так и не вышла, палец застрял.

— Антонис! Ах, Антонис, что ты наделал! — в слезах сказала Пулудья. — Как ты ее теперь вытащишь?

Антонис посмотрел на свой палец.

— Плевать на прокол, — сказал он, — лишь бы не проколоться с тетей. Только бы она меня здесь не нашла!

Пулудья уже безудержно рыдала.

— Боже мой! Тебе отрежут палец, Антонис! Как тебе выбраться? Ах, погоди, я позову Афродиту...

Антонис схватил ее за рукав правой рукой.

— Не дергайся! — приказал он. — И вместо того, чтобы плакать, помоги мне вытащить иглу!

— Но как? Как? — в отчаянии сказала Пулудья.

— Да вот так! Возьмись за колесо и тихонечко поворачивай его, пока игла не поднимется вверх до упора. Давай!

Пулудья сделала, как было велено, и, когда игла поднялась вверх, остановила колесо.

— Держи так, — сказал ей Антонис, — не давай колесу опуститься! И правым указательным пальцем он изо всех сил надавил на проколотый ноготь.

— Больно? — дрожа, спросила Пулудья.

— Не до боли сейчас, главное надо вытащить иглу! Поверни-ка колесо... Поверни еще! Все, выходит, вышла! — торжествующе крикнул Антонис.

Он вынул палец и засунул его в рот.

— Послунявь, послунявь! Покажи, что там! — взмолилась Пулудья.

Антонис вынул палец изо рта, и они увидели аккуратную красную дырочку в середине ногтя и еще одну такую же на подушечке пальца.

— Больно? — обеспокоенно спросила Пулудья. И вдруг крикнула: «Постой!» — и убежала стрелой.

Так же, бегом, она вернулась и застала Антониса у входа. У нее в руках была какая-то бутылочка и кусок чистой ткани.

— Постой, — сказала она ему, — я приложу тебе арнику. Афродита позавчера положила мне ее на колено, и больше не кровило. Подожди.

Антонис протянул ей проколотый палец и Пулудья, осторожно, чтобы не причинить боль, изо всех сил стараясь и суется, перевязала его, причем половина арники оказалась на полу.

— А теперь пойдем скорее вниз, чтобы нас здесь никто не увидел! — сказала она брату театральным шепотом, как шпионка, оглядываясь и спускаясь на цыпочках по лестнице. Ее переполняла гордость, что она заботится о брате и оказывает ему услугу.

Но Антонис, даже из благодарности, не допускал, чтобы им управляла девчонка. В душе он был признателен сестре за труды и был ей благодарен. Но считал, что не следует слишком распускать ее, «потому что эти девчонки... знаете... им только волю дай, они уже на тебе верхом ездят». Пыл у Пулудьи надо бы немного остудить.

— погоди, — важно сказал он ей, — у меня есть еще одно дело... И он снова пошел в тетину комнату.

Пулудья последовала за ним, одновременно борясь с любопытством и испугом.

— Ах, Антонис, зачем ты опять сюда... Но он резко обернулся к ней:

— А кто закроет машинку? Хочешь, чтобы тетя нашла ее открытой?

Пулудья прорвалась внутрь, схватила крышку и накрыла ей машинку, опередив брата.

— Не волнуйся! Не переживай! Не волнуйся! — шептала она, пытаясь замкнуть крышку. Но та все никак не закрывалась.

Антонис подошел, убрал ее руки, затем опустил защелку, повернул задвижку, и крышка встала на место как влитая.

— Даже не знаешь, как машинку закрыть, — сказал он сестре.

Пулудья, всегда готовая к бунту, вспыхнула.

— Конечно ты знаешь, ты же ее и открыл! Большое дело закрыть ее назад! А я не разбираюсь в технике!

— Девчонки вообще не разбираются в технике, — заключил Антонис. — Помнишь, как отец однажды сказал, когда увидел, что Стамос сломал свою заводную лягушку, чтобы посмотреть, как она прыгает? Он сказал: «Вот что значит парень! Прирожденный механик!» То есть, ни одна девочка не рождается механиком.

Пулудья задумчиво спускалась по лестнице вместе с братом.

— Да, но... — сказала она.

Она силилась припомнить, для какого мастерства рождаются девочки. Но ничего не шло на ум.

— Что «да, но»? Девчонки лишние в этом мире, — снова резко сказал Антонис.

Пулудья внезапно вспомнила.

— А вот и нет! — воскликнула она. — Однажды дядя сказал про керу Рину, когда она приготовила улиток: «Однако эта кера Рина родилась поварихой!» Мы прирожденные поварихи!

— Пффф! — фыркнул Антонис. — Ну-ка приготовь мне макароны с фаршем, а я посмотрю.

— А я... — горячо запротестовала Пулудья. Она сделала паузу, размышляя, что бы такое сказать. И вновь пошла в опор:

— А я умею чистить вишню от косточек! — сказала она. — А ты умеешь?

— Пффф! — опять фыркнул Антонис. — Женская работа... Его прервала Афродита, которая накрывала на стол в гостиной.

— Идите, ребята, — крикнула она, — Еда готова! Проходя мимо Пулудьи, она остановилась, оглядела ее, взялась за ее воротник и сказала:

— Почему у тебя платье в крови? Эй, малышка, кто тебя так ободрал?

Пулудья подняла плечи, чтобы платье закрыло шею.

— Кошка, — коротко сказала она.

— Какая еще кошка?

— Русской дамы. Она хотела поиграть! — сказала она с деланной небрежностью и села за стол перед братом, как сидят обычно дядя с тетей.

Но ничего сегодня не могло укрыться от глаз Афродиты, как будто у нее было и боковое, и заднее зрение.

— А у тебя что с рукой, Антонис, почему она перевязана? — спросила она снова. Антонис тоже с нарочно равнодушным видом приподнял и опустил руку.

— Ничего такого. Уколол просто, — сказал он.

— Дай-ка взглянуть! Как это, уколол? Развяжи-ка, я посмотрю! Если болит, давай окунем в горячую воду!

— Не надо, — вскочила Пулудья, — Я ему арнику приложила!

— А где ты взяла арнику?

— В твоей комнате. Я видела позавчера, где ты ее прячешь.

Афродита колебалась, ругать ее или хвалить. И выбрала середину.

— Что ж, хорошо, что ты сообразила приложить арнику, — сказала она. — А граблями своими обязательно было лезть?

И, не дожидаясь ответа, добавила:

— В другой раз сделай одолжение, позови меня, а не ройся в моей комнате!

Весь день Афродита ходила туда-сюда из кухни в классную комнату и обратно, и дивилась тишине в доме.

— Что это сегодня случилось с обоими шалунами? — снова и снова говорила она кера Рине. — Их совсем не слышно! Погляди-ка на них, сидят, как ангелочки, и играют себе в домино, лицом к лицу, такие послушные, что диву даюсь. Что-то снова придет им в голову!

И Кера Рина тоже удивлялась.

— Не заболели ли они часом? — отвечала она ей. — Антонис-чертенис и послушание несовместны! Куда еще втянет нас его буйна голова!..

14. Барбаяннис Канатас

Но как Афродита не приглядывалась, никакого озорства она не замечала.

Когда солнце стало клониться к вечеру и стало прохладней, она, растроганная их примерным поведением, предложила брату и сестре пройтись искупаться в морские купальни, раз утром они не купались, а потом посидеть вместе на пляже и пособирать ракушки.

— И в чем я виноват? — говорил Антонис впоследствии, сидя в классной комнате с Пулудьей, глаза которой опухли от непрерывных рыданий. — Нам сказали не выходить из дома, пока тетя не вернется... Я же знаю, что дьявол не дремлет. Мы так прекрасно сидели за домино. Что за нужда была Афродите тащить нас в купальни? А потом еще сидеть на песке и болтать с соседками? Да еще и Барбаянниса-кувшинщика принесла нелегкая!

— Пусть бы у него стало ровно столько амфор и кувшинов, сколько сегодня! — вздохнула Пулудья.

— Да! И пусть ему закажут еще в кофейне! Видела? Видела, как он красиво навьючил их связками на своего ослика? — все еще под впечатлением восторженно воскликнул Антонис.

— Но зачем было их трогать! — всхлипнула Пулудья.

— Я только хотел посмотреть, как они там держатся. Откуда я знал, что веревка продета через ручку каждого кувшина и, если отвяжешь один, они все упадут! Тут Барбаяннис сглупил!

— Я же говорила тебе, не трогай!

— Теперь-то я понял! Но все равно виноват Барбаяннис Канатас! Вместо «погляди за моим осликом, а я пойду попою водички», он бы лучше сказал мне: «осторожно, этот узел держит все кувшины», я бы к ним и не прикасался! Скажи, разве они не выглядели надежно связанными?

— Выглядели, — призналась Пулудья.

— Вот и я тоже так думал и хотел показать тебе, как затягивать завершительный узел. Я и не представлял, что, как только развяжу веревку, всё попадает на землю, и амфоры, и кувшины!

— И с таким треском!..

— Не смешно...

— Как ты думаешь, сколько их разбилось, Антонис?

— А я знаю? Боюсь, что все.

— И ведь сейчас он стоит на улице, ждет дядю, чтобы потребовать оплатить ущерб!

Брат с сестрой призадумались. Антонис спросил:

— Сколько драхм, по-твоему, он должен затребовать у дяди? Четыре? Пять?

Пулудья снова всплакнула.

— Много! — сказала она. — Афродита говорит, что он захочет много драхм. Ах! Была бы у меня копилка, как у Алисы!

— И у меня, — уныло сказал Антонис.

Пулудья вытерла глаза. В смятении, она спросила:

— Может нам попросить денег у керы Рины? У нее много! Тетя дает ей каждый вечер.

Антонис медленно покачал головой.

— Отец запрещает нам кланчить деньги, — сказал он.

— А если не просто так, а в долг?

— Отец и это запрещает. Тем более как мы ей вернем? У нас ведь нет копилки. И вообще ничего у нас нет.

Пулудья подпрыгнула. Ей пришла в голову одна идея.

— Знаю! — воскликнула она. — Я продам ей сережки моей Арапины! Она давно их просила у меня, а я не хотела ей просто так отдавать.

— Продашь ей серьги? — спросил Антонис, внезапно узрев, как перед ним забрезжила новая надежда. — Да... это не запрещено... отец же продает хлопок в конторе... это уже торговля...

Пулудья побежала в уголок к своим игрушкам, открыла сундучок с куклой и высыпала все на пол. Она достала с самого низа довольно потрепанную бумажную коробочку, открыла ее и показала Антонису.

— Вот, — сказала она, — эти красные серьги-капельки, вроде как из коралла, их и хочет кера Рина. Пойдем, покажем ей.

Но у закрытой кухонной двери ее запал угас. Она слышала, что в торговле покупают и продают. Но каким образом это делается, она не знала. Растерянная, она протянула свою коробочку брату.

— На, Антонис! Скажи ты ей!

— А я-то что? Серьги же твои.

— Но... но... я не знаю, что сказать...

— Да скажи просто: «Хотела их? Могу продать».

— Да-а? — нехотя протянула Пулудья. — А в этом нет ничего плохого? Это разрешено, Антонис?

Антонис не был так уж уверен и не очень хорошо разбирался в торговле. Он отмахнулся от коробочки и сокровищ Пулудьи.

— Ладно, брось, — сказал он, — пусть лучше меня выдерут...

Пулудья поспешно открыла дверь и вошла на кухню.

— Вот, кера Рина, я принесла свои серьги и продаю их тебе! — торопливо выпалила она на одном дыхании.

Кера Рина жарила фрикадельки. Не оборачиваясь, она спросила:

— Что ты там?

— Продаю тебе серьги моей куклы, красные капельки...

Голос Пулудьи слегка дрожал, она ожидала от кухарки большего интереса.

Кера Рина переворачивала вилкой фрикадельки на сковороде. Даже не взглянув на боязливо протянутую ручку с бумажной коробочкой, она крикнула:

— Афродита, не упускай везенья! Нам тут бриллианты продают!

Афродита, болтавшая с кем-то во дворе, обернулась и подошла к открытой двери.

— Кто продает? — спросила она.

— Да вот, девочка наша!

— Что продает?

— Сережки свои мне продает!

Афродита увидела, что в глубине кухни маячит Антонис, изучая взглядом медные кастрюли на полках, а перед ней стояла Пулудья, с красными опухшими глазами и коробочкой в руке — она не знала, то ли ей остаться, то ли сделать ноги. Горничная по-доброму спросила ее:

— Чего ты хочешь, Пулудья?

Дрожащими губами Пулудья проговорила:

— Я хочу продать серьги моей Арапины, чтобы мы могли заплатить Барбаяннису Канатасу до прихода дяди... — еле дыша сказала она и замолчала. Афродита рассмеялась и обернулась во двор.

— Барбаяннис! — крикнула она. — Зайди, послушай.

Высокий мужчина с широкими светлыми усами заполнил своим огромным ростом весь дверной проем. Одет он был бедно, обуви у него не было. На голове сидела старая широкополая шляпа. В его волосах и бакенбардах блестело множество седых волос. Лицо его было спокойным, а осанка — благородной. Он опирался на посох.

— Зачем звала? — спросил он.

— Да вот, продаем драгоценности нашей куклы, чтобы заплатить тебе, — сказала Афродита, подмигнув ему.

— Давайте посмотрим ваши цацки! — сказал Барбаяннис Канатас.

Он взял коробочку из рук Пулудьи, вынул одно за другим ее сокровища и разложил их на столе.

Кера Рина подошла к ним, уперев руки в боки.

— Вот серьги, которые она хочет мне продать! — показала она.

Пулудья не проронила ни слова. Она лишь с тревогой смотрела на свои украшения.

— Сережки, да? — спросил Барбаяннис, рассматривая красные капельки. — А это? Что это? Колечко?

— Нет, это золотой браслет моей куклы, — задыхаясь от волнения, ответила Пулудья.

— А это?

— Ее бриллиантовый гребень.

— Ух ты, красота какая! А вот эти желтые шары на резинке?

— Это еще один золотой браслет моей куклы.

— Ух ты, вот так богатство! А эти часики на цепочке? Сколько бы ты дала за все вместе, а, Пулудья? Целую кучу кувшинов, да?

Но Пулудья не знала. Растерянная, она было повернулась за помощью к Антонису. Но Антонис исчез.

Засунув руки в карманы, он незаметно выскользнул за дверь кухни, на цыпочках пробрался из коридора в гостиную, вышел на веранду и спустился на улицу.

Он не знал почему, но ему было очень стыдно. Стыдно перед керой Риной, перед Афродитой, перед Барбаяннисом Канатасом — все они теперь узнали, что Пулудья, ради того, чтоб его не выдрали, расстается со всеми своими

сокровищами. И чем больше ему было стыдно, тем выше он задирает голову. За целый день он не сказал ни слова благодарности Пулудье, а ведь она придумала себе наказание, чтобы остаться с ним и не поехать в Кифисью...

Уф! Как душно дома. На улице, по крайней мере, дышится гораздо легче.

Он спустился на скалы и бросил взгляд вдаль, в открытое море. Солнце клонилось к закату, начинало темнеть, и было одиноко. А там, внизу, где волны разбиваются о камни, если хорошенько приглядеться, в соленых озерцах можно найти крабов.

Ему в голову пришла блестящая идея. Пулудья все искала крабов, но так и не нашла ни одного. А если поймать и принести ей? И вместо сережек продать краба.

Антонис спрыгнул на нижние камни, но проехался по склизким водорослям и в один миг очутился в воде. Сначала у него закружилась голова. Но холодное море быстро привело его в чувство, он встал и отряхнулся. Вот ведь, насквозь промок! Новая напасть! Хоть бы ничего не порвал!

Он взобрался на скалы и оттуда вышел на дорогу. Немного саднило внизу спины, да слегка побаливала голова. Но Антонис не привык жаловаться на боль. Он посмотрел по сторонам, не идет ли по улице кто из знакомых. Никого не было. Он дохромал до веранды, зашел в гостиную, оставляя то тут, то там следы из луж. Не приехала ли еще тетя? — Нет. Везде было тихо и темно.

Он молча проковылял по коридору и завернул к лестнице. Но в этот миг дверь кухни приоткрылась, из нее вышла Афродита с зажженной свечой и увидела его.

С ней рядом была и Пулудья.

— Что ты здесь делаешь, Антонис? — спросила горничная.

— Ничего. Иду в свою комнату, — ответил он и ступил на лестницу.

— Постой минутку, помоги мне, пожалуйста, зажги в гостиной свечи. Я пока зажгу лампу на лестнице, а то уже поздно. Заболталась я тут с этим Барбаяннисом, даже не заметила, как ночь настала, а еще и стол не накрыт...

— Антонис! — испуганно прервала ее Пулудья. — Что с тобой случилось?

— Ничего. Я немного промок в море, — ответил Антонис, уворачиваясь от света.

— Что случилось? Ты упал? — повторила Пулудья, ее страх нарастал. — Ты весь в крови!

— В крови? Где?

— Постой! И правда! Матерь Божья! Куда пошел? — воскликнула Афродита.

Она поставила свечу на стул и повернула Антониса спиной к свету.

— Ты ударился? Где ударился? Ой-ой-ой, кровь!..

— Да где? — снова спросил Антонис, сиюсь рассмотреть свою спину через плечо.

Легким движением Афродита быстро взъерошила коротко стриженные волосы у него на затылке.

— Ну конечно! Ты пробил себе голову! У тебя волосы слиплись от крови! Ах, божечки мои, ты сведешь меня с ума, дружок!

Она подхватила его за подмышки и чуть ли не силой потащила наверх. Испуганная Пулудья поспешила за ней.

— Быстрее, арнику, ткань, корпию! — скомандовала ей Афродита. — Беги, Пулудья! У меня в ящике лежит сверток чистой корпии для госпожи. Там же есть чистые платки. Захвати их вместе с арникой, а я его пока умою!

Немного заторможенно — головокружение еще не совсем прошло — Антонис отдался ее умелым рукам. За несколько минут он был умыт, перевязан, переодет. В сухой одежде, весь чистый, с головой, обвязанной платком, с растрепанными, еще слегка мокрыми волосами, он гордо взирал на Пулудью из-под завязанного на лбу белого узла и ждал, пока Афродита уйдет, чтобы расспросить сестру, что случилось с серьгами куклы и кувшинами Барбаянниса.

Внезапно он вздрогнул. Снизу донесся тетин голос.

— Что за темнота? Почему стол не накрыт?

Брат с сестрой с тревогой переглянулись. И тут опять послышался сердитый тетин голос:

— Это что такое? Кто пролил воду? Ирина! Афродита! Где вы обе?

Афродита уже бегом неслась по лестнице, кера Рина тоже поспешно явилась — за ней потянулся запах жареного из открытой кухонной двери. Одновременно раздалось шесть голосов, они спрашивали, объясняли, спорили и восклицали.

Среди них различался тихий голосок Александра:

— А тут еще и кровь, тетя!

Брат с сестрой на цыпочках поднялись по лестнице и выглянули через перила — темный вход в гостиную был едва освещен. Они силились разобраться, о чем говорят, но стоял такой переполох, что до ушей двоих наказанных доносился только неразборчивый гвалт.

Вдруг из темноты появилась, тяжело переступая, коротенькая дядина тень.

Брат с сестрой поспешно скрылись в детской, где горела свечка. Дядя вошел за ними следом, как всегда, улыбаясь, однако его густые брови были подняты тревожным зигзагом

— Ну что, Антонис, все озорство да баловство? — спросил он. И дня не проходит, чтобы ты нас не расстроил?

Приближались и семенящие тетины шаги, все остальные подтягивались. Дядя убрал руку, которой поглаживал растрепанные волосы Антониса.

— Значит, снова принялся за свои проделки исподтишка! — сказала тетя, войдя в комнату и бросив на виновника сердитый взгляд. Выйди-ка на свет, дай взглянуть, что у тебя опять с головой...

Она проворно развязала повязку и деликатно, неожиданно нежно, убрала корпию, осмотрела черную дырку на затылке Антониса и осторожно убрала несколько волос, прилипших к ранке. Затем, так же быстро, она завязала платок и снова нахмурила брови — совсем как у отца, когда он бывал рассержен.

— Ничего страшного, — сказала она. — Мне стоило бы отругать тебя за то, что ты снова без разрешения пошел в море. Но ты сам наказал себя и избавил меня от необходимости лупить тебя по вечерам, — прибавила она, повышая свой ругательский тон.

И, не сбавляя накала, обернулась к Пулудье:

— А ты что, не могла его остановить? Когда одни, вы только озорничать умеете! Давайте, спускайтесь сейчас же. Пока мы переодеваемся, вы должны уже сидеть за столом. Пошли, Жоржис.

Антонис молча погасил свечку и, догнав Пулудью на лестнице, обнял ее за шею и спустился вместе с ней.

Антонис не имел привычки ласкаться, так что Пулудья вся растерялась и обмякла. Она покорно повлеклась за братом, как рабыня, готовая выполнить все, что он прикажет.

Но и Антонис утратил свой обычный дерзкий настрой. Он остановился на передней площадке и спросил вполголоса:

— Ты продала свои серьги?

— Нет! — ответила Пулудья.

Торопливо, многословно, она с охотой поведала ему, что Барбаяннис Канатас не смог купить бриллианты ее куклы, потому что только король, дескать, может заплатить за такое сокровище. И хотя Пулудья настаивала, чтобы Барбаяннис взял хотя бы часики в оплату за разбитые кувшины, Барбаяннис все равно не захотел.

— И он сказал мне, — продолжала Пулудья: «Мои кувшины не пострадали. Только три разбилось, и я дарю их вам: один для твоей куклы, один для тебя и один Антонису!» И еще прибавил: «Скажи Антонису, что Барбаяннис Канатас знает толк в проказах. Когда он был маленьким, то сам был тем еще озорником.» Сел на своего ослика и уехал.

Пулудья ожидала, что Антонис обрадуется ее словам. Но он совсем не обрадовался. Вместо этого он нахмурился и убрал руку с ее шеи.

— Барбаяннис солгал! Все его кувшины разбились! — сказал он. — Я видел!

— Но... как же... — начала было Пулудья. Антонис яростно перебил ее:

— Говорю тебе, все разбилось! И он солгал, чтобы пожалеть меня! Еще раз: солгал!

— Но, Антонис... — растерянно проговорила Пулудья, — если он так сказал, чтобы пожалеть тебя... то это не ложь, это добрые слова...

— Это то же самое! Все равно ложь! Уж я-то знаю! Уф! Лучше пусть меня тысячу раз выдерут!

И раздраженно добавил:

— Сегодня все пошло не так! Сначала кошка, потом швейная машинка, потом кувшины, потом эти скалы. Я ведь хотел тебе краба поймать...

— Правда, Антонис? — перебила растроганная Пулудья, чуть не плача.

— Да, ерунда, большое дело! — сказал Антонис. — Думаешь, я не знаю, почему ты не поехала в Кифисью?

Тут разговор повернул в сентиментальное русло. А Антонис не любил ни сентиментальностей, ни огорчений, ни сожалений, ни печальных мыслей. Не дожидаясь ответа от изголодавшейся по общению Пулудьи, он спустился по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, и вошел в гостиную, где за столом уже сидели Александра с младшим братом — тот подвязывал на шее салфетку.

Они посмотрели на Антониса с некоторым уважением к его перевязанной платком голове и щетине торчащих из-под узла волос.

— Тетя ругала тебя? — вполголоса спросила Александра.

— Немножко, — ответил Антонис и сел за стол.

Взгляд Александры тут же остановился на кисти его руки.

— Что это? — спросила она, наклоняясь, чтобы лучше рассмотреть.

Антонис убрал руку.

— Ничего, — сказал он, — это из-за кошки русской фрейлины.

— Как это? Расскажи!

— Да так. Она еще и Пулудье шею расцарапала...

— Дай-ка посмотреть, — попросила Александра.

Но Пулудья, которая тоже подошла к тому времени, подняла плечи до ушей, чтобы оборка воротника ее платья прикрыла исцарапанную шею.

Антонис не желал больше вопросов и разборок по поводу этого происшествия и сменил тему.

— Тетя очень разозлилась, когда увидела воду? — спросил он.

— Да, но это пчела виновата! — брякнул Александр.

— Какая еще пчела? — спросила Пулудья. Она поспешила сесть за стол, позабыв и царапины, и меры предосторожности от нетерпения послушать «кифисийцев».

— Тётушку ужалила пчела... — начала было Александра, но младший брат перебил ее.

— Мы все побежали за лимоном, у тети опухла рука, монахи забегали, такая суматоха поднялась! — выпалил он на одном дыхании.

— У Алисы были монахи? Монахи-евреи? — спросил Антонис.

— Да... Нет... Ну то есть да, мы поехали к монахам...

— Что ты несешь, Александр? Каша какая-то! — одернула его Александра. — Как евреи могут быть монахами?

— А где были монахи? — нетерпеливо перебил ее Антонис.

— В своем доме, на горе, там еще были сосны и родник... — успел сказать Александр.

Но Александра прикрыла ему рот рукой.

— Стоп-стоп-стоп! Ты все не так говоришь! Помолчи немножко, я расскажу! Сначала мы пошли к Алисиной тете и пообедали у них в саду бараниной «клефтико». А потом нас всех забрали в таратайку...

— Куда? — снова перебил ее Антонис.

— В таратайку. Это такая повозка, как тележка, с двумя колесами и бортиками...

— И Алиса была возницей, у нее есть лошадь... и эта лошадь как побежит... и нас как подкинет... мы все аж подпрыгнули на скамейках... это было круто! Только тетя была не очень довольна... — торопливо выпалил Александр.

Но Александра снова прервала его:

— Замолкни, Александр, я ведь сказала, что сама расскажу...

— Алиса сама правила повозкой? — восхищенно спросил Антонис.

— Ага. Но то было не великое дело. И лошадь у нее старая. Я тоже могла бы править, мне Алиса сказала.

— А потом? — жадно спросила Пулудья.

— А потом Алиса отвезла нас на Пентели.

Александра прервалась на миг и продолжила, все еще в удивлении от своего открытия:

— Представь себе, Антонис, Пентели — это Пенделикон, та самая гора, которую ты не смог найти на карте, еще в Александрии. Госпожа София тогда рассердилась и дернула тебя за ухо прямо на уроке! И эта гора вовсе не такая страшная, как на карте, не какой-то волосатый кружок. Там все покрыто соснами, шинусом и земляничником! Вот только плодов на земляничнике не было. Они уже сошли, и мы их не попробовали. А потом Алиса отвезла нас в один монастырь на Пентели...

— И там были огро-омные деревья! И мно-ого монахов, — снова вставил слово Александр.

— Да, и Александр их испугался, — заметила Александра.

— Только вначале... — возразил тот, а потом я уже не боялся.

— А что вы делали в монастыре? — спросил Антонис.

— Алиса повела нас туда попить воды, потому что мы умирали от жажды. В роднике там стоял кран, и из него текла очень холодная вода. А монастырь сам среди сосен, и видно оттуда далеко-далеко! Монахи повели нас внутрь, и только мы сели, как бац! — целая куча пчел свалилась тете прямо на колени!

— Откуда они взялись? — спросил Антонис.

— Из-под крыши. Монахи, дескать, не знали, что там роятся пчелы. А один монах взял корзинку и бах! — накрыл пчел у тети на коленях, а потом перевернул, прикрыл сверху сковородкой и унес их.

— Но одна пчела!.. — поспешно сказал Александр, — одна пчела спряталась в складках тетиного платья, и тетя об этом не знала...

— Да, одну не заметили, — снова перебила его Александра, — но потом, когда мы вышли на воздух, и монахи угостили нас медом...

— В сотах! — воскликнул Александр.

— Да, в сотах, — продолжила Александра, — и дали нам теплого хлеба и еще белого сливочного масла. Мы только присели перекусить, а тетя как закричит: «Пчела! Меня ужалила пчела!..» И все как вскочат, дядя, монахи...

— А тетя все кричала: «Лимон... лимон...» и трясла так рукой. И Александр показал, как именно тетя трясла рукой в воздухе. — Мы все побежали, и тоже закричали «лимон, лимон», а один монах побежал и хотел перепрыгнуть через скамейку, скамейка упала, и монах тоже упал, а ряса у него задралась и, прикинь, у него там были штаны как у дяди! А башмаки у него вместо шнурков были завязаны бечевкой! Другие монахи побежали его поднимать, а мы все кричали «лимон, лимон», была тако-ой тарарам...

За столом тоже начался тарарам. Братья и сестры все вместе смеялись, спрашивали, объясняли, да так, что не слышали шагов на лестнице.

И вдруг послышался тетин голос:

— Афродита, накрывай на стол!

Внезапно смех, шум и гам прекратились. Четверка вернулась в реальность, притихла и замолчала. Антонис сунул поцарапанную руку в карман, Пулудья сгорбилась, подняла плечи, насколько могла, чтобы не было заметно кошачьей царапины.

За столом дядя поведал свою версию путешествия в Кифисью, упомянул он и об укусе пчелы.

Но взрослые не умеют интересно рассказывать, они всегда говорят только о скуке, времени, холме, усталости, пыли, красивом виде, холодной воде, о том, сколько лет назад был построен монастырь, сколько там монахов... Они пропускают все самое прикольное — вроде кувырка монаха, штанов под рясой, бечевки в башмаках.

Когда дядя закончил, он спросил, слегка потянув за ухо сидевшего рядом Антониса:

— А вы оба, чем вы занимались весь день?

Антонис на всякий случай сунул обе пораненные руки в карманы.

— Мы вскопали огород и убрали сухие листья, — сказал он.

— Молодцы! — воскликнул дядя. — Хоть разок хорошо поработали!

— И никакого озорства...? Никаких больше бед, кроме разбитой головы? — подозрительно спросила тетя.

Двое наказанных молча переглянулись. Но Афродита быстро спохватилась и ответила:

— Нет, госпожа... Они вели себя очень послушно. Весь день играли в домино.

— Вторая ложь по доброте за сегодня, — сказал Антонис Пулудье, когда они поднялись в свою комнату.

— Какая ложь? — спросила Александра. — Кто солгал?

Заложив руки за спину, расставив ноги, Антонис смотрел на притихшее море за открытой дверью балкона.

— Кто солгал? — спросила Александра Пулудью.

Но и та не ответила. Тогда Антонис сказал:

— Афродита. Я разбил все кувшины Барбаянниса Канатаса!

Все всполошились. Признание Антониса освободило Пулудью от молчания, и она дала волю языку — с ее обычным многословием она рассказала о любопытстве брата, о том, как развязалась веревка и как попадали, разбиваясь с треском, кувшины. Завершила свой рассказ она отказом кувшинщика взять у нее часики Арапины.

Антонис, угрюмо слушавший сестру, вдруг забеспокоился.

Он обернулся и позвал ее:

— Пулудья, поди-ка, что скажу!

Она порывисто подбежала к нему, брат второй раз приобнял ее за шею и увел на балкон.

— Не рассказывай про машинку и про кошку с Доном! — прошептал он. — Даже Александре!

Она согласно кивнула, и снова вошла с ним в комнату, раздуваясь от гордости. У них теперь есть секрет от Александры, а ведь та всегда была на стороне Антониса. Пулудья приняла наигранно-равнодушный вид, чтобы старшая сестра ничего не заподозрила.

Но у Александры были другие заботы. Она и не заметила их маневра. Она села на кровать, свесив ноги, скрестила руки на коленях и задумчиво сказала:

— Довольно тебе уже проказничать, Антонис, хватит быть вечно наказанным. Ты испортил нам сегодня весь день, наша поездка не стоила и гроша!

— Так я и знала — воскликнула Пулудья.

— Что ты знала?

— Что у вас будет неудачная поездка. Поэтому я и осталась!

Александра вяло поднялась с кровати, в задумчивости села на табуретку и стала разуваться.

— Да нет, сама поездка была неплохая, — сказала она, — но мы ни капли не развлеклись, ни Александр, ни я, потому что вас двоих не хватало для игры. Было очень скучно. Да, Александр?

Александр до сего момента не осознавал этого. Но слова сестры внезапно открыли перед ним весь хаос этого дня.

— Да, — сказал он, скрестив руки на коленях, — было очень скучно... и совсем не весело.

— Я знала это, — повторила Пулудья, с важным видом кивая головой, — поэтому-то я вчера вечером и не далась завиваться.

— Но тебе не стоит больше так делать, — сказала ей старшая сестра.

— Захочу — сделаю так еще раз, — решительно ответила Пулудья. — Мы отлично играли. Правда, Антонис?

— Уф, давайте спать! — отозвался Антонис. — Мы играли совсем не отлично, и день был полон неудач и вранья!

Онемевшая от такого холодного душа Пулудья снова замкнулась в своей раковине.

Дети уныло разделись и легли в свои кровати, под москитные сетки.

15. Пулудья разошлась

Ночью Антонис спал беспокойно. Ему снились корабли, шторма, пробитые кувшины — из них бежала, струилась, без остановки лилась вода: она затопила гостиную, затопила лестницу, наполнила тётушкину комнату, подхватила ее швейную машинку, и посреди этого великого бедствия перед ним возвышалась тётушка с гневными отцовскими глазами и нахмуренными бровями и яростно восклицала: «Это ты сломал иглу у машинки!»

Антонис крикнул: «Нет!» И проснулся от собственного голоса. Когда он увидел солнечный свет, льющийся из балконной двери, увидел, что в комнате сухо и тихо, а остальные спят, сердце его вернулось на место. Он спрыгнул с кровати счастливый и готовый к великим свершениям.

— Плохой сон! — громко сказал он.

— Что? — спросила Александра из-под своей москитной сетки, потягиваясь.

— Ничего, — ответил Антонис, — мне приснился плохой сон! Пулудья подняла свою сетку и с недовольным видом слезла с кровати.

— Мне тоже приснился плохой сон, — сказала она.

— Расскажи! — попросила Александра.

Ничто ее так не интересовало, как сны других — ей их потом объясняла кера Рина. Самой ей никогда сны не снились, так что домашняя Прорицательница не могла ей ничего предсказать.

Она села на кровать, обняла колени, вся во внимании.

— Расскажи! — повторила она.

Но Пулудья не хотела ничего рассказывать, ни в спальне, ни на море, ни по дороге домой.

Только когда все собрались в гостиной за утренним кофе и ей удалось остаться наедине с Антонисом, она призналась ему:

— Я видела во сне, что Барбаяннис Канатас умер. А умер он, вроде как от голода, потому что драхм у него больше не осталось — мы все его кувшины разбили!

Настроение Антониса вновь упало, он даже забыл за завтраком попросить еще добавку инжира.

В дурном расположении духа, он угрюмо позволил Афродите наложить ему на голову свежую повязку и спустился во двор с дядей. Дядя каждое утро обходил свой садик, поливал базилик и высыпал гущу от утреннего кофе в качестве удобрения под корни своей любимой пышной розы.

Но сейчас Антонис не стал следить, как обычно, за его работой, не взглянул на розовый куст, не попросил наполнить лейку. Он не обратил внимания на удивленные дядины восклицания, не услышал его возмущенные возгласы. Притаившись у полуоткрытых ворот, он прислушивался изо всех сил — вдруг случайно раздастся постукивание кувшинов Барбаянниса Канатаса. Утром тот никогда не проходил мимо, но Антонис так хотел, чтобы он прошел именно сейчас, чтобы убедиться, что кувшинщик жив, а сон Пулудьи оказался обманным.

Но тут он почувствовал, что его тянут за ухо. В негодовании он дернулся, обернулся и увидел перед собой дядю, красного и злого — таким он никогда его раньше не видел!

— Зачем ты это сделал? — спросил его дядя.

— Что сделал, дядя?

— Ты загубил мою розу!

— Я?

— Да, ты! Пошли, поглядишь на нее!

Антонис пошел и поглядел. Бедняжка роза! У нее осталось всего три-четыре увядших листочка, они печально свисали с веток. Она вся стояла, полусогнувшись, словно была готова упасть в обморок.

— Кто ее сломал? — недоуменно спросил Антонис. — Это не я, дядя, честное слово!

— Разве не ты ее вскапывал вчера?

— Да, я, с Пулудьей.

— Чем вы вскапывали?

— У меня был гвоздь, а у Пулудьи плитка.

— Отлично! Вы подрезали ей корни, вот она и согнулась. А листья зачем вы ей оборвали?

— Они были черные по краям, вроде как засохшие, а на некоторых были дырочки от улиток.

— А разве ты не знаешь, что растение дышит листьями? И если их все оборвать, оно погибнет? И даже если они немного черные по краям, листья все равно нужны?

Антонис этого не знал. И теперь он стоял, как убийца, перед своей жертвой, ошарашенный, не в силах исправить нанесенный ущерб.

Но гнев дяди никогда не длился долго.

— Ладно, я знаю, ты этого не хотел, — сказал он. — Но думаю, что другим растениям тоже не понравилось от гвоздя с плиткой. Пойдем, посмотрим.

Что же они увидели! Растения во дворе, еще вчера такие ухоженные и усыпанные цветами были как после побоища. Все тётушкины базилики стали инвалидами — хромые, изможденные, словно побитые ветром, они жалко свешивали из горшков свои увядшие листья.

— Видишь ли, Антонис, в садоводстве тоже есть свое искусство, — сказал дядя, — и хорошо бы не заниматься теми искусствами, в которых мы ничего не смыслим. Позови Пулудью и расскажи ей тоже.

Антонис покраснел.

— Она не виновата, — сказал он, — она не знала. Это я велел ей перекопать почву глубоко и слишком близко к цветам.

Заложив руки за жилетку, дядя принял насмешливую позу, и его глаза прищурились от светлой улыбки.

— Так значит это ты — мастер-ломастер! И ты позаботился, чтобы передать свое «мастерство» другим! — сказал он.

От добродушного дядиного юмора обычная самоуверенность внезапно покинула Антониса. И, скрестив руки, он признался:

— Я вчера нанес еще один урон, и покрупнее!

— Ничего себе! И что же ты сделал?

— Я разбил все кувшины Барбаянниса Канатаса!

— Ах ты вредитель! И как же это?

Антонис вкратце рассказал дяде, как Барбаяннис Канатас проходил мимо со множеством кувшинов, которые вез в кофейню на холме. И когда он остался присматривать за осликом, ему захотелось научить Пулудью вязать узлы.

— С чего бы это тебя обуяла страсть к учительству? — воскликнул дядя. — А что сказал Барбаяннис Канатас? Ты хотя бы заплатил ему за кувшины?

Антонис опустил голову.

— Нет, — сказал он. И добавил:

— У меня нет ни копилки, ни денег!

— Значит Барбаяннису был нанесен ущерб? А как же он купит себе хлеб, если ты разрушил его источник дохода?

— Пулудья хотела продать серьги своей куклы, чтобы заплатить ему, но кера Рина не купила их, — сказал Антонис. — Потом она еще хотела отдать свои часы Барбаяннису Канатасу, но он их тоже не взял. Сказал, что они слишком ценные. И, мол, разбились только три кувшина, и он их нам отдал.

— Это было правдой?

— Нет. Они все разбились. Он просто так это сказал.

Улыбка дяди расплылась от уха до уха. Он вынул из кармана бумажник, достал купюру, сложил ее и отдал Антонису.

— Положи в конверт, — сказал он, — и напиши на листке бумаги: «Антонис-чертенис, вредитель, благодарит Барбаянниса Канатаса за его великую доброту, и постарается в другой раз не лезть, как злостный сорняк, там, где его не сеяли!»

Антонис повертел в руках банкноту.

— Дядя... а обязательно писать «вредитель», «чертенис» и «сорняк»? — нерешительно спросил он.

— Предпочитаешь сказать ему это устно?

Антонис поднял голову и встретился с хитрым дядиным взглядом.

— Выбирай одно из двух, что хочешь, — сказал дядя.

Антонис выбрал бы выволочку от тети. Но ему было неловко в этом признаться. Но последующие дядины слова несколько утешили его оскорбленное самолюбие:

— Я мог бы отлупить тебя, — сказал ему дядя (хотя дядя никогда никого не лупил), — но это не возместит ущерба, и будет несправедливо, ведь не я, а Барбаяннис Канатас пострадал от твоего озорства. Ну же, иди и смело исполняй свое наказание. И как только Барбаяннис пройдет мимо днем, сам отдай ему этот конверт.

— А если не пройдет?

— Пройдет, ему еще надо отвезти в кофейню кувшины.

Тот день тянулся, словно десять дней. Ребята по очереди высывались из окна, то и дело выбегали на веранду — вдруг увидят издали Барбаянниса Канатаса или вдруг послышится его привычное постукивание кувшинов, прежде чем он сам появится со своим осликом.

К вечеру их тревога достигла высшей точки. Они разделились на две команды и вышли на улицу: Александра с Александром со стороны веранды и моря, Антонис с Пулудьей со стороны двора, позади дома.

Но стоило им сделать пару шагов, как брат с сестрой застыли как вкопанные.

Внизу на спуске, в тени стены, вокруг стола расположилась королевская компания.

— Что будем делать теперь? — прошептала Пулудья.

Антонис заколебался на мгновение. Но тут же принял новое решение и разделил стратегические позиции.

— Ты стой там, у того камня! — приказал он. — И если увидишь, что Барбаяннис Канатас идет с Кастелы...

— Но меня увидят король с королевой... И мальчики их там, и принцесса Александра, и...

— Неважно, — решил Антонис, — ты должна стоять там и наблюдать, а я буду наблюдать отсюда...

Прибежала большая собака, широкими прыжками подскочила к Антонису и положила ему лапы на плечи, радостно виляя хвостом.

— Дон! — воскликнула Пулудья.

В тот же миг из-за стола на спуске послышался свист и одновременно голос короля с иностранным акцентом:

— Дон! Ко мне! И он добавил, обращаясь к детям:

— Не бойся, дружок, это он так играет с тобой! Но Дон не собирался покидать своего старого дружка, едва обретя его снова. Король привстал, снова дунул в свисток Дону и крикнул:

— Идите сюда, ребята, и он тоже придет!

Антонис толкнул Пулудью локтем.

— Иди! — прошептал он. — Король сказал!

— Без тебя не пойду! Он нас вместе позвал! — в страхе ответила Пулудья.

Антонис нервно поправил свой матросский воротник, расправил вечно мятый галстук и, волей-неволей, с Пулудьей и Доном, все еще прыгавшим вокруг них, они подошли к королевскому столу.

Пулудья заворуженно смотрела на королеву, всю в белом: на ней было пышное муслиновое платье с короткими рукавами и рюшами вокруг открытой шеи. Она была без шляпы, лишь черная бархатная лента охватывала ее светлые волосы.

Возле нее сидела старшая принцесса, серьезная, немного отстраненная, рядом с ней русская фрейлина, а подальше — пара офицеров.

Антонис не сводил глаз с троих королевских сыновей — они стояли в линию по росту, спиной к стене: сначала наследный принц, затем второй принц, затем третий. Все трое были в белых костюмчиках с темно-синими матросскими воротниками, на головах широкополые матросские соломенные шляпы. Он был настолько поглощен этим зрелищем, что дернулся от испуга, когда король спросил его:

— Что с тобой случилось? У тебя голова перевязана.

Антонис и забыл про свою повязку. Он невольно поднял руку, чтобы стянуть платок. Но королева остановила его.

— Не надо! — сказала она ему дружелюбно. — Оставь!

— Но почему у тебя перевязана голова? — повторил король.

Антонис ответил, краснея:

— Я упал вчера.

Младшая принцесса, гонявшая мячик, подошла поближе и прислушалась.

— Ты стукнулся? — спросила она с любопытством.

Антонис обернулся на нее, но не ответил. Вся эта компания его сильно напрягала, он робел при них, а особенно его стесняли трое больших мальчиков, что выстроились в ряд у стены — с надменным видом они глядели на него и слушали. Сам король заговорил с ним, и он ему отвечал, а эти ребята не проронили ни слова, только смотрели и слушали.

— Он стукнулся? — спросила младшая принцесса, обернувшись к Пулудье.

Она была маленькая, не такая важная, как ее прекрасная сестра, и с ней можно было поговорить.

— Да, — сказала Пулудья, — к ней вновь вернулась ее обычная болтливость, — он пошел к морю и спускался по камням, чтобы поймать мне краба, и...

— И поймал? — увлеченно спросила маленькая принцесса.

Но королева притянула ее к себе, и Пулудья вновь застыла в смущении. В это время король спрашивал Антониса:

— Что ты хочешь сказать Барбаяннису Канатасу?

— Я хочу... мне дядя дал... Мне надо ему кое-что отдать... — сказал Антонис и замолчал.

— Отдать ему что? Деньги? Но Барбаяннис Канатас вовсе не беден.

Антонис удивленно поднял взгляд.

— Он очень беден, — сказал он, — у него даже обуви нет. Но король рассмеялся.

— Когда он продает кувшины, то не надевает обувь, — сказал он, — и носит старую заплатанную одежду. Но вот когда он идет в Заппион... Знаешь про него песенку? — спросил он.

— Конечно, — робко сказал Антонис.

— Так спой нам!

Антонис обернулся к Пулудье.

— Ты тоже знаешь. Спой ты, — сказал он упавшим голосом.

— Нет, ты, — испуганно сказала Пулудья.

— Спойте вместе, — попросила королева. И ласково погладила вечно растрепанные волосы Пулудьи.

Выхода не было. И дрожащими блеющими голосами брат с сестрой вместе затянули:

Барбаяннис Канатас, ты родился в светлый час
Будь же радостным твой взор и здоровым будь осел
Амфоры свои и все кувшины, береги, им нет числа
А не то придет красotka и сожрет того осла
Только хвост тебе оставит, посмеется над тобой
Барбаяннис, мой любимец, обожаемый герой
Твоя шляпа высока, и блестят от лака туфли...

— Видишь теперь? Он не беден, раз носит лакированные туфли и высокую шляпу — прервал их король.

Антонис замер. И в растерянности сказал:

— Но это неправда, это всего лишь песенка. Король насмешливо спросил его:

— А ты никогда не бывал в Заппионе, в Афинах?

— Нет, никогда.

— Да нет же, мы ездили в Афины, — встряла Пулудья, — мы как-то ходили там в один магазин примерять всем обувь, не помнишь, что ли?

— Не говори глупостей, — сказал ей Антонис тихим голосом.

— А какие еще вы песни знаете? — спросила королева. Но Антонис был полон решимости больше не продолжать пение.

— Толком ничего не знаю, — ответил он.

Однако тем временем Пулудья увидела, что офицеры веселятся, набралась храбрости и сказала:

— Я знаю много разных песен. Знаю и на греческом, и на английском.

— Кес кель ди? — спросила русская дама-фрейлина.

Королева ответила ей что-то на иностранном языке. Пулудья вновь застеснялась, она переводила взгляд с одной на другую, не понимая, о чем они говорят.

Королева перевела ей:

— Дама спрашивает, знаешь ли ты какие-нибудь песни на французском.

— Нет, — ответила Пулудья, — но я знаю одну на франкском.

— На франкском?

— Да, на франкском. Это не греческий и не английский.

— Спой нам! — попросил король. И Пулудья спела:

«Пи-пон-до, аларе-ве-рансе

Лия-кен-ди, кигуверн ла Франсе

Ало, мезами,

Ла гер делафини,

Пи-пон-до, алари-ве-зо»²⁹

Все сидевшие за столом офицеры и дамы покатались со смеху, к великому неудовольствию Антониса. Он подозревал, что они смеются над Пулудьей, а та и не смекает.

— Что это значит? — спросил король; похоже, его очень развлекла эта песенка.

— Не знаю, — ответила Пулудья, — у нас это просто считалка, мы ей выбираем, кто водит в салках. И она на франкском. Так Алиса сказала.

— Кто такая Алиса?

Пулудья кивнула в сторону соседних домов.

— Это одна девочка, она живет рядом с нами, — ответила она. Один офицер в белой униформе и с длинными каштановыми усами спросил:

— А ты знаешь еще какие-нибудь иностранные песенки?

Антонис подал ей глазами знак, что «нет». Но Пулудью было уже не остановить.

— Знаю, — ответила она.

— Спой, — попросил король. Тоже на франкском, как та?

— Нет, на горицанском.

Ужас охватил Антониса. Что она собирается им петь?!

— Откуда ты знаешь горицанский? — снова спросил король.

— Меня научила Франческа, няня Александра.

— Кто такой Александр?

— Мой брат.

— Тот мальчик твой младший братик? Который ходит в расшитой одежке? — спросила королева.

— Да. Это наша мама вышила ему, — охотно сообщила ей Пулудья.

Антонис фыркнул. Может Пулудья теперь еще поведает им обо всех их семейных делах? Он бросил взгляд на троих мальчиков у стены — они всё также неподвижно стояли с надменным видом и криво улыбались, видать, из жалости.

Невольно он сделал шаг назад, чтобы скрыться из их поля зрения.

Он хотел забрать за собой и Пулудью. Но она даже не взглянула на него. Король сказал:

— Молодец твоя мама! А теперь спой нам горицанскую!

И Пулудья запела во весь голос:

«Ты ж Маричка моя, йес теретич мам...»

Боже, какой позор! Антонис не знал, куда деваться. Его сестра распевала перед королем и королевой песню, которую никто не хотел больше петь, после того, как няня одного ребенка, сама тоже из Горицы, посмеялась над ними — дескать, они переврали все слова и поют ни о чем!

И теперь смеялись король с королевой, смеялись офицеры, один из них даже оперся на саблю двумя руками, чтобы удобнее было смеяться, смеялась русская дама, все смеялись над ней, даже старшая принцесса с высокомерно поднятым подбородком смеялась. Только Пулудья этого не замечала и продолжала распевать:

«...Йес теретич купэнзе, купэнзе, купэнзе, йес теретич грилензе...»

Антонису было так стыдно, что он сделал два шага к своему дому, а затем еще два. Он оглянулся и увидел, что наследный принц, подобно своей сестре-принцессе, пренебрежительно смотрит на него. Антонис помчался прочь, остановился только у себя во дворе и там перевел дух.

Уф! По крайней мере, здесь не было слышно глупостей этой Пулудьи...

Позади него снова закрипела дверь. Он раздраженно обернулся, думая, что это вернулась Пулудья с ее песнопениями. Но то была не она, а всего лишь почтальон, он протянул ему сложенную и заклеенную бумагу.

— Телеграмма, отнеси в дом, — сказал он Антонису.

И поспешно удалился.

В эту минуту из дома выбежал Александр, раскрасневшийся от спешки и нетерпения.

— Давай, Антонис, быстрее! Тетя ушла, а Барбаяннис Канатас идет!

Из коридора, спотыкаясь, вылетела и Александра, тоже сильно разгоряченная спешкой. Только бы успеть!

— Быстро! Быстро! Барбаяннис Канатас идет!

Все выбежали на веранду.

Вдали, под горкой, виднелась широкополая рваная соломенная шляпа Барбаянниса, рядом шел ослик, навьюченный, как и вчера. Неспеша он поднимался вместе со своим хозяином к циллеровским домам.

Антонис следил за ним и был как на иголках — он и радовался, что кувшинщик жив, и одновременно смущался из-за записки в конверте. В таком же беспокойстве была и Александра, она знала про записку брата, она даже разлиновала ее, чтобы он мог написать ровно. Александр под боком у них взобрался на бортик, перегнулся через перила для лучшего обзора и передавал им о каждом движении Барбаянниса, чтобы Антонис не упустил его.

— Сейчас папиросу закручивает... сейчас заклеивает... Не бойся, Антонис, мимо нас не пройдет!..

Когда наконец Барбаяннис дошел до угла первого дома, Антонис спустился на улицу, подбежал к Барбаяннису, отдал ему конверт и стремглав умчался назад.

Антонис двинулся прямо в гостиную, стараясь совладать с чувствами, от которых было трудно дышать.

Также бегом, запыхавшись, Александра с Александром вернулись с улицы и тоже проникли в гостиную.

— Что тебе сказал Барбаяннис Канатас? — спросила сестра.

Но Антонис не ответил. Он затаился в засаде у открытого окна и поджидал Барбаянниса. А тот не торопясь, как ни в чем ни бывало, поднимался себе на горку.

Дойдя до их веранды, Барбаяннис поднял глаза к окну и кончиками пальцев коснулся своей шляпы.

— Привет тебе, Антонис-чертенис, и спасибо! — крикнул он.

Антонис выглянул, вытянув шею, чтобы остаться незамеченным. И увидел, как кувшинщик дошел до дворца, спокойно прошел мимо и исчез за поворотом дороги.

Только тогда он осмелился снова выйти на веранду и вздохнуть свободно.

16. Королевские подарки

Взволнованная, Александра вместе с младшим братом поспешила за ним на веранду.

— Что он тебе сказал, Антонис? А? Скажи, что он тебе сказал? — жадно спрашивала она.

— Кто-о?! — крикнула Пулудья. Она внезапно пролезла между Александрой и Антонисом, с руками за спиной, словно скрывая что-то.

— Откуда ты? Где ты была так долго? — спросила ее Александра.

— А Барбаяннис Канатас уже прошел? — встрепелась Пулудья.

— Да, только что, — ответил Александр.

— Ах, как жаль! Почему вы меня не позвали?

— Тебя же тут не было! — внезапно сорвался на нее Антонис.

— Как это не было? — невозмутимо сказала Пулудья. — Смотрите-ка, что я вам принесла!

Она с триумфом раскрыла руки и продемонстрировала горстку печенья «Мари».

— Откуда ты его взяла? — спросила Александра — она была без ума от этого печенья.

— Королева мне его дала!

— Правда? — восхищенно сказал Александр. Пулудья вся сияла.

— Она мне дала еще и это! — сказала она.

Она полезла в карман и вытащила длинную витую ракушку, голубого цвета, блестящую, в красных пятнышках.

— И это!

И еще раз нырнув в карман, он вытащила красную шелковую подушечку.

— Она велела мне пришить ракушку к подушечке и положить на туалетный столик, вроде как на память о ней, — продолжала Пулудья, вне себя от восторга. — А потом она говорит мне: «Вот, возьми еще пару печенек!» Но я не взяла. А она: «Не любишь такие?» А я говорю: «Люблю. Но у меня их братья с сестрой съедят!» А она говорит: «Тогда возьми все!» И высыпала мне все блюдце...

— Пулудья!!! — вздрогнув от ужаса воскликнула Александра. Пулудья остановилась.

— А? Что? — беспокойно спросила она.

— И не стыдно тебе! — двое старших, брат с сестрой сказали ей одновременно.

— За что? — восторг Пулудьи внезапно угас, и стал закрадываться страх. — Что я такого сделала?

— Ты выкланчила печенье! — сказал Антонис.

— А еще ты принизила нас, якобы мы съедим твои печеньки! — добавила Александра.

— И опозорила нас всех, всех четверых! — сказал Антонис. — Как будто мало одного позора с песней «Ты ж Маричка моя»!

— Она пела «Ты ж Маричка моя»? — оторопело, хватая воздух проговорила Александра.

Александр ничего не сказал, но посчитал правильным тоже принять участие во всеобщем негодовании. Он скрестил руки, тряхнул кудрявой головой пару раз и заявил в ужасе, но без особой свирепости:

— «Ты ж Маричка моя»! Охо-хо!

Пулудья переводила взгляд с одного на другого, на печенье в своих руках, ошеломленная всеобщим неодобрением, которое превратило ее триумф в катастрофу.

Внезапно она бросила печенье на железный столик и заплакала.

На улице слышались звуки множества голосов и шагов: мимо проходила колонна курсантов-эвельпидов, в их форме с желтыми воротниками.

Но Пулудья так рыдала, что даже не слышала их.

Александра перегнулась через перила, чтобы поглазеть на «канареек». Один курсант обернулся, увидел ее и крикнул:

— Эй, пойдем с нами!

В смущении Александра отпрянула, села на корточки, спряталась за перилами, не осмеливаясь подняться и взглянуть на них снова. Заметив это, некоторые из курсантов засмеялись, а трое-четверо опять закричали: «Давай, пошли, девчуля!» И в это же время раздались громкие хлопки, похожие на пощечины, слышались приглушенные увещевания и гневные ругательства.

Когда она снова набралась храбрости и высунула голову над перилами, хвост колонны эвельпидов уже заворачивал за скалу, а на улице — пыльный, в разодранной одежде, поправляя измятый воротник, стоял Яннис.

Бормоча что-то сквозь зубы, он поднялся на веранду.

— Почему ты с ним подрался? Что он тебе сделал? — спросил Антонис.

— Мне — ничего, — ответил Яннис.

— А зачем тогда подрался?

— Значит, я позволю незнакомцу заговаривать с моей кузиной? Ребята немного растерялись. Они не знали, что незнакомцам нельзя разговаривать с кузинами.

Яннис добавил:

— Я бы ему всю морду разбил, если б старший офицер не вмешался.

И, видя немое удивление в глазах своих двоюродных братьев и сестер, он прибавил:

— Разве с девушками заговаривают на улице? Кто ж это потерпит? Как-то раз я гулял с Клео и Катиной — мимо проходил незнакомец и поздоровался с ними, и я ему тоже врезал.

Четверка теперь смотрела на него с открытыми глазами и ртами. От восхищения Пулудья даже перестала рыдать.

Александра нерешительно спросила:

— А это плохо, когда с тобой здороваются незнакомец?

— Это неприлично, — ответил Яннис.

Он прислонился к столбу веранды, скрестив ноги, со всей важностью, которую придавали ему его многочисленные познания.

Его авторитет снова довлел над четверкой. Даже Антонис чувствовал свое невежество. Но он не хотел этого показывать. Одним махом он оседлал деревянные перила веранды и, рисуясь, спросил Янниса:

— Знаешь Барбаянниса Канатаса? Яннис кивнул подбородком на холм.

— Проходил сейчас, — ответил тот.

— Ага. Мы тут поговорили с ним... ну то есть... — сказал Антонис, воображая, что произведет этим на кузена большое впечатление.

Но Яннис сказал:

— Да с кем он не разговаривает? Он даже с королем на «ты».

Антонис прыгнул на землю.

— Правда? — спросил он. И как он его называет, Георгий?

— Нет, балда! Он называет его, как и все остальные, «величество». Но только «твое величество».

— Откуда ты знаешь? — восхищенно спросила Александра.

— Я слышал. Однажды он проходил мимо, а на горке стоял король, и король спрашивает его: «Барбаяннис, почему ты сегодня не в высокой шляпе и без туфель, что блестят от лака?» А тот отвечает: «Я надеваю их, как ты надеваешь плюмаж на шляпу, твое величество, только по великим случаям!» И король рассмеялся.

Все подивились.

— Король носит плюмаж по праздникам, Яннис? — спросила Александра.

Но Антонис прервал ее.

— Барбаяннис правда носит высокую шляпу и блестящие туфли? — спросил он.

— Конечно, каждое воскресенье. Всю неделю вы видите его в лохмотьях и без обуви. Но в воскресенье днем он превращается в джентльмена, надевает темный костюм, высокую шляпу и лакированные кожаные туфли, берет в руку трость с серебряной ручкой и таким щеголем идет в Заппион.

Ребятам показалось это сказкой Шахерезады.

— Вот почему король говорил про Заппион! — сказала Пулудья.

— Что говорил король? — спросил Яннис. Но Антонис опередил ее прежде, чем она успела ответить.

— Лучше не упоминай об этом! — сказал он ей. Пулудья остолбенела.

Яннис посмотрел на них, понял, что назревает ссора, и не стал дальше допытываться. Он откинул назад свою соломенную шляпу — она стала похожа на нимб святого вокруг его круглого лица, и сунул руки в карманы. Он кивнул подбородком на железный столик позади Пулудьи.

— Для кого это печенье? — спросил он.

— Ни для кого, — презрительно сказал Антонис. — Это позорное печенье.

Это вывело Пулудью из себя.

— Нисколько! — вскричала она, вся красная. Оно мое, и я сама его съем, одна! Антонис прикрыл рукой злополучные печеньки.

— Если ты его съешь, тебе будет стыдно вдвойне, — начал было он. Но его прервал шлепок от Пулудьи. Разгневанный оскорблением, нанесенным ему перед Яннисом, Антонис повернулся и схватил ее за фартук.

— А теперь, чтоб проучить тебя, ты сама расскажешь Яннису, кто и зачем тебе их дал! — приказал он ей.

— Не буду я ничего рассказывать! Пусти меня!

— Нет, ты расскажешь!

— Не буду!

— Ах, не расскажешь? Тогда я расскажу Яннису, что ты говорила о нем!

— А я расскажу про швейную машинку!

— А мне все равно! Рассказывай!

Пулудья заявила с не меньшим упорством:

— Мне тоже все равно. Рассказывай!

Ей было далеко не все равно. Но при всем своем негодовании она помнила, что Антонис всегда обезоруживал ее одним и тем же ответом.

— Что? Все равно? — воскликнул Антонис. — Ну что, говорю? Пулудья дрожала от волнения, но отступить уже было поздно.

— Говори, мне все равно! — повторила она. И Антонис выдал:

— Она говорила о тебе, Яннис, что, когда вырастет, выйдет за тебя!

Пулудья не ожидала такого. Она была потрясена; ни о какой швейной машинке уже не могло быть и речи. Опустив глаза, но упрямо запрокинув голову, она закусила губу, чтобы не разрыдаться.

Послышался негромкий голос Янниса, он напевал в рифму:

— Хотел б того и я...

Ей вдруг показалось, что над ней раскрылись небеса. Как? Яннис не смеется над ней? Уф! Какое облегчение!

В воодушевлении она собрала все печенье «Мари», разбросанное на столике, и предложила его Яннису.

— Я дарю его тебе! — сказала она и с довольным видом повернулась к Антонису, который стоял в замешательстве от такого поворота событий. — А вам ни одной печеньки не достанется! — добавила она.

— Ни мне, ни Яннису не надо того, что ты выклянчила у королевы...

— Я не кланчила!

— Клянчила! — подтвердил Александр, — раз ты сказала, ты сказала... Что она сказала, Александра?

— Королева дала ей две печеньки, а Пулудья сказала: «У меня все братья с сестрой съедят!» И королева отдала ей все, что было на тарелке! — смущенно объяснила старшая сестра.

Но Яннис, похоже, не разделял позора, что якобы обрушился из-за этих слов Пулудьи на всю их семью. Он сунул в рот пару печенек и сказал с набитым ртом:

— И очень хорошо сделала, вы бы точно у нее все поели!

Авторитет Янниса был подорван! Померк, развалился, исчез!

Ему никто не ответил. Одна только Пулудья сказала, но без особой убежденности:

— Конечно, вы бы все у меня поели...

Когда Яннис ушел и ребята остались одни, они в мрачных красках расписали его поведение.

— Каково, а, позорное печенье съел! — сказал Антонис.

— И еще сказал, что Пулудья правильно сделала, что выпросила его! — добавила Александра.

— И не постеснялся! — прибавил Антонис.

— И даже нам не дал! — возмутился Александр.

Но Антонис приструнил его.

— Не зазорно тебе? Такое печенье, а?! — крикнул он брату.

Александр сильно смутился. Но он не вполне понимал, почему. Подняв голову, Александра сказала:

— Наоборот, хорошо, что мы не стали его есть. Это единственное, что нас оправдывает. Как, впрочем, и Пулудью, которая его выпросила.

Однако сама Пулудья ничего не сказала. Пока Яннис был рядом, она чувствовала себя уверенно и спокойно. Но когда Яннис ушел, и она осталась наедине с братьями и сестрой, ей показалось, что его влияние ушло вместе с ним, что его решения, казалось, больше ничего не значили.

Слова Александры сошли к ней прямо с небес, как будто дали ей глоток воздуха. Она снова подняла голову и проговорила ровным голосом, стараясь не выдать чувств:

— Да, к лучшему, что мы не ели это печенье. И кера Рина сказала, что если столько дают, значит тут какой-то подвох...

Антонис возмущенно перебил ее:

— Не совестно?! У короля печенье брать!

Все вместе они снова набросились на нее, и Пулудья замолчала, пристыженная и обескураженная.

Ей сегодня не везло. И слова, и дела, все выходило неудачно.

И когда Александра спросила ее: «А что ты там хотела рассказать про швейную машинку?», она только безучастно ответила: «Ничего».

Если рассказать, это тоже выйдет боком. Александра тогда поддержит Антониса, и он ей в другой раз ничего не доверит.

Она замолчала. Братья и сестра ушли в дом, и Пулудья осталась одна, с огромным желанием разрыдаться, которое она едва сдерживала.

Но почему? Что с ней не так? Даже бриз-неудачник не дул...

На железном столике остались лежать королевская голубая витая ракушка с красными пятнышками и красная шелковая подушечка. Это они сглазили, навели беду! Это из-за них все пошло не так...

Она схватила их и побежала выбрасывать на улицу. На тротуаре стояла Афродита и неспешно болтала с кухаркой Алисы. Она услышала шаги и обернулась.

— Чего тебе, Пулудья? — спросила она.

— Ничего, — ответила Пулудья и направилась в гостиную. Но у дверей она столкнулась с керой Риной, которая искала Афродиту.

Та заметила ее расстройство, засмеялась и сказала ей:

— Эй, что с тобой опять? Нервишки?

— Нет... но... — сказала Пулудья, все более и более готовая «открыть краны», как говорил Антонис.

Кера Рина дружески подтолкнула ее.

— Понятно, — сказала она ей, — опять плохое настроение! Но у меня есть способ подсластить его тебе. Что дашь мне за ложку сладкого винограда, только что с огня?

Сладкий виноград! Ее самый любимый! Настроение Пулудьи тут же поднялось. Не раздумывая, она протянула ей руку с королевскими подарками.

— Вот что я дам тебе! — сказала она от всей души. — Бери! Королева подарила их мне, а я дарю тебе, они мне не нужны, они только беду наводят!

И пошла на кухню, а кера Рина наложила ей целое блюдо варенья, так она обрадовалась королевским подаркам Пулудьи.

17. Озорник Антонис

Если плохо день начнешь, так его и проведешь! Вот увидите, сегодня все пойдет вкривь да вкось! — сказал Антонис брату и сестрам, когда спустя пару дней они шли утром в купальни.

И действительно, день не задался с самого начала. Утро началось с того, что Александр запутался в москитной сетке и свалился на пол. Антонис стал его распутывать, потянул за сетку, Александр покатился к дальней ножке кровати и заработал себе шишку на лбу, которая раздулась, как грецкий орех.

Не успела четверка спуститься по лестнице, как откуда-то появилась кошка русской дамы и стянула у дядюшки кусок сыра с обеденного стола. Антонис запустил ей вдогонку серебряной ложкой, но ложка не попала в кошку, зато попала в стеклянную дверь, и все стекло с грохотом обрушилось вниз. Появилась тётушка в халате, и, несмотря на все протесты, что он, мол, не виноват, Антонис получил нагоняй тётушкиной пухлой ручкой и как ошпаренный помчался вместе со всеми в купальни.

Но и там продолжались неприятности. Пока Александра на ступеньках осторожно плескала себе на лицо, чтобы не замочить кудри (а то разовьются!), Антонис обернулся на какого-то мальчонку — тот взял напрокат пару тыков в качестве поплавков, чтобы, дескать, поплавать на глубине — но неожиданно поскользнулся и увлек этого мальчонку в добавок с Александрой на дно морское.

Люди в купальнях переполошились:

— Спасите! Помогите! Дети тонут!

Они, конечно, не утонули, вода едва доходила им до колен. Но прощайте, кудри! И как будто этого было мало, Пулудье прилепилась на спину медуза, та заорала в голос; спасая сестру, Антонис окатил ее водой, и она тоже распрощалась с кудрями.

Тогда разгневанная Афродита взяла глину и вымыла волосы всем троим в море. Только белокурая голова Александра избежала ее гнева: она была перевязана шелковым дядиным платком с крепко прижатой серебряной монеткой на шишке.

— Что нам еще предстоит испытать?! — говорил Антонис сестрам по пути из купален. Они шли впереди, а Афродита, нагруженная бельем из стирки, шла следом, держа Александра за руку. — Что нас еще ждет! Тетя уже злая, а ведь день только начался!

Когда они подошли к дому, на веранде стояли люди. Катина и Клео разговаривали с тетей — раскрасневшаяся, она в горячке повторяла снова и снова:

— Это невозможно! Говорю вам, это невозможно! Жоржис! Выйди сюда! Послушай, что говорят девочки!

Дядя Жоржис вышел на веранду, тут же подошла и четверка с Афродитой.

— Что такое? — спросил он немного растерянно.

Дядя Жоржис всегда терялся, когда тетя Марьета горячилась. Увидев племянниц и племянников, он расплылся в своей широкой улыбке.

— Привет вам, ребята, — сказал он, — заходите, садитесь завтракать...

— Слушай сюда! — прервала его тётушка. — Девочки настаивают, что наши приезжают из Александрии...

— Они уже приехали, тетя! — перебила ее Катина, уверенно кивнув головой.

— Но откуда ты знаешь, дружок мой?

— Наши мама и папа поехали в порт, чтобы их встретить!

Четверка стояла как громом пораженная. Дядя Жоржис тоже. Но тётю и это не убедило.

— Раз они приезжают здесь пожить, почему они не предупредили нас заранее? Чтобы мы подготовили им комнату хотя бы?

— Но они ведь вам телеграфировали! Вот, в нашей телеграмме говорится: «Жоржиса уведомили».

Тетя резко повернулась.

— Жоржис, ты получал телеграмму?

Дядя покачал пепельно-седой головой.

— Я ничего не получал, — сказал он. И спросил:

— Когда вы ее получили?

— Позавчера днем, — ответила Клео.

Тут кое-что произошло. Антонис икнул и сунул руку в карман. Все обернулись и увидели, как он, покраснев, роется дрожащими руками среди сокровищ своего кармана и вытаскивает какую-то сложенную бумагу, в жутком состоянии.

Черную от грязи, мятую, порванную, заляпанную, и как будто этого было мало, между складками еще торчал прилипший кусок жеванной мастики — он весь расплющился и превратился в лепешку.

— Телеграмма... она у меня... — пробормотал Антонис, красный, как рак.

Дядя и двое двоюродных сестер так и покатались со смеху. Но тут в глазах тётки засверкали искры, и обе они невольно съежились, сжались от страха; им хотелось, чтобы земля поглотила их вместе с Антонисом, только чтобы избежать гнева тётки — он предвещал нечто ужасное.

— Как ты посмел... — начала было тетя.

Но дядя забрал несчастную бумажку из повисших рук Антониса, отлепил мастику, развернул и прочитал: «Сегодня покидаем Арголиду, до скорой встречи — Манолис».

Дядя с улыбкой прищурился на Антониса и спросил:

— Давно ли ты ее носишь в кармане и молчишь, чертёнок ты эдакий?

— С... с... — пролепетал Антонис, с позавчера... с обеда...

Вмиг вмешалась тетя.

— Веселитесь тут с ним, да, Жоржис?.. — оборвала их она и обратилась к онемевшему Антонису, мечая из глаз молнии: — Где ты ее взял?

— Я не брал... мне ее почтальон вручил... а в это время мимо шел Барбаяннис Канатас и...

— На чердак! Шагом марш на чердак! — приказала тетя, даже не дослушав его. — Ты наказан! Родители приедут, а ты их встречать не будешь! На чердак! Немедленно!

Когда тетя приказывала, никто не смел сопротивляться. Опустив плечи, склонив голову, Антонис пошел в дом.

Но стоило ему скрыться из-под власти тетиных глаз, то в нем разыграл бунт. Как это, родители приедут, а он их не встретит? И они тут же узнают про его проделки, нагоняи, наказания... Ох!..

Антонис вскинул голову. Ну уж нет, на этот раз он не подчинится, пусть тетя выдерет его, если захочет. Он пойдет в порт... он знал дорогу... а если бы и не знал, то отыскал бы — он же приехал по ней с братом и сестрами из Пирея... Они будут встречать родителей, а он уже там, первый. А потом будь что будет.

Он зашел в дом, увидел пустынную лестницу, услышал, как кера Рина разжигает печку, и, проскользнув через заднюю дверь, вышел во двор, а оттуда на улицу. А веранда и гостиная гудели от тетиных приказаний.

— Так, Афродита, срочно сложи постиранное белье... Да не здесь, в комнате наверху... Катина, возьми мои ключи, открой бельевого шкафа, достань простыни, полотенца, наволочки... Клео, беги, скажи кере Рине пусть метнется за рыбой... пусть приготовит ее, скажи, а-ля Спетциота, как любит дядя Манолис... Постой, Афродита, где ты там? Принеси тарелки, чашки, может быть, они еще не завтракали... И, правда, дети тоже не завтракали. Александра, Пулудья, Александр, немедленно снимайте шляпы...

Она удивленно прервалась:

— Что это у вас с прическами? Почему вы не завились со вчера? — воскликнула она.

— Мы завивались, но... но... — боязливо пролепетала Александра, отчаянно глядя на Пулудью, а та, наклонившись к Александру, делала ему знаки из-под бровей: «Молчи!».

Афродита поспешно вмешалась:

— Я вымыла их в море, — сказала она, — волосы у них были липкие, и я не знала, что приедут господа...

— Что за глупости! Ты вчера их мыла! — оборвала ее тётушка.

— Они опять засалились, госпожа, вчера жарко было, — настаивала Афродита.

— Что ж, ты добила своего! И теперь мать увидит этих растрепок, а она так любит, чтобы они были завиты... да еще и Александр тут с перевязанной головой... Молодец, Антонис, здорово нас подставил...

— Ну, всего-то разок и позабыл, — добродушно сказал дядя. Но тетя метнула в него такой грозный взгляд, что тот молча сел за завтрак и развернул салфетку. Александр забрался на стул рядом с ним.

— А Антонис? — тихо спросил он. — Дядя, Антонис не будет есть?

Дядя сделал ему знак глазами и улыбкой и жестом пригласил обеих сестер садиться за стол, в то время как тетя, кузины и Афродита разбрелись по дому, чтобы подготовить все к приезду родителей.

Ребята перевели дух.

— Дядя, — спросила Александра, — можно отнести кофе Антонису на чердак?

— Только потихоньку, — ответил дядя, — не будем лишний раз злить тетю. Может быть, мы убедим ее простить его.

И когда тётушка спустилась, одетая в зеленое шелковое платье, суетливая, пухленькая, в шляпе и перчатках, разгоряченная спешкой, но довольная тем, что комната для гостей готова, дядя нашел подходящее время и ходатайствовал о прощении...

— Что ж, помилуем его по случаю приезда родителей, а иначе б... — отвечала тётушка, — так и быть, помилуем! Поторопись, Жоржис, экипаж уже подъехал, пошли, может, успеем...

Она вышла на веранду. Александра робко последовала за ней.

— Сказать ему, чтобы шел вниз, тетя? — спросила она.

Тетя спускалась по ступенькам. Вполоборота она сказала:

— Скажи ему, ради вашей мамы... да, на этот раз я его прощаю! Но это последний...

Остальное поглотил крытый верх экипажа, и дверца закрылась за дядей. Но тут же в окошке снова показалась тетина голова.

— Не балуемся, ребята! — крикнула она. — Катина и Клео подождут нас...

Тяжелое ландо тронулось с места, и ее голос потонул в грохоте мостовой.

Александра бегом примчалась в гостиную, с криком:

— Тетя простила его! Пойдемте за ним!

Обе сестры стремглав поднялись по лестнице, за ними Клео, перепрыгивая через три ступеньки.

Но когда они добрались до верха, крича: «Антонис! Антонис! Спускайся!», чердак был пуст, Антонис исчез.

В доме поднялся большой переполох. Антонис исчез, Антониса не было нигде: ни на чердаке, ни во дворе, ни в детской, ни в угольном сарае.

Тогда сестры, брат, двоюродные сестры собрались вместе, к ним подошли еще Афродита с керой Риной, и каждый высказал свое «может быть».

— Может, он пошел к Алисе? — сказала Александра.

— Или опять к королю? — возразила Пулудья.

На этих словах Катина, которая не сводила взгляда с дороги на холм, плавно обернулась.

— Вот как, к королю заходите? — спросила она, подняв накрашенные брови.

— Да... нет... иногда... — пробормотала Пулудья, тщетно пытаясь подобрать ускользающие от нее слова.

— Нет, никогда! Никогда мы не заходим к королю! — возразила Александра, строго обращаясь к сестре. — Почему ты сказала «опять»?

— Я сказала, может быть... может он пошел взглянуть на Дона... с улицы... чтобы не заходить снова во двор... — Пулудья сбилась с толку и остановилась.

— Снова? Значит, однажды он уже заходил? — засмеялась Клео.

Но кера Рина одним своим словом разогнала веселую атмосферу и посеяла ужас в очах всех присутствующих.

— Снова! Снова! — сказала она, покачивая головой в косынке. — Он снова залез в какую-нибудь лодку! Может, тонет в море сейчас наш Антонис-чертенис...

Афродита побледнела. Она сделала руку козырьком и вгляделась в море, которое ослепительно плескалось в солнечном свете.

— Нет, нет! — сказала она. — Антонис вздорный, конечно, но не настолько...

Ее слегка дрожащий голос напугал ребят даже больше, чем слова керы Риной.

— Может, он решил проучить кошку? — сказал Александр.

— Какую кошку? — спросила Клео с новой надеждой.

— Кошку русской дамы, — объяснил Александр, радостный, что ему удалось вставить свое слово. Утром она украла у дяди сыр...

— Пойдем, посмотрим! — воскликнула Клео. И все снова разбежались.

Клео отправилась к русской даме, кера Рина — на королевскую кухню, Александра — к Алисе, а Катина, Пулудья, Афродита и Александр обыскали весь дом от спален до прачечной, заглянули снова на чердак и в угольный сарай. И когда они вернулись все на веранду и убедились, что Антониса нигде нет, их беспокойство переросло в страх, а страх в отчаяние.

— Оставайтесь здесь! Я пойду посмотрю дальше! — сказала Афродита, спускаясь по улице.

— Я с тобой! — сказала Клео, перескакивая через две ступеньки.

— А ты, Катина, присмотри за малышами! — крикнула Афродита.

И, накинув на голову платок, она поспешно зашагала под горку вместе с Клео, которая с непокрытой головой шагала рядом с ней.

Но ушли они не слишком далеко. Едва начав спускаться, они увидели вдалеке какого-то матросика в белом, высокого и тощего, как аист, а рядом с ним мальчика поменьше в коротких штанишках — матросик-аист поддерживал его за плечо.

Афродита снова сделала руку козырьком, чтобы лучше рассмотреть, но Клео опередила ее.

— Это он! — воскликнула она. — И Яннис с ним!

Да, это был Яннис, и рядом с ним Антонис, они вместе медленно поднимались на горку.

Антонис подрастерял свой знаменитый дерзкий вид. Он шел с поникшей головой и «поджав хвост». Когда женщины подошли к нему, то увидели, что лицо и одежда его залиты кровью.

— Господи спаси! — сказала Афродита и больше не смогла ничего вымолвить.

Но Яннис сказал ей, успокаивая:

— Пустяки! Он попал в перестрелку камнями и получил камнем по лбу...

Как только они вернулись, на веранде поднялся новый переполох. Даже Катина утратила свою обычную размеренность.

— Что с ним стряслось?

— Как это случилось?

— У него рана на лбу!

— Антонис, у тебя кровь идет!

Антонис никому не отвечал. Словно в полуобмороке, он сидел в тётушкином кресле-качалке, переводил взгляд с одного на другого, отдавая себя проворным рукам Афродиты, и молча пил из кувшина прохладную воду, которую принесла ему кера Рина.

И так же, как в день Донова укуса, вокруг него суетились все: горничная, кухарка, сестры и двоюродные сестры: кто умоет, кто принесет ему арнику, корпию, платки. Наконец ему перевязали лоб, на этот раз узел был на затылке. Застыв на коленях у кресла, брат Александр благоговейно держал на вытянутых руках, словно чашу причастия, его чистый костюм.

И когда Антонис, отмытый, вычищенный, перевязанный и переодетый, снова сел в тётушкину качалку, Клео спросила его:

— А кто бросил в тебя камень?

Но Антонис молчал. Тогда Яннис взял слово и сказал:

— Какие-то большие мальчишки, уличная шпана, они ввязались в перестрелку камнями с кучей мелюзги.

Взволнованная Афродита погладила Антониса по голове.

— Бедняжка! — сердобольно сказала она.

Однако кера Рина, слушая и наблюдая за всем, уперев руки в боки, спросила:

— Но как тебя занесло туда, сударь Антонис? Ведь твоя тетя отправила тебя на чердак!

Антонис не ответил.

— Действительно, Антонис, как ты оказался на дороге? — спросила Александра.

— Мы тебя искали повсюду, по всему дому... — добавила Пулудья.

— Почему ты ушел, Антонис, — повторила Александра, — ведь ты должен был быть на чердаке?

— Почему... почему, — огрызнулся Антонис, снова обретя голос от возмущения, — просто я не хотел сидеть наказанным, когда приедут родители... и решил пойти в порт...

Зрителей как молнией поразило.

— В порт!

— Один!

— Ты сделал это!

— Ты нашел дорогу!

Сестры и брат Антониса были готовы пасть перед ним на колени. Внезапно им почудилось, что это не платок, а свечение вокруг его перевязанной головы.

Да, Антонис был настоящим светилом! Антонис был героем, достойным вершить величайшие дела!

Но как следует насладиться своей славой он не успел. Катина спросила его:

— А почему ты вернулся один? Почему ты не приехал с дядей и тетей?

Яннис ответил, смеясь:

— Какое там, я нашел его здесь, неподалеку!

Антонис, снова сникнув, сказал:

— Да, я не успел их найти! Я не успел к кораблю!..

— Ладно тебе, небось, пошел к прелестницам и получил от них камнем по носу! — захихикала кера Рина. — Что ты нам мелешь тут про порты и корабли? Ты бы вправду пошел сейчас?..

— Да! Я бы пошел! — возмущенно перебил ее Антонис. — И я бы прекрасно нашел дорогу!

Ребята снова восхитились. Но кера Рина умерила их пыл:

— И почему же ваша светлость не дошла?

— Потому что там была детвора, они играли в какую-то игру, а я остановился посмотреть, — сказал Антонис, — одни ловили других, а остальные освобождали их...

— Они играли в пленников, балда! То есть, в амбаризу! — перебил его Яннис.

— В амбаризу! Они играли в амбаризу! — возбужденно воскликнула Клео. — И ты, конечно, не мог не присоединиться к игре!

Восторг Клео смутил Антониса.

— Я не знал, как играть, — начал было он, но Клео его прервала.

— У них был толковый водящий? — спросила она.

— Куда там, малек, как и все они! — пренебрежительно ответил Яннис. — Большие ребята стали дразнить их мелюзгой...

— Наоборот! — крикнул Антонис и вскочил с тетиного кресла. — Он хоть и был мелким, но носился что надо и всех брал в плен! Но потом подошел большой парень, который не играл, и подставил ему подножку...

На этом моменте Антонис привстал, дернул ногой и подставил подножку железному столику — столик с лязгом повалился на плитки веранды, и грохот заглушил все возмущенные вопли.

Кера Рина убежала, заткнув уши. Афродита вскочила, подняла столик и толкнула Антониса обратно в кресло-качалку.

— Не будешь сидеть спокойно, — упрекнула она его, — разобьешь и плитки, и наши головы! погоди, вот тетя узнает, что тебя застукали с уличной шпаной, увидишь, что случится!

— А что такого? — спросила Клео. И добавила:

— С Антонисом-то ничего не случилось! Что он плохого сделал?

— Браво, Клео! Вот и скажи ей это сама, если смелости хватит! — воскликнула Афродита. — Я умываю руки! Ведите себя хорошо!

Бормоча и грозясь, она пошла в гостиную и стала накрывать на стол.

Клео пнула кресло тети Марьеты, то откинулось далеко назад и снова качнулось вперед.

— Уф! — сказала она досадливо.

— Афродита права! — заявила Катина.

— И вовсе нет! — возразила ей Клео. — Если бы я увидела, что играют в амбаризу, я бы тоже пошла играть. Ты правильно сделал, Антонис...

Она взъерошила ему волосы, торчавшие из-под повязки на лбу.

— Какой красавчик! Вот теперь ты мне нравишься, на ежика похож! — игриво сказала она. — А еще ты мне нравишься, потому что все время шалишь!

Александра и Пулудья застыли в изумлении. Такой вывод они слышали впервые. Александр стянул с себя платок с монеткой и, сияя огромной шишкой на лбу, стоял, раскрыв рот.

Все в шоке посмотрели на Клео. Даже Антонис не знал, что делать, он не был уверен, шутит Клео или нет. Один Яннис, прислонившись к стене и заложив руки за спину, украдкой посмеивался.

— Да, ты мне нравишься, — тоном завзятой хулиганки сказала Клео, — потому что ты непослушный и своенравный. Ты бьешь стекла, разбиваешь головы, особенно свою, связываешься с уличной шпаной вдвое старше тебя, дергаешь Дона за уши, творишь все те шалости, которые плохие дети творят в книжках!

— И... тебе это нравится? — в недоумении спросила Александра, чувствуя, как в ней сотрясаются все ее понятия о добре и зле.

— Мне нравится, — сказала Клео, — что он не притворщик... И смельчак!

На мгновение ребята замерли, чтобы обдумать и взвесить то, что сказала старшая кузина. А Клео добавила:

— Когда этот крошка Антонис... он ведь тоже мелюзга по сути... оказался среди большой шпаны, он не свернул с дороги, а принял бой. Мне нравится, что он выстоял, померялся с ними силами, хоть и получил камнем по кумполу! Но Катина вздернула головой.

— Послушные дети так не поступают, — назидательно сказала она.

— Конечно, нет! — сказала Клео. — Но Антонис и есть непослушный, он как бойцовый петушок. Ты мне нравишься, — повторила она, потянув его за подбородок, — потому что ты шалун и храбрец-мальчуган! Ты творишь любые шалости и не боишься, что тебе попадет! Именно поэтому ты мне и нравишься, да-да!

Антонис высвободил подбородок из рук кузины, наполовину смущенный, наполовину довольный, не совсем понимая, что же хорошего в его проделках. Он искоса взглянул на сестер и брата, ища поддержки, но встретил взгляд Александры, полный осуждения — поддержкой там и не пахло.

Клео увидела это и рассмеялась. И, схватив его за голову обеими руками, она его поцеловала.

Антониса чуть удар не хватил. Его! Поцеловала! Девчонка! К тому же перед лицом сестер и брата!

И мало того, еще и Яннис при этом разразился смехом!

Все могло кончиться плохо, вероятно, бунтом.

Но в ту же минуту послышался шум голосов; Афродита и кера Рина выскочили из дома и спустились на улицу, где поскрипывая, издавая стоны, покачиваясь как на волнах, уже подъезжали два экипажа-ландо, нагруженные людьми и сундуками. Перед верандой они остановились.

Ребята все вместе так и покатались с лестницы и с криками и воплями высыпали на улицу.

Один Антонис остался в кресле тети Марьеты, в тревожной неуверенности, стоит ли ему спускаться со всеми или ждать грозы, где сидел.

Он услышал голос матери, спрашивающий: «Ох! Что с тобой, Александр? А где Антонис?» и увидел, как она, радостная, бегом поднимается по ступенькам — одной рукой она на весу прижимала к себе брата, а сестры висли у нее на другой руке.

Позади, улыбаясь, вся в белом, шла тетя Аргини.

Антонис не выдержал. Он вскочил, бросился к маме, обнял ее за талию и прижался лбом к ее платью, чтобы спрятать невольные слезы.

— Что с тобой случилось, Антонис, ты ударился? — воскликнула мама, опуская Александра на землю и схватив Антониса обеими руками за голову.

Присеменила и разгоряченная тетя Марьета, с кузинами.

— Опять! — недоуменно воскликнула она. — Где поранился? Дай посмотрю!

— Пустяки, — сказал Яннис, — камнем попало. Тут и там, повсюду вокруг загудела неразбериха восклицаний, вопросов, путанных объяснений. Расплатившись за экипажи и поручив багаж Афродите, на веранду поднялся отец с двумя дядями — своими братьями.

Он увидел шишку на лбу Александра, перевязанную голову Антониса и сказал, наполовину сердясь, наполовину смеясь:

— Но что случилось с моими мальчиками? Они влупились друг в друга, как пасхальные яйца?

Сплеснув толстенькими ручками, тетя Марьета сказала:

— Забери своего сына, Манолис, сейчас же! Видеть его уже не могу! Чертенис, С-ума-сведенис, как только его не называет кера Рина, и поистине, его озорство не знает границ. Говорят, попал в перестрелку камнями с уличными мальчишками и получил по голове. Но как он там оказался, я не представляю.

— Мы только приехали, Антонис, и сразу озорство... — грустно сказала мама.

Но дядя Жоржис прервал ее:

— Постой, Виргиния, давай глянем сначала, — сказал он.

Дядя притянул Антониса поближе, развязал ему платок — под ним оказалась треугольная красная ранка между бровями. Он осмотрел ее, наморщил лоб и со смехом сказал:

— Ерунда, первое боевое ранение. До свадьбы заживет!

И бодрым голосом сообщил маме, что тревожно склонилась над сыном:

— Перевяжи ему голову, Виргиния, и не волнуйся. На этот раз не смертельно!

Но брови отца оставались нахмуренными, черные глаза грозили громом и молнией.

— Каким образом в тебя влетел камень? — спросил он.

— Ребята кидались камнями, — растерянно сказал Антонис, — а я оказался посередине этой... заварушки. И какой-то малец швырнул в меня куском плитки...

— Ты слышал это? Ты слышал? И ведь ему запрещено играть на улице с незнакомыми детьми! — вмешалась тетя.

Дело приобретало очень дурной оборот. Сестер и брата Антониса пробрала дрожь. Тогда Клео вскочила и сказала:

— Когда оказываешься в заварушке, тетя, то не можешь не драться. Уверена, Яннис сделал бы то же самое.

— Так и я сделал то же самое! — подтвердил Яннис.

— Что? Ты тоже участвовал в перестрелке? Ты тоже кидался камнями? — возмущенно спросила его тетя Марьета.

— Конечно, кидался, и в меня попало, только не по голове. Антонису меньше повезло, он получил прямо по лбу.

В негодовании тетя Марьета обернулась к тете Аргини.

— И ты позволяешь это? — спросила она. Тетя Аргини рассмеялась.

— Нет, — сказала она, — я этого не позволяю, и Яннис это знает. И он не стал бы кидаться камнями без нужды. Что-то случилось. Расскажи, Яннис, как это произошло?

И Яннис рассказал:

— Там были какие-то великовозрастные хулиганы, уличная шпана, они схлестнулись с целой кучей малышни, стали напирать на них. Малышня стала защищаться камнями, большие ответили тем же, и завязалась перестрелка. Антонис тоже присоединился к бою — я увидел его издалека и побежал к нему, я тоже стал кидать камни и разогнал их всех. Вот и все!

— Ты слышал это? Ты слышал это, Манолис? — воскликнула тетя Марьета.

— Слышал, — спокойно сказал отец.

И, глядя на Антониса из-под густых бровей, он спросил:

— Я хотел бы узнать одну вещь, Яннис. Раз ты видел, как Антонис бросался камнями, в каком лагере он сражался? С малышной или со шпаной?

— С малышной, конечно! Он вступил в бой, когда малышня отступала, и их побивали!

— Представь, что могло с ним случиться... — сказала мама. Но отец прервал ее:

— Оставь! — сказал он, просияв. — Раз он был с малышной, то пострадал не зря. Вот если бы мне сказали, Антонис, что ты примкнул к сильнейшим, наша сегодняшняя встреча закончилась бы плохо. Но поскольку ты сражался вместе с младшими, которых уже побивали большие, я не только не буду тебя наказывать, но и скажу тебе, что ты молодец. Дай-ка я тебя обниму!

Уф! Какое облегчение для сестер и брата! И как был горд Антонис словам отца!

Все вместе принялись болтать, кричать и смеяться. Антонис незаметно слегка ущипнул Клео за руку и сказал ей:

— Ты первая меня похвалила... Ты не хуже мальчишки!

— То есть? — падая со смеху спросила Клео. — Девочки что, одни глупости говорят? А может это потому, что я сказала, что ты мне нравишься, что ты бойцовый петушок и храбрец?

— Но ты не боялась это говорить при тете! — сказал Антонис. — Ты тоже храбрая, как мужчина!

— Хах, спасибо! — сказала Клео. — А женщины, думаешь, не бывают храбрыми? А Бубулина? А Манто Маврогенус? А Мосхо Цавелла? Они что, были не храбры?

Антонис никогда не слышал ни о Манто Маврогенус, ни о Мосхо Цавелле, а Бубулину знал только в виде носовой фигуры корабля, с развевающимися позади парусами. Такой он видел ее в плохо напечатанной, потрепанной книжке Стамоса, с оторванной обложкой. Стамос однажды сказал Пулудье, когда она порезалась и плакала: «Как же ты станешь Бубулиной, если плачешь из-за каждой капельки крови?» Но что именно совершила Бубулина, он не знал, да и Стамос тоже.

Слегка стыдясь своего невежества, Антонис спросил:

— А что они сделали храброго?

Но Клео не успела ответить. Тетя Аргини протянула руку и притянула Антониса к себе.

— Ты обо всех о них узнаешь, о героинях революции, — сказала она со смехом, — и о них, и о других героях. Яннис знает все про них наизусть, и расскажет тебе, пока ты с нами. А после каникул у нас в доме будет еще один взрослый мальчик.

Антонис ничего не понял. Он перевел растерянные глаза на отца и маму.

— Ну, конечно, он уже взрослый мальчик, — сказал дядя Жоржис, поглаживая бакенбарды и широко улыбаясь, — ему пора в школу.

Очнувшись, Антонис снова обрел голос.

— Я пойду в школу, папа?! — воскликнул он. Отец засмеялся.

— А как ты думаешь, зачем мы приехали? Чтобы найти тебе школу! — ответил он.

В голубых глазах мамы появились слезы.

— Не жалеешь? — спросила она.

— Конечно, нет!

У Антониса пропал голос, он стоял в смущении, не смея радоваться, когда мама плачет. Но все исправил отец.

— Конечно, не жалеет, даже если ему придется разлучиться с нами. В школе он многому научится, у него появятся одноклассники, друзья...

— И мы будем играть в пленников! — воскликнул Антонис, от волнения перебив отца.

— Сначала научись дисциплине и не перебивай старших, — заметила тетя Марьета.

— Надеюсь, он станет более дисциплинированным, — добавил отец, слегка нахмутив брови. — Твоя тетя говорила мне...

— Что ты немного озорной, — не дала ему договорить тетя Аргини с благодушной улыбкой. — Но в школе все это исправят. Яннис тоже был озорным и вздорным. Однако сейчас поумнел, стал прилежным, и слушается меня. Да, Яннис?

Яннис не ответил. Он только улыбнулся и откинул голову назад, а Катина кивнула.

— Всем мальчикам нужна школа. Она формирует характер, — сказал дядя доктор и тоже улыбнулся, кивая головой. — Если не наберешься опыта в передрягах с товарищами и не претерпишь обид... ты не станешь мужчиной. Пойдем, Аргини. Малыши нас ждут. Катина, Клео, Яннис, пойдете домой.

Дружески подтолкнув Антониса, Клео сказала вполголоса:

— Получишь, но и сам потом сдачи дашь, да, Антонис? А камнями и в школах кидаются, знаешь ли...

Она подмигнула ему и поспешила к тете Аргини — та позвала ее с лестницы.

Где уж было уснуть четверке в ту ночь!

Сидя на кроватях с откинутыми москитными сетками, они держали совет.

Лунный свет, льющийся в комнату из распахнутой балконной двери, выбеливал бумажки, завернутые в волосах девочек, повязку Антониса, а утренняя шишка на лбу Александра отбрасывала настоящую лунную тень.

Обхватив колени поверх длинной ночной рубашки, прерывая совет старейшин, Александр спросил:

— Антонис, а как ты станешь садовником у Алисиной тети в Кифисье, если пойдешь в школу Вульгариса?

Антонис ответил решительно:

— Я не стану садовником!

— А, так ты будешь капитаном? Но как ты поплывешь на лодке, ведь школа в Афинах, а море здесь?

— Капитаном я тоже не буду! — перебил его Антонис. — Я стану военным офицером и буду сражаться целый день!

И, загоревшись от собственных слов, он продолжал со все большим жаром:

— Сегодня я сражался и понял, как это круто, что говорила Клео, держать удар и давать сдачи...

И, представив, что одно его колено это голова незнакомца, он нанес ему удар, бац, и по другому колену, и снова по первому: «Вот так! Бац! Вот тебе! Вот еще тебе! Бац! И вот так!», и дал еще себе по шее, и снова по другому колену: «Вот тебе, бац!», а потом еще по плечу — целую битву вел Антонис с самим собой!

И тогда Пулудья первой нарушила неписанное правило. Азарт Антониса так увлек ее, что она высунула из-под простыни одну ногу, потом другую, за ней повторил Александр, за ним последовала Александра, и незаметно все они оказались сидя на одной кровати с Антонисом. Тот в необузданном восторге возвышался среди них и с обилием жестов заново разыгрывал сценки из своих утренних геройских походов.

Девочки слушали и восхищались. Александр слушал и тоже восхищался. Теперь, когда они расставались с Антонисом, они были не прочь показать ему, что признают его превосходство, его дерзость и бесстрашие, его удачу и прыть.

Антонис говорил, а остальные внимали; он восставал, расправлял плечи и снова, как утром, сражался камнями да и чем-то побольше. Он обращал в бегство всю шпану из утренней битвы и из других своих фантазий. И когда он узрел себя

единственным победителем среди ослепленных его свершениями собратьев, то не выдержал. Он совершил кувырок на постели, с оглушительным криком:

— Ура!...

Но от возбуждения не рассчитал расстояние, брыкнул ногами в спинку кровати, снес ее, и вся железная кровать с грохотом рухнула на пол.

И тут же остальные трое в мгновение ока юркнули под свои простыни.

Спальня наполнилась людьми.

Мама, тетя, дядя, отец, Афродита, кера Рина, все они, как по волшебству, оказались здесь.

Трое ребят лежали в кроватях, москитные сетки их были подняты, а Антонис, слегка оглохший от грохота, сидел на своей сломанной кровати, беззвучно открывая рот, как рыба.

Мать и тетя в ужасе оглядывали комнату, ища убитых и раненых. Дядюшку со свечой в руке разбирал смех, а отец слегка хмурил свои кустистые брови.

— Это что, спинка кровати упала? — спросил он. Никто не отвечал.

Кера Рина подошла поближе, схватила Антониса за обе ноги, подняла их вверх, и все увидели на каждой ноге широкую кровоточащую ссадину, и простыни были испачканы кровью.

— Его ударила спинка кровати! Ах, ты, бедняжка! — воскликнула тетя.

Афродита снова побежала за арникой, корпией и платками и перевязала ему раненые ноги, как утром перевязывала раненую голову, а мама и тетя заботливо уложили Антониса на свежестеленную постель, перевязанного уже с головы до пят.

Они целовали, гладили его, суетились вокруг него, задержали его москитную сетку и сетки остальных, как могли утешали его из-за новополученных ран. Наконец, мама с тетей пожелали ему здоровья и на цыпочках вышли за дядей и отцом.

Некоторое время четверка молчала, слегка озадаченная таким поворотом событий и немного смущенная такой невероятной безнаказанностью.

Шепот Александра первым нарушил молчание:

— Антонис, — сказал он приглушенно, — ты ничего не понимаешь. Ты сказал, что плохой день с утра заметен, однако сегодня был самый лучший день! Приехали родители и привезли нам винтовки и мечи, Александре кухонную плитку, а Пулудье чашки и тарелки. И никто не ругал тебя за перестрелку камнями. И даже сейчас, когда ты сломал кровать, тебя опять никто не ругал...

Антонис прервал его:

— Ну во-первых, никто не говорил, что это я сломал кровать, — ответил он брату, забыв понизить голос. — Дядя сказал, что она старая и сломалась сама! И потом, не лезь, где тебя не сеяли, не в свое дело...

— Что там снова происходит наверху? — послышался снизу тревожный мамин голос, и тут же сверху раздался ответ Афродиты:

— Ничего, госпожа Виргиния, я разберусь.

И войдя в спальню, Афродита сердито прошептала:

— Да уговоритесь вы когда-нибудь, поросята вы эдакие? Или мне отца позвать и рассказать, как ты кувыркался и сломал кровать? Или ты думаешь, что кера Рина

не догадалась, если промолчала? Антонис, Чертенис, Раздраженис, С-ума-сведенис — правильно тебя так зовет кера Рина! Ты с ума нас всех сведешь! Спи сейчас же!

Все дети завозились, устраиваясь поудобнее. Антонис тоже отвернулся от стены и закрыл глаза.

Ох уж эта кера Рина! Ничего от нее не скроешь! Но теперь-то он скроется от нее, когда пойдет в школу! Эх! В школу... Он теперь будет с мальчишками... с одними мальчишками... они будут играть в пленников... они будут сражаться целыми днями... пробивать себе головы... они будут биться, на мечах, на винтовках, на пушках... они будут... будут... И он заснул тысячей героических снов.

Примечания переводчика

Пирей — порт в Афинах и пригород

Циллер, Эрнст Мориц Теодор (1837—1923) — немецкий архитектор и академик из Саксонии, большую часть своей карьеры работавший в Греции

Кастела (греч. Καστέλλα) — гора (холм), образующая полуостров, в Греции, в одноимённом районе в юго-восточной части Пирея.

король — Георг I (греч. Γεώργιος Α', 1845—1913) — король Греции в 1863—1913 годах. Его иностранный акцент объясняется тем, что он был по национальности датчанин.

Королева — Ольга Константиновна, 1851—1926, дочь Великого Князя Константина Николаевича, приехала из России

кера Рина — приставка «кера» к женским именам в значении «госпожа, хозяйка», в знак уважения. Кера Рина означает «госпожа Ирина»

Барбаяннис Канатас, Барба-Яннис Кувшинщик (гончар). «Барба» — приставка к имени пожилого мужчины.

Легендарный афинский персонаж 1870-х годов. Он говорил о себе, что приехал из Бурсы (Турция), участвовал в освободительной борьбе на Крите в 1866 году, а затем переехал в Афины. Фамилия его неизвестна.

Его работа заключалась в том, чтобы продавать афинянам воду, так как в то время, в городе не было водопровода. Он был настолько популярен, что оркестр гвардии приветствовал его песнопениями на площади.

По воскресеньям, когда он надевал свою лучшую одежду, начищал обувь, надевал золотые часы и трость с серебряной ручкой, превращался в настоящего аристократа. Говорили, что он заработал на своих кувшинах много денег.

О нем был снят фильм в 1957 г.

Кифисья (греч. Κηφισιά) — северный пригород Афин

галактобуреко — традиционный греческий десерт из тонкого теста, пропитанного цитрусовым сиропом и начинки из манки

Принцесса Александра Георгиевна — Великая княгиня (1870—1891) — принцесса Греческая и Датская, после замужества — российская Великая княгиня

Младшую принцессу звали Мария (1876—1940) — супруга великого князя Георгия Михайловича

Редкое имя Пулудья происходит от слова λουλούδι — «цветок»

«О мой гибкий и острый меч!» — греческая революционная песня 1821 года

Цинния — красиво цветущий полукустарник

Арника — лекарственное растение, водяная настойка используется в виде компрессов при ушибах, ранах

Корфу (Керкира) — остров в ионическом море. Англичане передали Корфу Греции 29 марта 1864 г. До этого остров был под управлением Франции, Турции, Венеции и др.

Крит окончательно присоединился к Греции после второй Балканской войны, в конце 1913 года

Геόργιος Караиска́кис (греч. Γεώργιος Καραϊσκάκης; 1782 — 1827) — вождь в период Греческой революции 1821 года

Иезуитские школы — школы, базирующиеся на системе педагогики иезуитов, которые были основаны орденом иезуитов на фоне контрреформации. Целью создания школ являлось воспитание и обучение юношей из привилегированных социальных слоёв в католическом духе

Аристίδ (др.-греч. Ἀριστείδης; ок. 530 — 467 до н. э.) — афинский государственный деятель, полководец периода греко-персидских войн (500—449 годов до н. э.)

Перикл (др.-греч. Περικλῆς, от περί + κλέος, — «окружённый славой»; примерно 494/493—429 годы до н. э.) — древнегреческий государственный деятель, один из «отцов-основателей» афинской демократии, знаменитый оратор и полководец

Леонид I (др.-греч. Λεωνίδας) — царь Спарты из рода Агиадов, правивший в 491—480 годах до н. э. Участник Греко-персидских войн, погибший в Фермопильском сражении

«*Приди, возьми*» — слова царя Спарты Леонида, обращенные к персидскому царю Ксерксу

«*Со щитом или на щите*» (др.-греч. ἢ τὰν ἢ ἐπὶ τᾷς) — фразеологизм, означающий призыв победить, добиться цели или погибнуть со славой. Восходит к Древней Спарте, где павшего в бою воина, предположительно, несли с поля битвы на его щите

«*Бей, но выслушай*» — слова афинского государственного деятеля Фемистокла (525—460 до н. э.), обращенные к спартанскому полководцу Эврибиаду, когда между ними разгорелся спор о способе ведения войны с персами, нападшими на Элладу

Пентели или Пенделикόν (греч. Πεντέλη ή Πεντελικό, др.-греч. Πεντελικὸν ὄρος), — гора в Греции высотой 1107 метров. Расположена в 23 километрах к северо-востоку от центра Афин

«*Маленькая хижина в лесу*» — книга А. Вамбаса, 1880 г

«*счастливые ножки*» — обычай, когда по тому, кто первым войдет в новый дом или первым войдет в дом после Нового года определялось, будет ли удача

Корпия (το ξαντό) — льняные волокна, которые накладывали на раны до конца 19 в., позже появилась вата

Шинус (лат. Schínus) — род деревьев и высоких кустарников из семейства цветковых растений Сумаховые (Anacardiaceae)

Земляничник, земляничное дерево — кустарник или дерево высотой 5—10 м, иногда дорастает до 15 м. Плод съедобен; используется для получения джемов и ликёров

Старшие сыновья короля Георга: на тот момент им было 14, 13 и 10 лет:

Константин I (1868—1923) — король Греции (1913—1917, 1920—1922), женился на принцессе Софии Прусской, имели трёх сыновей и трёх дочерей

Георг (1869—1957) — граф Корфский, женился на принцессе Марии Бонапарт, имели сына и дочь

Николай (1872—1938) — женился на великой княжне Елене Владимировне, имели трёх дочерей

Ζάππιον — Выставочный зал « (греч. Ζάππειον μέγαρο) — здание в классическом стиле, построенное в Афинах австрийским архитектором Теофилом фон Хансеном.

«Заппион» назван в честь Евангелиса Заппаса, греческого миллионера и мецената, организовавшего и субсидировавшего проведение первых Олимпий, предшественниц современных Олимпийских игр

Кес к'эль ди? — что она говорит? (фр.)

Народная французская песня 1878 года (регион Нормандия):

Belle pomme d' or, à la révérence,
il n'y a qu'un Dieu qui gouverne la France
allons mes amis,
la guerre est finie,
belle pomme d'or sortira dehors

Прекрасное золотое яблочко, мое почтение
Только бог правит Францией
Пойдемте, друзья мои,
война окончена
Прекрасное золотое яблочко,
выйди вон

Горицанский — диалект словенского языка. Горица и Градишка — графство (позднее, княжеский округ/окняжённое графство/княжеское графство) в составе Габсбургской монархии, существовавшее на приграничных территориях современных Словении и Италии в 1754—1919 гг.

эвельпиды — Эвелпидонское военное училище — высшее военное учебное заведение греческой армии. Основано в Нафплионе 1 июля 1828 года по указу Иоанна Каподистрии как офицерская школа. Курсанты носили желтые воротники и кокарды, из-за чего и получили прозвище «канарейки»

Арголида — восточная часть полуострова Пелопонес, через залив находятся Афины

Специота — Спеце (греч. Σπέτσες, др.-греч. ἡ Σπέτσαι) — греческий остров при входе в залив Арголикос, в 40 км от Пирея

амбариза — традиционная афинская уличная игра. Играющие разделяются на две команды, каждая ловит соперников и отправляет их в «тюрьму», откуда можно освободить своих игроков, если их коснуться

Ласкарíна Бубуlíна (греч. Λασκαρίνα Μπουμπουλίνα; 1771 — 1825) — участница освободительного движения, героиня греческой революции 1821 года

Мантó Маврогéнус (греч. Μαντώ Μαυρογένους) (1796 — 1840) — национальная героиня Греции, участница войны за освобождение, отдавшая всё своё состояние на борьбу с Османской империей

Мóсхо Цавéлла (1760–1803) Сражалась в 1792 году против Али-паши в битве при Киафе. Героизм Мосхо увековечен в народных песнях

Школа Вульгариса — самая историческая школа в Теспротии и одна из самых исторических в Эпире. Основана Сотирисом Вульгарисом (впоследствии он основал в Италии бренд BVLGARI)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ОБ АВТОРЕ

«Озорник Антонис» — самая личная книга в творчестве Пенелопы Дельты. Образы, созданные в ней, возникают прямым образом из ее воспоминаний. Через главного персонажа, брата Пенелопы, Антониса, автор повествует о его самых головокружительных проделках и позволяет самым искренним и трогательным образом ощутить непередаваемую беззаботность детства.

Пенелопа Дельта, третий ребенок (из четырех) успешного торговца хлопком Эммануэля Бенакиса и Виргинии Чореми, родилась в 1874 году в Александрии, Египет, где и прожила большую часть своей жизни.

Детство она провела в богатой, но и очень строгой семейной обстановке, этот опыт отражен в большинстве ее текстов.

В 1882 году семья Бенакис покидает Египет под давлением угрозы их жизни и национализации их огромного состояния и переселяется в Грецию, где Пенелопа в 1895 году, в возрасте 21 года, выходит замуж за константинопольского купца Стефаноса Дельту. От Дельты, которого Пенелопа ценила и уважала («он был честным, трудолюбивым и очень образованным»), но никогда не любила, у нее было три дочери: София, Виргиния и Александра.

После национальной катастрофы 1897 года и возвращения Стефаноса Дельты с войны семья снова переселяется в Александрию, где все утихло, и там в феврале 1905 года Пенелопа Дельта встречает роковую любовь всей своей жизни в лице Ионаса Драгумиса.

Тем временем, в 1916 году Пенелопа публикует свои первые книги, активно занимается вопросами языка вместе с муниципалистами и встречается со всеми великими пионерами образовательной реформы начала века. Семья Дельта поселяется на постоянное жительство в Афинах, в районе Кифисья. Пенелопа оказывается в водовороте смертельного политического соперничества между последователями Элефтериоса Венизелоса и последователями Народной партии, она испытывает ужас преследования своей семьи и осуждения Эммануэля Бенакиса со стороны последней (1916), но прежде всего — трагическое переживание убийства Ионаса Драгумиса (1920) расстрельной командой венизельских фанатиков по приказу ее собственного отца...

В 1925 году Пенелопа Дельта чувствует первые симптомы (паралич нижних конечностей) болезни, которая приковывает ее к креслу, лишит последнего желания жить и в конечном итоге приведет к ее трагической, добровольной смерти: 27 апреля 1941 года, день, когда немецкие войска вошли в Афины, Пенелопа Дельта выпивает яд, который всегда носила с собой, и умирает через пять дней...

На её могиле высекли слово ΣΙΩΠΗ — «тишина».

Пенелопа Дельта писала преимущественно литературу для детей (рассказы, исторические повести, сказки), а также исследования, которые в основном касались педагогических и воспитательных вопросов. Ее книги любят и читают греческие дети, о чем свидетельствуют многочисленные переиздания.

Ее основные произведения: «За Родину» (1909), «Сказка без названия» (1910), «Время болгарского убийцы» (1911), «Жизнь Христа» (1925), «Озорник Антонис» (1932), «Буян» (1935), «Тайны болота» (1937).